

Пятьдесят
оттенков
свободы



Эл Джеймс

18+

Annotation

«Пятьдесят оттенков свободы» — третья книга трилогии Э Л Джеймс «Пятьдесят оттенков», которая стала бестселлером № 1 в мире, покорила читателей откровенностью и чувственностью. Чем закончится история Анастейши и Кристиана? Удастся ли им сохранить свою любовь?

Э. Л. Джеймс

Пятьдесят оттенков свободы

Para mia Mama con todo mi amor y gratitud^[1]

И моему любимому отцу.

Папа, я скучаю по тебе каждый день

Благодарности

Спасибо Ниалл, моей опоре;

Кэтлин — моему критику, подруге, наперснице и спецу по технической части;

Би — за неустанную моральную поддержку;

Тейлору (также спецу по техчасти), Съзи, Пэм и Норе — за то, что не давали завянуть.

За советы и тактичность хочу сказать спасибо:

доктору Рейне Слюдер — за помощь во всех медицинских вопросах;

Анне Форлайнз — за советы по финансовым вопросам;

Элизабет де Вос — за помощь во всем, что касается американской системы усыновления.

Мэдди Бландино — за ее изысканное, вдохновляющее искусство.

Пэм и Джиллиан — за утренний субботний кофе и за то, что всегда возвращали меня в реальную жизнь.

Благодарю также мою редакторскую группу, Андреа, Шей и неизменно любезную и лишь временами закипавшую Джанин, переносившую мои «заносы» с терпением, стойкостью и чувством юмора.

Спасибо Аманде и всему «The Writer's Coffee Shop Publishing House» и, наконец, огромная благодарность всем работающим в «Винтаже».

Мамочка! Мамочка! Мамочка спит на полу.

Спит давно. Я расчесываю ей волосы, как она любит. Она не просыпается. Мама! У меня болит живот. Болит, потому что хочет есть. Его здесь нет. Хочется пить. Я подставляю стул к раковине в кухне и пью. Вода проливается на мою голубую кофточку. Мама все еще спит. Она даже не шевелится. Ей холодно. Я приношу свое одеяло, накрываю мамочку и ложусь рядом на липкий зеленый ковер. Мама не просыпается. У меня есть две игрушечные машинки. Они бегают по полу возле мамы. Наверное, она заболела. Я ищу, что можно съесть. В холодильнике нахожу горошек. Он замерз. Ем медленно. От горошка болит живот. Я сплю возле мамы. Горошек кончился. В холодильнике есть что-то еще. Только пахнет как-то странно. Я пробую полизать, и язык прилипает. Ем понемножку. Невкусно. Пью воду. Играю с машинками и сплю возле мамы. Она такая холодная и не просыпается. Распахивается дверь. Я накрываю маму одеялом. Он здесь. «Вот же дерьмо! Что здесь, на хрен, случилось? А, сучка шарахнутая, откинулась все-таки. Вот дрянь! Уберись, говнюк, не крутись под ногами». Он пинает меня, и я падаю и ударяюсь головой о пол. Больно. Он звонит кому-то и уходит. Запирает дверь. Я ложусь возле мамочки. Болит голова. В комнате — тетя-полицейский. Нет. Нет. Нет. Не трогайте меня. Не трогайте. Я останусь с мамой. Нет. Нет. Отойдите. Тетя-полицейский берет мое одеяло и хватает меня. Я кричу. Мама! Мамочка! Я хочу к маме. Слов больше нет. Я не могу больше говорить. Мама не слышит. Я ничего не могу сказать.

— Кристиан! Кристиан! — Ее голос, тревожный, настойчивый, вытягивает его из глубины кошмара, с самого дна отчаяния. — Я здесь. Здесь.

Он просыпается, и она склоняется над ним, хватая за плечи, трясет. Лицо озабоченное, в голубых, широко распахнутых глазах набухают слезы.

— Ана, — шепчет на выдохе он. Во рту — кисловатый привкус страха. — Ты здесь.

— Конечно, я здесь.

— Мне снилось...

— Знаю. Я здесь, здесь.

— Ана. — Он вдыхает ее имя; оно — талисман от черной, слепой паники, что гудит, разносясь по телу, в крови.

— Ш-ш-ш, я здесь.

Она ложится рядом, сворачивается, обнимает его руками и ногами. Ее тепло просачивается в него, отгоняет тени, оттесняет страх. Она — солнце, она — свет. И она — его.

— Пожалуйста, давай не будем ссориться. — Голос его звучит немного хрипло. Он обнимает ее.

— Хорошо.

— Клятвы. Никакого подчинения. Я смогу. Мы найдем выход. — Слова вылетают торопливо и неловко, словно барахтаясь в потоке эмоций, смятения и тревоги.

— Да. Найдем. Мы всегда находим выход, — шепчет она и целует его, заставляет замолчать и возвращает в настоящее.

Глава 1

Через дырочки в крыше из морской травы я смотрю на самое голубое из всех небес, летнее средиземноморское небо. Смотрю и довольно вздыхаю. Кристиан рядом, растянулся в шезлонге. Мой муж — красивый, сексуальный, без рубашки и в обрезанных джинсах — читает книжку, предрекающую крушение западной банковской системы. Судя по всему, захватывающий триллер: я давно уже не видела, чтобы он сидел вот так неподвижно. Сейчас он больше похож на студента, чем на преуспевающего владельца одной из самых рейтинговых частных компаний в Соединенных Штатах.

Наш медовый месяц подходит к концу, это его последний эпизод. Мы нежимся под послеполуденным солнцем на пляже отеля с весьма подходящим названием «Бич Плаза Монте-Карло» — в Монако, хотя, вообще-то, остановились не в нем. Я открываю глаза и смотрю на стоящую на якоре в бухте «Прекрасную леди». Живем мы, разумеется, на борту этой шикарной моторной яхты. Построенная в 1928-м, она прекрасно держится на воде и среди всех стоящих в бухте яхт выглядит настоящей королевой. Она напоминает мне детскую заводную игрушку. Кристиан в нее влюблен, и я подозреваю, что его тянет ее купить. Ох уж эти мальчишки с их игрушками!

Откинувшись на спинку, я слушаю «Кристиан Грей микс» на своем айпоне и лениво подремываю, вспоминая его предложение... сказочное предложение, сделанное в лодочном сарае... Я почти ощущаю аромат полевых цветов...

— Мы можем пожениться завтра? — нежно шепчет мне в ухо Кристиан.

Я растянулась, положив голову ему на грудь, уставшая и пресыщенная после страстной любви.

— М-м-м.

— Понимать как «да»? — Я слышу в его вопросе нотки приятного удивления.

— М-м-м.

— Или «нет»?

— М-м-м.

Чувствую, как он усмехается.

— Мисс Стил, вы можете говорить связно?

Теперь уже я улыбаюсь.

— М-м-м.

Он смеется, крепко меня обнимает и чмокает в макушку.

— Тогда завтра, в Вегасе.

Я сонно поднимаю голову.

— Не думаю, что моим родителям это так уж понравится.

Он легонько барабанит пальцами по моей голой спине.

— Чего ты хочешь, Анастейша? Вегас? Большую свадьбу со всеми положенными аксессуарами? Признавайся.

— Нет, большую не хочу. Только друзья и родные. — Я смотрю на него и не могу оторваться, тронутая умоляющим выражением в сияющих серых глазах, и спрашиваю себя: «А чего хочет он?»

— О'кей. — Кристиан кивает. — Где?

Я пожимаю плечами.

— А нельзя ли сделать это здесь? — осторожно спрашивает он.

— У твоих родителей? А они не будут возражать?

Он фыркает.

— Мама будет на седьмом небе от счастья.

— Ладно, здесь так здесь. Мои папа с мамой будут только за.

Кристиан гладит меня по волосам. Вот оно, счастье. Лучше и быть не может.

— Итак, мы определили, где и когда.

— Но тебе нужно поговорить с матерью.

— Хм-м. — Улыбка блекнет. — У нее будет один месяц. Я слишком хочу тебя, чтобы ждать дольше.

— Кристиан, я же с тобой. И не первый день. Ну, ладно, месяц так месяц. — Я целую его в грудь, просто чмокаю, и улыбаюсь.

— Ты сторишь, — шепчет он мне в ухо, вырывая из дремоты.

— Только от тебя. — Я обворожительно улыбаюсь. Послеполуденное солнце переместилось, и теперь я лежу под его прямыми лучами.

Он усмехается и одним быстрым движением передвигает мой шезлонг в тень.

— Держитесь подальше от средиземноморского солнца, миссис Грей.

— Вы такой альтруист, мистер Грей. Спасибо.

— Не за что, миссис Грей. И я вовсе не альтруист. Если вы сторите, я не смогу до вас дотронуться. — Он вскидывает бровь, глаза его весело сияют, и мое сердце переполняется любовью. — Но, полагаю, вы и сами это знаете, а следовательно, смеетесь надо мной.

— Неужели? — Я делаю большие глаза, принимая невинный вид.

— Да-да, именно это вы и делаете. Причем часто. И это лишь одна из тех многочисленных мелочей, которые мне так в вас нравятся. — Он наклоняется и целует меня, захватывая и покусывая нижнюю губу.

— А я-то рассчитывала, что ты натрешь мне спину лосьоном для загара. — Я обиженно надуваю губки.

— Миссис Грей, это грязная работа, но... от такого предложения отказаться невозможно. Сядьте, — приказывает он хрипловатым голосом.

Я подчиняюсь, и он начинает втирать мне в кожу лосьон для загара. Движения неторопливые, пальцы сильные и ловкие.

— Ты и вправду прелесть. Мне с тобой повезло, — бормочет он, легко касаясь пальцами груди, растирая лосьон.

— Так и есть, мистер Грей, повезло. — Я незаметно поглядываю на него из-под ресниц.

— Скромность вам к лицу, миссис Грей. Перевернитесь. Хочу поработать с вашей спиной.

Я с улыбкой переворачиваюсь, и он убирает заднюю лямку моего жутко дорогого бикини.

— А как бы ты себя почувствовал, если бы я загорала топless, как другие женщины на пляже?

— Мне бы это очень не понравилось, — не задумываясь, отвечает Кристиан. — По моему, на тебе и так слишком мало одежды. — Он наклоняется и шепчет мне на ухо: — Не испытывай судьбу.

— Это вызов, мистер Грей?

— Вовсе нет, миссис Грей. Всего лишь констатация факта.

Я вздыхаю и качаю головой. Ох, Кристиан... мой помешанный на ревности тиран.

Закончив, он шлепает меня по попе.

— Довольно с тебя, красотка.

Его верный спутник, ни сна, ни отдыха не ведающий «блэкберри», негромко жужжит. Я хмурюсь, он усмехается.

— Это конфиденциально, миссис Грей. — Кристиан поднимает брови, напуская важный вид, шлепает меня еще раз и возвращается в шезлонг.

Моя внутренняя богиня мурлычет. Может быть, вечером мы еще устроим нескромное представление для избранных. Она хитро усмехается, вскидывает бровь. Я улыбаюсь и, закрыв глаза, погружаюсь в послеполуденную дрему.

— Mam'selle? Un Perrier pour moi, un Coca-Cola light pour ma femme, s'il vous plaît. Et quelque chose à manger... laissez-voir la carte^[2].

Хм-м... Я просыпаюсь от его голоса. По-французски Кристиан говорит довольно бегло. Щурясь от яркого солнца, я открываю глаза и вижу Кристиана — он смотрит на меня — и молодую женщину в форме и с подносом в руках, которая удаляется, соблазнительно покачивая блондинистым «хвостиком».

— Пить хочешь? — спрашивает он.

— Да, — сонно бормочу я.

— Так и смотрел бы на тебя весь день. Устала?

Я смущенно краснею.

— Не выспалась.

— Я тоже. — Он улыбается, откладывает «блэкберри» и поднимается. Шорты чуть сползли, и под ними видны плавки. Кристиан снимает шорты, сбрасывает шлепанцы, и я теряю нить мыслей и забываю обо всем на свете.

— Пойдем искупаемся. — Кристиан протягивает руку, а я оцепенело смотрю на него снизу вверх. — Поплаваем? — спрашивает он, чуть склонив голову набок, с лукавым выражением на лице. Я молчу, и он медленно качает головой. — По-моему, тебя пора встряхнуть.

Кристиан вдруг оказывается рядом, наклоняется и поднимает меня на руки. Я визжу — скорее от неожиданности, чем от страха.

— Отпусти меня! Отпусти!

— Только в море, детка, — ухмыляется он.

Несколько загорающих наблюдает за нами с вялым любопытством, которое, как я теперь понимаю, характерно для французов. Кристиан входит в воду и, смеясь, идет дальше.

Я обхватываю его за шею и, изо всех сил стараясь не прыснуть со смеху, говорю:

— Ты не посмеешь.

Кристиан с усмешкой смотрит на меня сверху.

— Ана, малышка моя, неужели ты так ничего и не поняла за то короткое время, что мы знакомы?

Он наклоняет голову и целует меня, а я, пользуясь случаем, запускаю пальцы ему в волосы, ухватываюсь обеими руками и возвращаю поцелуй. Мой язык проскальзывает между его губ. Он резко втягивает воздух и выпрямляется. Дымка желания застилает его глаза, но и

сквозь нее проглядывает настороженность.

— Меня не проведешь. Я твои игры знаю, — шепчет он, медленно погружаясь в чистую прохладную воду — вместе со мной. Его губы снова находят мои, и я обвиваюсь вокруг мужа, уже не замечая освежающей прохлады моря.

— Ты же вроде бы хотел поплавать.

— С тобой поплаваешь. — Он покусывает мою нижнюю губу. — И все-таки мне бы не хотелось, чтобы благочестивые жители Монте-Карло видели мою жену в пароксизме страсти.

Я приникаю к колючему, щекочущему языку подбородку, и мне нет никакого дела до благочестивых горожан.

— Ана, — хрипит Кристиан и, обернув мой «хвост» вокруг запястья, оттягивает мне голову назад и пробегает поцелуями по шее — от уха и вниз.

— Хочешь... в море? — выдыхает он.

— Да, — шепчу я.

Кристиан отстраняется и смотрит на меня сверху вниз. Глаза теплые, в них — желание и лукавство.

— Миссис Грей, вы ненасытны. И вы такая бесстыдная. Что за монстра я создал?

— Монстра себе в пару. Разве ты терпел бы меня другую?

— Я возьму тебя по-всякому, как только сумею. И ты это знаешь. Но не сейчас. Не на публике. — Он кивает в сторону берега.

Что?

И действительно, несколько человек из загорающих очнулись от апатии и смотрят на нас с некоторым интересом. Кристиан вдруг обхватывает меня за талию и подбрасывает. Я взлетаю над водой, падаю в воду, опускаюсь на мягкий песок и тут же выныриваю, кашляя, отплевываясь и против воли смеясь.

— Кристиан! — Я притворно хмурюсь. Думала, мы займемся любовью в море, и уже собиралась сделать первую отметку. Он смотрит на меня, прикусив губу, чтобы не расплыться в улыбке. Я брызгаю в него водой — он отвечает.

— У нас еще вся ночь впереди. — На его лице глупая, счастливая улыбка. — Потом, детка, попозже.

Кристиан ныряет, выныривает футок в трех от меня и легким, грациозным кролем уходит в море, все дальше и дальше.

Мой игривый, мой соблазнительный Кристиан! Пятьдесят Оттенков! Заслонившись ладошкой от солнца, я смотрю ему вслед. Как же ему нравится меня поддразнивать! А на что готова я, чтобы вернуть его?

Возвращаясь к берегу, обдумываю варианты. У шезлонгов нас уже ждут свежие напитки. Я торопливо отпиваю глоток колы. Кристиан далеко, пятнышко в море.

Х-м-м... Я ложусь на живот, неловко стаскиваю верх бикини и небрежно бросаю на шезлонг Кристиана. Вот так, мистер Грей. Вы еще увидите, какой я могу быть бесстыдницей. Зарубите это себе на носу. Я закрываю глаза. Солнце греет кожу, прогревает кости, и мои мысли медленно поворачивают и текут ко дню свадьбы.

— Можете поцеловать невесту, — провозглашает отец Уолш.

Я с улыбкой смотрю на мужа.

— Наконец-то ты моя, — шепчет он и, обняв меня, сдержанно целует в губы.

Я — замужем. Я — миссис Кристиан Грей. Голова идет кругом от радости.

— Ты прекрасна, Ана, — негромко говорит он. Глаза его сияют любовью и чем-то еще, чем-то темным, обжигающим. — Никому, кроме меня, не позволяй снимать с тебя это платье. Понимаешь? — Его пальцы спускаются по моей щеке, и кровь начинает закипать под ними, а градус его улыбки подскакивает сразу на сто делений.

Какого черта? Как у него это получается, даже на глазах у стольких зрителей?

Я молча киваю. Только бы никто нас не услышал. К счастью, отец Уолш предусмотрительно отступил в сторону. Я перевожу глаза на собравшихся — все в праздничных нарядах. Моя мама, Рэй, Боб и Грей — все аплодируют, даже Кейт, моя подруга. Кейт стоит рядом с шафером Кристиана, его братом Элиотом, в бледно-розовом платье она выглядит изумительно. Кто бы мог подумать, что даже Элиот может так принарядиться? Все рады, все улыбаются — кроме Грейс, которая незаметно промокает уголки глаз ослепительно-белым платочком.

— Готовы, миссис Грей? — тихонько спрашивает Кристиан и застенчиво улыбается. От этой улыбки внутри у меня все тает. Он выглядит просто божественно в скромном черном смокинге с серебристой манишкой и галстуком. Он такой... такой потрясающий.

— Готова и всегда буду готова, — с глуповатой улыбкой отвечаю я.

И вот уже свадьба в разгаре...

Каррик и Грейс уехали в город, установив шатер, волшебным образом украшенный бледно-розовым, серебристым и бежевым, со всех сторон открытый и глядящий в сторону моря. С погодой нам повезло, и предвечернее солнце сияет, повиснув над водой. Одна часть шатра отдана под танцпол, другая — под роскошный буфет.

Рэй и моя мама танцуют вместе и чему-то смеются. Глядя на них, я чувствую смешанную с легкой горечью радость. Надеюсь, у нас с Кристианом все продлится дольше. Даже не представляю, что со мной будет, если он уйдет. «Жениться на скорую руку, да на долгую муку». Эта поговорка никак нейдет из головы.

Рядом оказывается Кейт, такая восхитительная в своем длинном шелковом платье. Смотрит на меня и хмурится.

— Эй, у тебя же вроде бы самый счастливый в жизни день, — выговаривает мне она.

— Так и есть, — шепотом отвечаю я.

— Ох, Ана, ну что не так? Смотришь на свою маму и Рэя?

Я печально киваю.

— Они счастливы.

— Каждый по себе.

— Есть какие-то сомнения? — обеспокоенно спрашивает Кейт.

— Нет, нет. Просто... я так его люблю. — Я замираю, то ли не находя слов, чтобы выразить свои опасения, то ли не желая ими делиться.

— Ана, каждому же ясно, что он тебя обожает. Знаю, ваши отношения начались не совсем обычно, но весь последний месяц я вижу, как хорошо вам вместе, как счастливы вы оба. — Она хватает меня за руки и с улыбкой добавляет: — Кроме того, сейчас уже поздно.

Я смеюсь. Кейт никогда не преминет указать на очевидное. Она заключает меня в объятия — те самые, фирменные — от Кэтрин Кавана.

— Все будет хорошо. А если с твоей головы упадет хотя бы волосок, ему придется отвечать передо мной. — Она отстраняется и улыбается кому-то, кто стоит у меня за спиной.

— Привет, малышка. — Кристиан обнимает меня сзади, целует в висок. — Здравствуй,

Кейт. — Его отношение к ней не смягчилось, хотя и прошло уже шесть недель.

— Привет, Кристиан. Пойду поищу твоего шафера, а то он совсем про меня забыл.

Кейт улыбается нам обоим и направляется к Элиоту, выпивающему в компании ее брата Итана и нашего друга Хосе.

— Пора, — негромко говорит Кристиан.

— Уже? Для меня это первая вечеринка уже не помню с каких пор, и я вовсе не прочь побыть немного в центре внимания. — Я поворачиваюсь и смотрю на него.

— Ты это заслужила. Выглядишь потрясающе.

— Ты тоже.

Он улыбается, смотрит на меня сверху и как будто прожигает взглядом.

— Чудесное платье. И тебе идет.

— Вот это, старенькое? — Я смущенно краснею и приглаживаю тонкое кружево простенького, незамысловатого свадебного платья, скроенного матерью Кейт. Мне оно сразу понравилось — кружевное, скромное и в то же время смелое.

Он наклоняется и целует меня.

— Идем. Не хочу больше делить тебя со всеми этими людьми.

— А мы можем уйти с собственной свадьбы?

— Детка, это же наша вечеринка, и мы можем делать, что хотим. Мы уже разрезали торт, и теперь мне бы хотелось умыкнуть тебя для личного пользования.

Я смеюсь.

— Для этого у вас, мистер Грей, вся жизнь впереди.

— Рад слышать, миссис Грей.

— А, вот вы где! Воркуете как голубки.

Только этого не хватало. Нас нашла бабушка Грея.

— Кристиан, дорогой, потанцуешь с бабушкой?

Кристиан слегка поджимает губы.

— Конечно.

— А ты, прекрасная Анастейша, иди порадуй старика — потанцуй с Тео.

— С Тео?

— С дедушкой Тревельяном.

— Да, можешь называть меня бабушкой. И вот что: вам стоит серьезно поработать. Мне нужны правнуки, а долго я не протяну.

Она одаряет нас притворной улыбкой. Кристиан смотрит на нее с ужасом.

— Идем, бабушка, — говорит он и, взяв старушку за руку, торопливо уводит на танцпол, но на ходу оглядывается и, скорчив недовольную гримасу, закатывает глаза. — Попозже, детка.

Я иду к дедушке Тревельяну, но натыкаюсь на Хосе.

— Просить еще один танец не стану. Я и так уже практически монополизировал тебя. Рад, что ты счастлива, но... я серьезно, Ана. Понадоблюсь — буду рядом.

— Спасибо, Хосе. Ты — настоящий друг.

— Я серьезно, — с неподдельной искренностью говорит он.

— Знаю. Спасибо, Хосе. А теперь извини, пожалуйста, но... у меня свидание.

Он смотрит на меня непонимающе.

— С дедушкой Кристиана, — поясняю я.

Хосе улыбается.

— Удачи, Ана. Удачи во всем.

— Спасибо.

Старик неизменно мил. После танца с ним я стою у застекленной двери. Солнце медленно опускается над Сиэтлом, бросая на залив ярко-оранжевые и синие тени.

— Идем. — В голосе Кристиана — нетерпение.

— Мне надо переодеться. — Я хватаю его за руку, хочу затянуть через дверь в комнату и пойти наверх вместе. Он непонимающе хмурится и мягко тянет меня к себе.

— Думала, ты поможешь мне снять платье, — объясняю я.

Его глаза вспыхивают.

— Правильно. — Кристиан чувственно ухмыляется. — Но здесь я раздевать тебя не буду. Мы не можем уйти, пока... Не знаю... — Он делает неопределенный жест рукой. Предложение остается незаконченным, но смысл вполне ясен.

Я вспыхиваю от смущения и отпускаю его руку.

— И не распускай волосы, — предупреждает он.

— Но...

— Никаких «но», Анастейша. Ты прекрасно выглядишь. И я хочу сам тебя раздевать.

Вот так. Я хмурюсь.

— Собери одежду, которую возьмешь с собой, — распоряжается Кристиан. — Она тебе понадобится. Твой большой чемодан — у Тейлора.

— Ладно.

Что он задумал? Куда мы поедem? Мне никто ничего не сказал. Наверно, никто и не знает. Ни Миа, ни Кейт пока еще никакой информации у него не выведали. Я поворачиваюсь к матери — она стоит неподалеку с Кейт.

— Я не буду переодеваться.

— Что? — удивляется мама.

— Кристиан не хочет. — Я пожимаю плечами, как будто этого вполне достаточно и других объяснений не требуется.

— Ты не обещала во всем ему подчиняться, — коротко нахмурившись, тактично напоминает мама. Кейт фыркает и тут же закашливается. Я смотрю на нее, прищурившись. Ни она, ни мама даже не догадываются о наших с Кристианом спорах насчет этого. Рассказывать об этих спорах мне не хочется. Черт возьми, может ли мой муж дуться и... мучиться от кошмаров? Память отрезвляет.

— Знаю, мама, но ему нравится это платье, а я хочу ему угодить.

Она смягчается. Кейт картинно закатывает глаза и тактично отходит в сторонку, оставляя нас наедине.

— Дорогая, ты так чудесно выглядишь. — Карла бережно убирает выбившуюся прядку и гладит меня по щеке. — Я так горжусь тобой, милая. Уверена, Кристиан будет с тобой счастлив. — Она заключает меня в объятия. Ох, мама! — Ты такая взрослая, даже не верится. У тебя начинается новая жизнь. Только помни, что мужчины с другой планеты, — и все будет хорошо.

Я тихонько хихикаю. Мама и не знает, что мой Кристиан — из другой вселенной.

— Спасибо, мам.

Рэй подходит и улыбается нам обоим.

— Какая у тебя, Карла, красавица выросла. — Глаза его сияют от гордости. В новом смокинге и бледно-розовой жилетке он и сам выглядит весьма элегантно. Я моргаю — к

глазам подступили слезы. О нет... пока мне удавалось сдерживаться.

— Выросла у тебя на глазах, Рэй. И с твоей помощью. — Голос у мамы грустный.

— О чем несколько не жалею. Ты чертовски хороша в этой роли, Ани. — Рэй убирает мне за ухо ту же непокорную прядку.

— Папа... — Я сглатываю подступивший к горлу комок, и он обнимает меня, коротко и неуклюже.

— И жена из тебя тоже чудесная получится, — сдавленно шепчет он и опускает руки. Рядом уже стоит Кристиан.

Рэй тепло жмет ему руку.

— Ты уж приглядывай за моей девочкой.

— Именно этим и намерен заняться. Рэй... Карла... — Он кивает моему отчиму и целует маму.

Гости уже образовали что-то вроде длинного живого коридора, ведущего к парадному входу.

— Готова? — спрашивает Кристиан.

— Да.

Он ведет меня под аркой из вытянутых рук. Все кричат, желают нам удачи, поздравляют и осыпают рисом. В самом конце этого коридора улыбающиеся Грейс и Каррик. Они тоже обнимают нас и целуют. Грейс снова расчувствовалась. Мы торопливо прощаемся.

Тейлор уже сидит за рулем «Ауди». Кристиан открывает дверцу, я оборачиваюсь и бросаю в кучку собравшихся молодых женщин свой букет из белых и розовых роз. Миа ловит его и расплывается в победной улыбке. Я проскальзываю, смеясь, в салон, а Кристиан, наклонившись, подбирает мой шейф. Убедившись, что я в безопасности, он машет гостям.

Тейлор открывает ему дверцу.

— Поздравляю, сэр.

— Спасибо. — Кристиан усаживается рядом со мной.

Тейлор трогает, и мы отъезжаем, осыпаясь рисом. Кристиан берет мою руку и целует пальцы.

— Пока ведь все хорошо, миссис Грей?

— Пока все замечательно, мистер Грей. Куда мы едем?

— В Си-Так^[3], — отвечает он с загадочной улыбкой сфинкса.

Эге, и что же у него на уме?

Вопреки моим ожиданиям, Тейлор не поворачивает к терминалу вылета, а проезжает через служебный вход ко взлетной полосе. И что?

И тут я вижу его, личный самолет Кристиана. На фюзеляже крупными голубыми буквами — «Грей энтерпрайзес холдингз инк.».

— Только не говори, что снова используешь собственность компании в личных целях!

— Надеюсь, ты права. — Он улыбается.

Тейлор останавливается у трапа и, выскочив из машины, открывает дверцу со стороны Кристиана. Они обмениваются несколькими словами, после чего Кристиан открывает дверцу мне, но не отступает в сторону, а наклоняется и поднимает меня с сиденья.

Ух!

— Ты что делаешь?

— Переносу тебя через порог.

— А...

И это дом?

Он легко несет меня по трапу. Тейлор поднимается следом с моим чемоданом, наверху ставит его за порожком, спускается и идет к «Ауди». Я заглядываю в салон и вижу Стивена, пилота Кристиана.

— Добро пожаловать на борт, миссис Грей. — Он приветливо улыбается нам обоим. Кристиан опускает меня на пол и здоровается со Стивеном за руку. Рядом с пилотом стоит темноволосая женщина, тоже в форме, лет, наверно, тридцати с небольшим. — Примите мои поздравления.

— Спасибо. — Кристиан поворачивается ко мне. — Со Стивеном ты уже знакома. Сегодня он наш капитан. А это — его первый помощник, Бигли.

Женщина краснеет и смущенно моргает. Я закатываю глаза. Еще одна поклонница моего мужа. По-моему, это тот случай, когда популярность идет человеку во вред.

— Рада с вами познакомиться, — с придыханием говорит Бигли. Я благосклонно ей улыбаюсь: в конце концов, он мой.

— Все готово? — спрашивает Кристиан.

Я оглядываю салон. Интерьер отделан светлым кленом и кремовой кожей. Мило. В самом конце салона — еще одна женщина, миловидная брюнетка. Это еще кто такая?

— Все системы в порядке. Погода благоприятная до самого Бостона.

Бостон?

— Турбулентность?

— До Бостона не ожидается. Небольшой погодный фронт над Шенноном. Вот там, возможно, потрясет.

Шеннон? Ирландия?

— Понятно. Надеюсь, поспать все же удастся, — замечает Кристиан.

Поспать?

— Будем взлетать, сэр, — говорит Стивен. — О вас позаботится Наталия, ваша бортпроводница. — Мой муж бросает на нее быстрый взгляд и хмурится, но к Стивену поворачивается с улыбкой.

— Отлично. — Кристиан берет меня за руку и ведет к роскошному кожаному креслу. Всего кресел около дюжины. — Садись. — Он снимает смокинг, расстегивает серебристую парчовую жилетку.

Мы садимся лицом друг к другу. Между нами — небольшой полированный столик.

— Добро пожаловать на борт. Мои поздравления. — Наталия предлагает нам по бокалу розового шампанского.

— Спасибо, — говорит Кристиан, брюнетка вежливо улыбается и уходит в камбуз.

— За счастливую семейную жизнь. — Кристиан поднимает бокал, мы чокаемся. У шампанского восхитительный вкус.

— «Боланже»? — спрашиваю я.

— Оно самое.

— В первый раз я пила его из чайной чашки.

— Я хорошо помню тот день. Твой выпускной...

— Куда летим? — Любопытство распирает, и я уже не могу сдерживаться.

— В Шеннон. — Глаза у Кристиана вспыхивают, как у предвкушающего приключение мальчишки.

— Так мы отправляемся в Ирландию?

— Для дозаправки, — добавляет он. Издевается.

— А потом? — не отступаю я.

Он улыбается еще шире и качает головой.

— Кристиан!

— Потом — Лондон. — Он внимательно смотрит на меня, пытаюсь предугадать мою реакцию.

Ух ты! Я-то думала, мы отправимся в Нью-Йорк, Аспен или, может быть, на Карибы. Лондон! Даже не верится. Я всегда мечтала побывать в Англии. На душе становится светло, как будто от счастья там зажглась какая-то лампочка.

— Потом — Париж, — добавляет Кристиан.

Что?

— Потом — юг Франции.

Здорово!

— Я знаю, что ты всегда мечтала съездить в Европу, — мягко говорит он. — И хочу, чтобы твои мечты стали явью.

— Мои мечты — ты. И они уже сбылись.

— Я могу сказать то же самое о вас, миссис Грей, — шепчет он.

Ну и ну...

— Пристегнись.

Я улыбаюсь и пристегиваюсь.

Пока самолет вырывается на взлетную полосу, мы попиваем шампанское и глуповато улыбаемся друг другу. Мне все еще трудно поверить в происходящее. Дожив до двадцати двух лет, я наконец-то отправляюсь в Европу, и не куда-нибудь, а в Лондон!

Самолет набирает высоту. Наталия наливает нам еще шампанского и начинает готовить брачный пир. Да еще какой — копченый лосось, жареная куропатка с салатом из зеленых бобов и картофель-«дофинэ». Стюардесса демонстрирует пример эффективности.

— Десерт, мистер Грей? — спрашивает она.

Он качает головой, проводит пальцем по моей нижней губе и вопросительно смотрит на меня — в упор, пристально, с каким-то мрачным, но непонятным выражением.

— Нет, спасибо, — лепечу я, не в силах отвести глаз. Его губы складываются в едва заметную улыбку. Наталия уходит.

— Вот и хорошо, — негромко говорит он. — Вообще-то я уже спланировал, что получу на десерт тебя.

Ой... здесь?

— Идем. — Он встает из-за стола, предлагает мне руку и ведет в хвостовую часть салона.

— Здесь ванная.

Кристиан указывает на небольшую дверцу и идет дальше, к другой двери в самом конце короткого коридорчика. Ух ты, спальня! Он оборачивается и привлекает меня к себе.

— Я подумал, что мы проведем брачную ночь на высоте в тридцать пять тысяч футов. Раньше у меня такого не было.

Ни черта себе. Еще одно «в первый раз». Я смотрю на него и чувствую, как колотится сердце. «Клуб высотников»^[4]. Что-то я об этом слышала.

— Но сначала придется освободить тебя от этого сказочного платья. — В его глазах — любовь и что-то еще, что-то темное и непонятное, что-то притягательное, взывающее к моей

внутренней богине. У меня захватывает дух.

— Повернись.

Голос низкий, властный и до невозможности сексуальный. Как это ему удается? Одно слово, но сколько всего оно обещает! Я охотно подчиняюсь. Он возится с моими волосами, бережно, одну за другой, вытаскивает заколки. У него ловкие пальцы, и с работой Кристиан справляется на удивление быстро. Мои волосы волнами падают на плечи, на спину, на грудь... Я стараюсь стоять неподвижно, не ерзать, но мне так хочется его прикосновений, ласк! День получился долгий, утомительный и с волнениями, и теперь я хочу его — всего, целиком и полностью.

— У тебя чудесные волосы, — шепчет Кристиан, и я ощущаю тепло его дыхания, хотя губы и не касаются моего уха. Волосы освобождены от заколок, и он осторожно перебирает их. Я чувствую мягкие касания пальцев — и закрываю от наслаждения глаза. Пальцы спускаются ниже, бережно оттягивают голову назад, открывая горло.

— Ты моя, — выдыхает Кристиан и сжимает губами мочку моего уха.

С моих губ срывается стон.

— Тише, — укоризненно шепчет он и, убрав волосы в сторону, ведет пальцем по спине, от плеча до плеча, над верхней, кружевной кромкой платья. Я уже дрожу. Он ставит первую печать над верхней пуговицей платья.

— Ты прекрасна. — Кристиан расстегивает первую пуговицу. — Сегодня я счастливейший человек на всем свете. — Медленно, с неспешностью истязателя, он расправляется с остальными пуговицами, опускаясь ниже и ниже. — Я так тебя люблю. — Его губы прокладывают дорожку от шеи к плечу, заполняя промежутки между поцелуями короткими словами: — Я... Так... Хочу... Тебя... Хочу... Быть... В тебе... Ты... Моя...

Каждое слово — поток вина. Я закрываю глаза и наклоняю голову, подставляя ему шею, покоряясь чарам Кристиана Грея, моего мужа.

— Моя, — снова бормочет он и тянет платье вниз, так что оно падает к моим ногам легким облаком шелка и кружев.

— Повернись. — Голос его меняется, шепот напоминает хрип. Я поворачиваюсь, и у него перехватывает дух.

На мне тугий корсет из розового атласа с подвязками, кружевные трусики того же цвета и белые шелковые чулки. Он пробегает по мне жадным взглядом, но ничего не говорит и только смотрит. Зрачки его расширяются.

— Нравится? — шепотом спрашиваю я, чувствуя, как приливает к лицу кровь.

— Не просто нравится, детка. Ты просто потрясающе выглядишь сегодня. Иди сюда. — Он протягивает руку, и я, взяв ее, переступаю через лежащее на полу платье.

— Не шевелись. — Пожирая меня глазами, он ведет средним пальцем над грудями, следуя по кромке корсета. Дышать все труднее, а его палец повторяет тот же путь в обратном направлении. По спине бегут мурашки. Кристиан останавливается и жестом показывает, что мне надо повернуться. Сейчас я готова для него на все.

— Стоп.

Я стою лицом к кровати. Он обнимает меня за талию, притягивает к себе, прижимается лицом к моей шее. Потом кладет ладони мне на груди, ласкает их, кружит большими пальцами по соскам, так что они напрягаются и проступают под тонким атласом корсета.

— Моя... — шепчет он.

— Твоя... — выдыхаю я.

Оставив в покое груди, он переходит на живот, потом ниже, на бедра. Пальцы подбираются все ближе к развилке. Он спускает с моих плеч лямки и со своей обычной ловкостью расстегивает застёжки подвязок.

— Моя... — Он поглаживает меня сзади, легонько касаясь волосков.

— А-а-а...

— Тише. — Руки сползают ниже.

Кристиан наклоняется и сбрасывает с постели покрывало.

— Садись.

Я подчиняюсь беспрекословно, как зачарованная, и Кристиан опускается на колени и скатывает один за другим мои белые свадебные чулки «Джимми Чу». Пальцы скользят по моим ногам... между ними...

— Я как будто разворачиваю рождественский подарок. — Он улыбается мне из-под длинных, темных ресниц.

— Подарок, который ты уже...

Кристиан укоризненно хмурится.

— О нет, детка, нет. На этот раз ты по-настоящему моя.

— Я твоя с тех пор, как впервые сказала «да». — Я наклоняюсь, беру его прекрасное лицо в ладони. — Я твоя и всегда буду твоей. А теперь... по-моему, это на тебе слишком много лишнего. — Я целую его, и он вдруг наклоняется, целует меня в губы, сжимает мне голову обеими руками.

— Ана... Моя Ана... — Он впивается в мои губы, его язык настойчиво рвется внутрь.

— Одежда, — шепчу я, и наше дыхание смешивается. Я стаскиваю с него жилетку, и он, пытаясь помочь, на мгновение выпускает меня и замирает. Его глаза как будто стали больше от желания.

— Позволь мне, пожалуйста, — умоляюще говорю я. Мне хочется самой раздеть мужа.

Он опускается на корточки, и я медленно распускаю узел серебристо-серого, моего любимого галстука, стягиваю его и тянусь к верхней пуговице белой рубашки. Он задирает подбородок. Закончив с пуговицей, перехожу к манжетам. У него платиновые запонки с выгравированными переплетенными буквами «А» и «К» — мой свадебный подарок. Кристиан забирает запонки и зажимает в кулаке, потом наклоняется, целует меня и опускает их в карман брюк.

— Мистер Грей, так романтично.

— Сердечки и цветы — для вас, миссис Грей. Всегда.

Я беру его руку, подношу к губам и, глядя на него из-под ресниц, целую платиновое обручальное кольцо. Он стонет и закрывает глаза.

— Ана... — В его устах мое имя звучит как молитва.

Я возвращаюсь к пуговицам и, подражая Кристиану, отмечаю каждый маленький успех поцелуем.

— Ты... Мое... Счастье... Я... Тебя... Люблю...

Он вдруг хватает меня, бросает на кровать и сам падает сверху. Его губы ищут мои, руки сплетаются у меня за головой, и я замираю, наслаждаясь волшебным танцем наших языков. Кристиан соскальзывает на колени, оставляя меня на кровати — запыхавшуюся, трепещущую.

— Ты такая красивая... моя жена. — Он проводит ладонью по моим ногам, сжимает левую ступню. — У тебя такие прелестные ножки. Так и хочется покрыть их все поцелуями.

Начиная отсюда. — Он прижимается губами к большому пальцу, покусывает подушечку. Все, что у меня ниже талии, содрогается и тает. Его язык ползет выше, по подъему, и добирается до щиколотки. Губы сворачивают на внутреннюю сторону икры, оставляя за собой влажные следы. Я начинаю ерзать.

— Спокойно, миссис Грей. Замрите, — предупреждает Кристиан и внезапно, без предупреждения, переворачивает меня на живот и продолжает то же неспешное путешествие по моим бедрам, ягодицам...

— Пожалуйста... — выдавливаю сквозь зубы я.

— Я хочу тебя без одежды, — бормочет он и принимается за крючки моего корсета, а когда тот соскальзывает со спины на постель, проводит языком вдоль всей спины.

— Пожалуйста...

— Чего вам угодно, миссис Грей? — шепчет Кристиан мне на ухо. Он уже почти лежит на мне, и я чувствую силу его желания.

— Тебя...

— А я хочу тебя, любовь моя... моя жизнь...

Я снова оказываюсь на спине. Он быстро поднимается, одним движением освобождается от брюк и трусов и предстает передо мной во всей восхитительной и устрашающей готовности. Тесная комната заполнена его красотой и желанием. Он наклоняется, стягивает трусики и смотрит на меня сверху.

— Моя... — беззвучно шепчут губы.

— Пожалуйста... — молю я, и его губы кривит усмешка — похотливая, искушающая, непристойная усмешка.

Кристиан возвращается к кровати и покрывает поцелуями мою правую ногу. Достигнув вершины, он раздвигает мне ноги...

— М-м... какая у меня женушка... — бормочет он и...

Я закрываю глаза, полностью отдаваясь во власть этого проворного, ловкого и изобретательного языка. Мои бедра движутся, подчиняясь заданному им ритму — вверх-вниз, взад-вперед, по кругу. Он сжимает их, стараясь удержать, усмирить, но при этом не прекращает восхитительную пытку. Я улетаю все выше...

— Кристиан...

— Нет... еще нет... — Его язык, проделав путь наверх, ныряет в ямку пупка.

— Нет! — Черт! Я чувствую его усмешку, чувствую животом.

— Вы такая нетерпеливая, миссис Грей. У нас еще много времени до Изумрудного острова. — Он награждает поцелуями мои груди, захватив губами, тянет левый сосок и смотрит на меня. В его глазах — тьма тропического шторма.

Ого! А я уже и забыла. Европа.

— Я хочу тебя... пожалуйста...

Он нависает надо мной, опускается, удерживаясь на локтях, прикикает ко мне носом, и я глажу его по сильной, широкой спине, рельефным ягодицам...

— Миссис Грей. Мы готовы угодить вам. — Его губы касаются меня легко, словно крылья бабочки. — Я люблю тебя.

— Я тоже люблю тебя.

— Открой глаза. Я хочу тебя видеть.

— Кристиан... о... — Я тихонько вскрикиваю — он медленно входит в меня.

— Ана... о, Ана, — выдыхает он и начинает...

— Ты что это делаешь? — кричит Кристиан, и я вынырываю из чудесного сна. Весь мокрый и прекрасный, он стоит у моего шезлонга и сердито смотрит на меня.

Что? Что такого я сделала? О нет... я лежу на спине и... Черт, черт, черт. А он точно сумасшедший.

Я растерянно моргаю. Сна как не бывало, сладкий эротический сон растаял.

— Лежала лицом вниз, должно быть, перевернулась во сне, — невнятно бормочу я в свое оправдание.

Кристиан готов испепелить меня взглядом. Наклоняется, подбирает бикини и бросает мне.

— Надень! — шипит он.

— Но никто же не смотрит.

— Смотрят, ты уж мне поверь. А уж Тейлор и секьюрити наверняка наслаждаются зрелищем!

Черт! Ну почему я постоянно о них забываю? Охваченная паникой, я торопливо прикрываю груди ладонями. После того неприятного случая с «Чарли Танго» за нами постоянно следуют эти чертовы секьюрити.

— Да, — рычит Кристиан. — А еще тебя мог щелкнуть какой-нибудь мерзавец-папарацци. Хочешь появиться на обложке «Стар»? Теперь уже голая?

Черт! Папарацци! Вот же гадство! Я пытаюсь быстренько натянуть топ, но, как всегда бывает в спешке, получается неловко. Меня трясет. В голове мелькают неприятные картинки той осады, что папарацци устроили возле издательства после известий о нашей помолвке. Кристиан Грей достался мне в пакете с этими проблемами.

— L'addition!^[5] — бросает он проходящей мимо официантке. — Уходим! — Это уже мне.

— Сейчас?

— Да. Сейчас. — Кристиан натягивает шорты на еще мокрые трусы и надевает футболку. Официантка возвращается — с кредиткой и чеком.

Я неохотно влезаю в легкое платье лазурного цвета и сую ноги в шлепанцы. Официантка уходит. Кристиан хватает свою книжку и «блэкберри» и прячет ярость за большими зеркальными очками. Он напряжен и только что не трясется от злости. Душа уходит в пятки. Все остальные женщины на пляже загорают топлес, и никто не считает это преступлением. Более того, это я выгляжу странно в купальнике. Настроение портится. Мне казалось, что Кристиан увидит в самой ситуации забавную сторону, но его чувство юмора просто испарилось.

— Пожалуйста, не злись, — шепчу я, забирая у него книгу и «блэкберри» и пряча их в рюкзак.

— Теперь уже поздно, — говорит Кристиан спокойно... слишком спокойно. — Идем.

Он берет меня за руку и делает знак Тейлору и двум французским охранникам, Филиппу и Гастону. Эти двое — близнецы. Пока мы загорали, они терпеливо наблюдали за нами и всеми остальными на берегу с веранды. Почему я постоянно о них забываю? Тейлор прикрылся темными очками, и его застывшее, словно каменная маска, лицо не отражает ровным счетом никаких эмоций. Он тоже на меня злится. Так непривычно видеть его в шортах и черной рубашке-поло.

Кристиан ведет меня к отелю и через вестибюль на улицу. Молчит, хмурится, раздражен — и это все из-за меня. Тейлор с командой следуют за нами.

— Куда мы идем? — осторожно спрашиваю я.

— На яхту, — не глядя на меня, бросает он.

Я не знаю, который час. Наверно, пять или шесть пополудни. Кристиан поворачивает к пристани, где пришвартованы моторка и «джет-скай», принадлежащие «Прекрасной леди». Пока он возится с канатом, я передаю рюкзак Тейлору и бросаю на него осторожный взгляд, но по его выражению понять что-либо невозможно. Наверное, видел меня на пляже, думаю я и краснею.

— Это вам, миссис Грей. — Тейлор протягивает мне спасательный жилет, и я послушно его надеваю. Почему этот жилет должна носить только я одна? Кристиан и Тейлор обмениваются взглядами. Ну и ну, так он еще и на Тейлора злится? Кристиан проверяет крепления на моем жилете, подтягивает среднее.

— Пойдет, — хмуро, не глядя на меня, ворчит он и, ловко перебравшись на «джет-скай», протягивает мне руку. Я хватаюсь за нее и даже ухитряюсь перенести ногу, не упав при этом в воду. Тейлор и близнецы загружаются в моторку. Кристиан отталкивается от пристани, и «джет-скай» медленно отваливает от берега.

— Держись, — командует Кристиан, и я обхватываю его обеими руками. Эта составляющая путешествия на «джет-скай» нравится мне больше всего. Я прижимаюсь к мужу, утыкаюсь носом ему в спину — а ведь было время, когда он не позволял мне прикасаться к нему вот так, — и вдыхаю его запах. Запах Кристиана и моря. «Прости меня, пожалуйста», — думаю я.

И чувствую, как он напрягся.

— Держись. — Тон его смягчается. Я целую его спину, прижимаюсь щекой и, повернувшись, смотрю на пристань, откуда за нами наблюдают несколько отдыхающих.

Кристиан поворачивает ключ, и мотор отвечает низким ревом. Еще газу — и «джет-скай» прыгает вперед и несется по прохладной темной воде к стоящей посередине бухты «Прекрасной леди». Я прижимаюсь еще теснее. Мне это нравится — так возбуждает. Кристиан напряжен, и я чувствую каждую его мышцу. Моторка Тейлора держится рядом. Кристиан бросает на него взгляд, добавляет газу — и мы вырываемся вперед, скача по гребням волн, словно запущенный умелой рукой камешек. Тейлор раздраженно качает головой и поворачивает прямиком к яхте, а Кристиан держит курс в открытое море. В нас летят брызги, ветер бьет в лицо, и мой «хвост» мечется из стороны в сторону как сумасшедший. Как здорово! Может, азарт гонки развеет дурное настроение? Я не вижу лица мужа, но знаю — ему это по вкусу, сейчас он может быть собой, беззаботным, немножко безрассудным, как и положено в его возрасте.

Мы описываем широкий полукруг, и я разглядываю берег — замершие в марине лодки, желто-бело-песчаную мозаику офисов и домов и крутую скалистую стену за ними. Картина совершенно неорганизованная — никаких привычных, аккуратных кварталов, — но живописная. Кристиан оглядывается через плечо, и на его губах мелькает тень улыбки.

— Еще? — кричит он, перекрывая рев мотора.

Я согласно киваю. Он отвечает ослепительной усмешкой, дает полный газ, проносится вокруг «Прекрасной леди» и снова устремляется в море. Кажется, я прощена.

— А ты загорела. — Кристиан снимает с меня спасательный жилет. Я изо всех сил стараюсь угадать, какое у него настроение. Мы на палубе яхты, и один из стюардов уже стоит рядом, терпеливо ожидая мой жилет. Кристиан передает его.

— Это все, сэр? — спрашивает стюард. У него приятный французский акцент. Кристиан смотрит на него, снимает очки и сует их за ворот футболки.

— Выпьешь чего-нибудь? — спрашивает он.

— А надо?

Он склоняет голову набок.

— Почему ты так говоришь?

— Ты и сам знаешь.

Кристиан задумчиво хмурится, словно взвешивает что-то. И что же он думает?

— Два джина с тоником, пожалуйста. И немного орешков и оливок, — говорит

Кристиан стюарду. Тот кивает и быстро исчезает.

— Ждешь, что я тебя накажу? — мягко спрашивает он.

— Хочешь?

— Да.

— Как?

— Что-нибудь придумаю. Может, когда ты выпьешь.

Чувственная угроза. Я сглатываю, и моя внутренняя богиня щурится с шезлонга, где она пытается поймать солнечные лучи болтающимся на шее серебристым рефлектором.

Кристиан снова хмурится.

— Так ты хочешь?

Откуда он знает?

— Ну, смотря по обстоятельствам, — уклончиво бормочу я.

— Каким? — Он прячет улыбку.

— Хочешь ли ты сделать мне больно или нет.

Губы сжимаются в твердую линию, о юморе больше нет и речи. Он наклоняется и целует меня в лоб.

— Анастейша, ты моя жена, а не саба. Я не хочу делать тебе больно. Тебе бы уже пора это знать. Ты только... не раздевайся больше на публике. Не хочу видеть тебя голой во всех таблоидах. И ты тоже этого не хочешь, и мама твоя не хочет, и Рэй не хочет.

Рэй? Да его бы паралич хватил. И о чем я только думала?

Стюард ставит поднос с напитками и закуской на тиковый столик.

— Садись, — говорит Кристиан. Я послушно устраиваюсь в складном парусиновом кресле. Кристиан садится рядом и подает мне джин с тоником. — Ваше здоровье, миссис Грей.

— Ваше здоровье, мистер Грей.

Первый глоток — самый лучший. Холодный напиток прекрасно утоляет жажду. Я поднимаю голову — Кристиан внимательно смотрит на меня, но угадать его настроение невозможно. Жаль. Злится ли он еще на меня или уже нет? Решаю воспользоваться испытанным на практике приемом отвлечения внимания.

— А чья это яхта? — спрашиваю я.

— Одного английского рыцаря. Какого-то сэра. Его прадедушка начинал с бакалейной лавки, а дочь вышла за одного из европейских наследных принцев.

Ого.

— Супербогач?

Кристиан вдруг напрягается.

— Да.

— Как ты.

— Да.

Ох.

— И как ты, — негромко добавляет Кристиан и бросает в рот оливку. Я моргаю... перед глазами мой муж — в смокинге и серебристой жилетке... идет свадебная церемония, и он смотрит на меня горящими глазами... так искренне.

«Все, что мое, отныне и твое». Его голос звучит четко и ясно, повторяя слова брачной клятвы.

Все мое?

— Странно. Подняться так высоко... от ничего... — Я делаю широкий жест, включающий в себе и яхту, и бухту, и берег: — Ко всему.

— Привыкнешь.

— Не думаю, что привыкну.

На палубе появляется Тейлор.

— Сэр, вам звонят.

Кристиан хмурится, но все же берет протянутый телефон.

— Грей, — бросает он и, поднявшись, отходит к носу яхты.

Я смотрю на море, отключившись от разговора с Рос, его заместителем. Я богата... богата до неприличия и притом палец о палец не ударила, чтобы заработать эти деньги... всего лишь вышла замуж за богатого мужчину. Я поеживаюсь, вспомнив наш разговор о брачном контракте.

Случилось это в воскресенье, после его дня рождения, когда мы все — Элиот, Кейт, Грейс и я — сидели в кухне за легким завтраком и обсуждали достоинства и недостатки бекона и колбасы. Каррик и Кристиан читали воскресную газету...

— Вы только посмотрите, — пищит Миа, ставя на стол перед нами свой нетбук. — На вебсайте «Сиэтл Нуз» сказано, что Кристиан собирается обручиться.

— Уже? — удивляется Грейс и тут же поджимает губы — вспомнив, должно быть, что-то неприятное. Кристиан хмурится. Миа читает колонку вслух:

— «До нас дошло известие, что один из самых завидных холостяков, небезызвестный Кристиан Грей, наконец-то раскололся, и мы, если прислушаемся, можем услышать звон свадебных колоколов. Но кто же счастливая избранница? «Нуз» пытается это выяснить. Держу пари, леди предложен неплохой брачный контракт».

Миа хихикает и тут же умолкает, поймав сердитый взгляд Кристиана. В кухне воцаряется тишина, а температура как будто падает до нуля.

О нет! Брачный контракт? Мне эта мысль и в голову не приходила. Я нервно сглатываю, чувствуя, как от лица отливает кровь. «Пожалуйста, земля, расступись и поглоти меня!» — молю я про себя. Кристиан ерзает в кресле, и я настороженно смотрю на него.

— Нет, — беззвучно, одними губами, говорит он мне.

— Кристиан, — подает голос Каррик.

— Не собираюсь обсуждать это еще раз, — недовольно бросает Кристиан.

Каррик нервно смотрит на меня и уже открывает рот...

— Никакого контракта! — почти кричит Кристиан и, демонстративно игнорируя присутствующих, возвращается к газете. Все смотрят на меня, потом снова на него, потом куда угодно, только не нас двоих.

— Кристиан, — говорю я, — я подпишу все, что вы с мистером Греем только хотите.

Черт, мне ведь не впервой. Чего я только не подписывала. Кристиан поднимает голову и

бросает на меня недовольный взгляд.

— Нет! — Я бледнею. — Это для твоей же пользы.

— Кристиан, Ана, думаю, вам лучше обсудить это наедине, — вмешивается Грейс, сердито поглядывая на Каррика и Миа. Ну и ну, похоже, у них тоже проблемы.

— Ана, к тебе это не относится, — успокаивает меня Каррик. — И пожалуйста, называй меня по имени.

Кристиан смотрит на своего отца с холодным прищуром, и мне делается не по себе. Черт... Он и впрямь псих.

Разговор возобновляется, Миа и Кейт поднимаются и начинают убирать со стола.

— Я определенно предпочитаю колбасу, — объявляет Элиот.

Я смотрю на побелевшие костяшки пальцев. Дело дрянь. Надеюсь, мистер и миссис Грей не считают меня какой-то вымогательницей. Кристиан наклоняется и берет мои руки в свои.

— Перестань.

Откуда ему знать, о чем я думаю?

— Не обращай внимания на отца, — говорит он тихо, чтобы слышала только я одна. — Он не в духе из-за Элены. Целили в меня. Матери следовало бы помалкивать.

Я знаю, что Кристиан еще не отошел после «разговора» с Карриком и Эленой прошлым вечером.

— Он прав. Ты очень богат, а я не принесу в семью ничего, кроме выплат по студенческому кредиту.

— Анастейша, если уйдешь, можешь забрать все, — говорит он, глядя на меня уныло. — Однажды ты уже уходила. Я знаю, каково это.

Ни черта себе!

— Тогда было совсем другое, — шепчу я, тронутая его искренностью. — Но, может быть, ты захочешь уйти. — Меня едва не тошнит от этой мысли.

Он фыркает и качает головой.

— Кристиан, ты же знаешь, я могу сделать что-нибудь... сглупить... и ты... — Я снова опускаю голову и смотрю на сцепленные пальцы. Меня пронзает боль, и предложение остается незаконченным. Потерять Кристиана... черт.

— Перестань. Прекрати немедленно. Вопрос закрыт. Мы больше не обсуждаем это. Никакого брачного контракта не будет. Ни сейчас, ни когда-либо. — Он выразительно смотрит на меня, потом переводит взгляд на Грейс. — Мама, мы можем провести свадьбу здесь?

Больше он об этом не заговаривал и при каждой возможности старался укрепить меня в мысли, что его состояние и мое тоже. Я с ужасом вспоминаю тот сумасшедший тур шопинга, в который Кристиан отправил нас с Кэролайн Эктон, его личным шоппером из «Нейман Маркус», перед медовым месяцем. Лишь бикини обошлось в пятьсот сорок долларов. Да, конечно, красивое и все такое, но разве не безумие тратить бешеные деньги на четыре треугольных клочка ткани?

— Ты привыкнешь. — Голос Кристиана вторгается в мои мысли. Он возвращается за стол.

— Привыкну к чему?

— К деньгам. — Мой муж закатывает глаза.

Ну, может быть, со временем. Я поддвигаю ему блюдо с соленым миндалем и кешью.

— Ваши орешки, сэр, — с невозмутимым видом сообщаю я, пытаюсь привнести в наш разговор немного юмора и развеять мрачные тучи, собравшиеся над головой после моей оплошности с бикини.

— Мои орешки теперь и ваши. — Кристиан усмехается и берет миндаль. Шутка удалась, и его глаза блестят от удовольствия. Он облизывает губы. — Выпей, и пойдём в спальню.

Что?

— Пей. — Глаза его темнеют.

Ох, этот взгляд вполне мог бы вызвать глобальное потепление. Не сводя с мужа глаз, я беру стакан и выпиваю все, до доньшка. Кристиан наблюдает за мной с открытым ртом и похотливой ухмылкой, потом встает и склоняется надо мной.

— Я намерен показать тебе кое-что. Для примера. Идем. Не писай, — добавляет он шепотом.

Не писай? Как грубо. Мое подсознание с тревогой отрывается от книги — «Полное собрание сочинений Чарльза Диккенса, том 1».

— Это не то, что ты думаешь. — Кристиан усмехается. Он такой сексуальный, такой веселый. Устоять невозможно.

— Ладно. — Я подаю ему руку, просто потому, что могла бы доверить саму жизнь. Что он придумал? Сердце уже колотится в предвкушении чего-то необычного.

Кристиан ведет меня через палубу, через роскошно обставленный салон, по узкому коридору, через столовую и, наконец, вниз по ступенькам в главную каюту. Здесь уже все прибрано, постель застелена. Симпатичная комната. Два иллюминатора, по оба борта, темная мебель орехового дерева, кремовые стены, в отделке преобладают два цвета — золотистый и красный.

Кристиан выпускает мою руку, стаскивает через голову и кидает на стул футболку. Сбрасывает шлепанцы. Одним движением освобождается от шортов и трусов. Ну и ну. Мне, наверно, никогда не надоест смотреть на него обнаженного. Абсолютно роскошный и весь мой. Кожа как будто светится — он тоже загорел, волосы отросли и свисают на лоб. Как же мне повезло, как повезло!

Он поднимает руку, берет меня за подбородок, оттягивает немного, чтобы я перестала терзать нижнюю губу, и проводит по ней большим пальцем.

— Так-то лучше. — Кристиан поворачивается, идет к внушительному шкафу, где хранится вся его одежда, и достает из нижнего ящика две пары наручников и повязку.

Наручники! Ими мы еще не пользовались. Я нервно оглядываюсь на кровать. И к чему он собирается их приковывать? Кристиан пристально смотрит на меня темными, лучистыми глазами.

— Бывает довольно больно. Если натягивать слишком сильно, они впиваются в кожу. — Он поднимает одну пару. — Но я хочу попробовать их сегодня на тебе.

Ни фига себе. У меня пересыхает во рту.

— Вот. — Он протягивает их мне. — Хочешь попробовать для начала?

Наручники тяжелые, металл холодный. Надеюсь, мне никогда не придется носить их по-настоящему.

Кристиан не сводит с меня глаз.

— Где ключи? — Мой голос слегка дрожит.

Он протягивает руку, на ладони — маленький металлический ключик.

— Подходит к обоим парам. И вообще ко всем.

Интересно, сколько их у него? В музейном сундуке ничего такого не было.

Кристиан ведет указательным пальцем по моей щеке, потом наклоняется, словно хочет поцеловать.

— Хочешь поиграть? — От одного лишь звука его низкого голоса все внутри меня устремляется вниз, где уже шевелятся щупальца желания.

— Да, — выдыхаю я.

— Хорошо. — Он легко касается губами моего лба. — Нам понадобится пароль.

Что?

— Одного лишь «стоп» недостаточно, потому что ты можешь произнести его, сама того не желая. — Он трется об меня носом — это единственный контакт между нами.

Что он имеет в виду? Сердце колотится все сильнее. Черт... Как у него это получается?

— Больно не будет. Но напряжение будет, и тебе придется несладко, потому что двигаться я тебе не позволю. Договорились?

Ух ты. Мне уже жарко. Не хватает воздуха. Я пыхчу, как паровоз. Какое счастье, что я замужем за этим мужчиной, иначе все это выглядело бы весьма неудобно. Взгляд невольно прыгает вниз.

— Договорились, — едва слышно отвечаю я.

— Выбери слово, Ана.

Ох.

— Пароль.

— Попсикл^[6].

— Попсикл? — удивленно повторяет он.

— Да.

Кристиан отстраняется и задумчиво смотрит на меня сверху вниз.

— Интересный выбор. Подними руки.

Я послушно поднимаю, и Кристиан берет мое платье за подол, стягивает через голову, бросает на пол. Потом протягивает руку, и я отдаю ему наручники. Он кладет обе пары на прикроватный столик, рядом с повязкой, и срывает покрывало.

— Повернись.

Поворачиваюсь. Он расстегивает топ, и тот падает на пол.

— Завтра я пришилю его к тебе, — ворчит Кристиан и тянет за ленту. Волосы рассыпаются. Он собирает их в руку и несильно тянет. Я делаю шаг назад. Прижимаюсь к его груди. К его члену. Он снова тянет за волосы, заставляя меня склонить голову набок, и целует шею.

— Ты была такая непослушная, — шепчет мне на ухо Кристиан, и по коже бегут мурашки.

— Да, — выдыхаю я.

— М-м-м. И что мы будем с этим делать?

— Научи меня жить с этим. — Его мягкие, легкие поцелуи сводят с ума. Он усмехается мне в шею.

— А, миссис Грей. Вы, как всегда, оптимистка.

Он выпрямляется. Аккуратно разделяет мои волосы на три пряди, неспешно их переплетает и перевязывает моей лентой. Потом осторожно натягивает косичку и склоняется к моему уху.

— Я преподам тебе урок.

Кристиан вдруг хватается меня за талию, садится на кровать и бросает меня поперек колен, так что я чувствую под собой его эрекцию. Он шлепает меня по попе, сильно. Я вскрикиваю и оказываюсь на спине, а он стоит надо мной, смотрит сверху, и его серые глаза как будто плавают. Я вот-вот вспыхну.

— Ты такая красивая.

Его пальцы бегут вверх по моему бедру. Ощущение такое, словно под кожей звенят звоночки. Не сводя с меня глаз, он поднимается и берет обе пары наручников. Хватает мою левую ногу и защелкивает браслет на лодыжке. Ох! Повторяет то же самое с правой ногой. Интересно, к чему он собирается меня приковать?

— Сядь!

Я беспрекословно повинуюсь.

— Обхвати колени.

Я недоуменно моргаю, потом подтягиваю колени и обхватываю их обеими руками. Он наклоняется, берет меня за подбородок, нежно целует в губы и натягивает на глаза повязку. Я ничего не вижу и слышу только частое дыхание и звук плещущейся о борт яхты воды.

Уф. Я уже на взводе.

— Какой у нас пароль, Анастейша?

— «Попсикл».

— Хорошо. — Кристиан берет мою левую руку, защелкивает браслет на запястье и повторяет ту же процедуру с правой рукой. Теперь обе мои руки пристегнуты к ногам, левая — к левой, правая — к правой. Вытянуть ноги невозможно. Тяжело.

— А теперь, — выдыхает Кристиан, — я буду трахать тебя, пока не закричишь.

Что? Мне вдруг становится нечем дышать.

Он хватается меня за ступни и толкает, так что я падаю на спину. Ноги у меня согнуты, и другой вариант невозможен. Я напрягаюсь, и наручники впиваются в кожу. Он прав, мне почти больно. Ощущения непривычные... я связана и беспомощна... на яхте. Кристиан раздвигает лодыжки, и я издаю стон.

Он покрывает поцелуями внутреннюю сторону моего бедра, и я хочу извиваться под ним, но не могу. Не могу пошевелить бедрами. Не могу вообще ничего.

— Тебе придется принять все наслаждение, Анастейша. Не двигайся. — Он наклоняется и прокладывает дорожку из поцелуев по нижнему краю бикини. Потом стягивает. Нагая и незащищенная, я полностью в его власти. Он целует меня в живот, легонько покусывает пупок.

— О-ох, — выдыхаю я. Не думала, что будет так нелегко. Поцелуи вперемешку с покусываниями тянутся вверх, к грудям.

— Ш-ш-ш, — успокаивает меня Кристиан. — Ты такая красивая, Ана.

Я стону. Мне неудобно. Мне это не нравится. Я не могу двигать бедрами, не могу отвечать на его прикосновения своим ритмом. Стону, натягиваю оковы, и металл снова врезается в кожу.

Я вскрикиваю и скрежещу зубами.

— Ты сводишь меня с ума, — шепчет он. — Поэтому и я сведу тебя с ума. — Опускается сверху, удерживая вес на локтях, и принимается за мои груди. Покусывает, посасывает, стискивает соски пальцами... Я вся трепещу, я горю и мечусь. Кристиан не останавливается. О... пожалуйста... Я чувствую ритмичное давление его плоти.

— Кристиан...

Кожей ощущаю его победную улыбку.

— Мне взять тебя так? — спрашивает он, прижавшись губами к уже затвердевшему соску. — Ты же знаешь, я могу. — Он с силой втягивает, и я вскрикиваю — наслаждение пронзает, словно копьем, от груди до паха. И я ничего не могу сделать.

— Да, — лепечу я жалобно.

— Детка, это было бы слишком легко.

— Пожалуйста...

— Ш-ш-ш. — Он проходит зубами по подбородку, губы перелетают ко рту, я хватаю воздух и замираю. Его язык вторгается в мой рот, рыщет, осваивается, ведет себя по-хозяйски, но и мой не сдается — бросается ему навстречу, вступает в схватку. У меня во рту вкус джина, Кристиана Грея и моря. Он хватается за подбородок, удерживает, не позволяет отвернуться.

— Не дергайся, детка. Мне нужно, чтобы ты не дергалась, — шепчет он.

— Я хочу видеть тебя.

— Нет, Ана, нет. Так ты больше почувствуешь. — Он входит в меня, медленно, чуть-чуть. Я бы ответила, подалась навстречу, но не могу пошевелиться. Он выходит.

— А-а! Кристиан... пожалуйста!

— Еще? — дразнит он хрипловатым шепотом.

— Кристиан!

Он снова входит в меня и снова выходит, продолжая целовать и крутить мои соски пальцами. Наслаждение уже достигает критической черты.

— Нет!

— Ты меня хочешь, Анастейша?

— Да, — молю я.

— Так и скажи, — шепчет он, дразня меня снова и снова.

— Да, я хочу тебя, — всхлипываю я. — Пожалуйста.

Тихий вздох над ухом.

— Раз хочешь, то и получишь.

Он приподнимается и вторгается в меня со всей силой. Я вскрикиваю, мотаю головой, мечусь, а он атакует снова и снова, выбрав целью мое самое чувствительное место. Ощущения переполняют меня, сладкая боль наслаждения заливают меня всю, а я не могу двигаться. Он замирает, потом начинает водить бедрами по кругу, и это движение передается мне, расходится во все стороны и вглубь.

— Почему ты не повинешься мне, Ана?

— Прекрати, Кристиан. Перестань...

Он не обращает внимания на мои мольбы, ввинчивается все глубже, потом медленно выходит и снова вторгается.

— Отвечай. Почему? — шипит он, и я смутно понимаю, что он уже скрипит зубами.

Я вскрикиваю неразборчиво... это уже слишком.

— Отвечай.

— Кристиан...

— Ана, мне нужно знать.

Он снова входит в меня, на всю глубину, и во мне нарастает напряжение: оно раскатывается, поглощает, разбегается кругами из глубины меня, достигает каждой части тела, каждого впивающегося в кожу браслета.

— Не знаю! — выкрикиваю я. — Потому что могу! Потому что люблю тебя! Пожалуйста, Кристиан!

Он громко стонет, и ритм его атак ускоряется, а удары проникают все глубже. Я пытаюсь впитать все, но волна слишком велика, слишком сильна, и она затопляет меня. Мой мозг взрывается... тело взрывается... я хочу вытянуть ноги, хочу контролировать надвигающийся оргазм — и не могу. Я беспомощна, я — его, только его, я обречена подчиниться и следовать его желаниям... Слезы наворачиваются на глаза. Напряжение разрывает меня изнутри. Я не могу остановить его. Я не хочу его останавливать... я хочу... я хочу... о нет... о нет... это...

— Вот так, — рычит сквозь стиснутые зубы Кристиан. — Вот оно, детка, почувствуй!

Я как будто взрываюсь, и не один раз, но несколько; меня сотрясает очередь взрывов, и я кричу во весь голос, а меня разносит на кусочки оргазм, меня опаляет огненный всепоглощающий вал. Я выжжена, разбита и растерзана, слезы текут по лицу, меня сотрясает дрожь затихающей пульсации.

Все еще оставаясь во мне, Кристиан поднимается на колени, подтягивает меня к себе и изливается в мое еще дрожащее лоно. Здесь все смешалось, здесь ад встретился с раем, здесь гедонизм дал себе полную волю.

Кристиан срывает повязку и целует меня. Целует глаза, нос, щеки. Сжимает ладонями лицо, слизывает слезы.

— Я люблю вас, миссис Грей, — выдыхает он. — Хотя вы и сводите меня с ума — но с вами я чувствую себя живым.

У меня нет сил ответить, открыть глаза или рот. Кристиан бережно поднимает меня и кладет на кровать.

Я лепечу что-то неразборчиво-протестное. Он встает с кровати и отстегивает наручники. Освободив меня, осторожно растирает мои лодыжки и запястья, потом ложится рядом и заключает в свои объятия. Я вытягиваю ноги. Как же хорошо! Да, такого оргазма у меня еще точно не было. Хммм... Так вот оно какое, трах-наказание от Пятидесяти Оттенков Кристиана Грея.

Мне определенно нужно почаще нарушать правила.

Пробуждаюсь от того, что хочется в туалет, аж невтерпех. В темноте открываю глаза. Где я? В Лондоне? В Париже? А, да, на яхте. Чувствую, как она покачивается и поскрипывает, слышу негромкий рокот двигателей. Мы куда-то идем. Странно. Кристиан рядом, перед ним — ноутбук. На нем белая льняная рубашка и слаксы, на ногах — ничего. Волосы еще влажные, наверное, после душа. Я улавливаю запах геля и самого Кристиана...

М-м-м...

— Привет. — Он смотрит на меня сверху теплым взглядом.

— Привет. — Я застенчиво улыбаюсь. — Сколько я проспала?

— Час или чуть больше.

— Мы на ходу?

— Я подумал, что если мы обедали в последний раз на берегу, ходили на балет и в казино, то будет неплохо для разнообразия поужинать и на борту. Тихий вечер a deux^[7].

Я усмехаюсь.

— Куда идем?

— В Канны.

— Ладно. — Я вытягиваюсь, преодолевая некоторую одеревенелость. Занятия с Клодом,

как бы ни были хороши, к такому не готовили.

Я осторожно поднимаюсь — надо навестить туалет. Торопливо набрасываю на плечи шелковый халатик. Почему я робею? Откуда это смущение? Кристиан наблюдает за мной, но когда я смотрю на него, он, хмурясь, отворачивается к ноутбуку. Чем-то недоволен?

Я рассеянно мою руки, вспоминаю прошлый вечер в казино, и в какой-то момент полы халата вдруг расходятся. Шокированная, я смотрю на себя в зеркале. Что еще за хрень! Что он со мной сделал?

С ужасом смотрю на красные отметины у себя на грудях. Засосы! У меня сососы! Я замужем за одним из самых уважаемых, самых почтенных бизнесменов в Соединенных Штатах, и он — черт возьми! — награждает меня этими треклятыми сососами. Но почему я ничего не почувствовала, когда он это делал? Ответ есть: Мистер Оргазм испытывал на мне свои доведенные до совершенства сексуальные приемчики.

Мое подсознание смотрит поверх очков, регистрирует отчетливые полукружья и неодобрительно цокает, тогда как моя внутренняя богиня дрыхнет на шезлонге, как боксер после нокаута. Я смотрю на свое отражение в зеркале. На запястьях остались красные рубцы от наручников. Потом, конечно, появятся синяки. Перевожу глаза на лодыжки — тоже рубцы. Да уж, я выгляжу как жертва несчастного случая. Рассматриваю себя, пытаюсь понять, что же собой представляю. За то время, что мы знакомы, я сильно изменилась — подтянулась, окрепла, волосы обрели блеск и хорошо подстрижены. Мне сделали маникюр и педикюр, выщипали брови. Впервые в жизни я выгляжу ухоженной.

И вот теперь эти жуткие сососы.

Думать о косметических уловках нет ни малейшего желания. Я зла как черт. Как он смел оставлять на мне такие ужасные отметины! Как какой-нибудь подросток. За то короткое время, что мы вместе, ничего подобного еще не случилось. А теперь мне даже смотреть на себя страшно. Впрочем, я знаю, зачем он это сделал. У него же все должно быть под контролем. Он на этом помешался. Верно! Мое подсознание складывает руки под маленькой грудью — на этот раз Кристиан зашел слишком далеко. Я выхожу из ванной и, не глядя в его сторону, иду в гардеробную. Снимаю халат, надеваю спортивные штаны и балахон. Потом распускаю косичку, беру с полки щетку и расчесываю спутанные пряди.

— Анастейша! — Я слышу в его голосе беспокойство. — Ты в порядке?

Делаю вид, что не слышу. Нет, не в порядке. Теперь, после того, что он сделал, купальник до конца медового месяца мне уже не надеть, а о безумно дорогом бикини можно просто забыть. При мысли об этом ярость вспыхивает с новой силой. Да как он смеет? Ладно, он еще узнает, в каком я порядке. Злость кипит, клоочет и плюется. Я тоже могу вести себя как подросток! Вернувшись в спальню, бросаю в него щетку, поворачиваюсь и ухожу, успев, однако, отметить и недоуменное выражение, и отменную реакцию — Кристиан вскидывает, защищаясь, руку, и щетка, ударившись о предплечье, падает на кровать, не причинив существенного вреда.

Я вылетаю из каюты, взбегаю по трапу на палубу и решительно шагаю на нос яхты. Надо успокоиться. Ночь темна, воздух напоен тропическими ароматами. Легкий ветерок несет запахи моря, цветущего жасмина и бугенвилли. «Прекрасная леди» легко, без малейших усилий скользит по сонному, цвета кобальта, морю. Держась за деревянный поручень, смотрю на далекий берег, где перемигиваются крохотные огоньки. Я делаю глубокий целительный вдох и чувствую, как в меня входит покой. Еще не слышу шагов, но уже ощущаю его присутствие.

— Злишься, — шепчет он.

— Вы так догадливы, Шерлок!

— И сильно злишься?

— Примерно на пятьдесят по десятибалльной шкале. Соответствует, а?

— Это уже безумие. — Он, похоже, удивлен.

— Да. От оскорбления действием, — цежу я сквозь зубы. Кристиан молчит. Я поворачиваюсь с недовольной гримасой — он смотрит на меня настороженно и даже с опаской. Судя по тому, что не сделал даже попытки дотронуться, чувствует себя неудобно.

— Послушай, ты должен это прекратить. Не старайся подчинить меня в одностороннем порядке. Ты довел до меня свою точку зрения. На пляже. Очень показательно, насколько я помню.

Он молча пожимает плечами и обидчиво ворчит:

— Ну, больше снимать не будешь.

И это оправдание того, что он сделал? Я испепеляю его взглядом.

— Мне не нравится, что ты оставляешь отметины. Тем более столько! Все, ввожу запрет!

— А мне не нравится, что ты раздеваешься на публике. И я тоже ввожу запрет!

— Вот и договорились. Посмотри! — Я спускаю балахон и демонстрирую верх груди с темными полукружьями засосов. Кристиан не сводит с меня глаз. Он еще не видел меня такой и, не зная, что делать и чего ожидать, держится настороженно. Неужели не понимает, что натворил? Неужели не понимает, насколько он нелеп и смешон? Мне хочется накричать на него, но я сдерживаюсь — не хочу слишком давить. Кто знает, как он поступит. В конце концов Кристиан вздыхает и поднимает руки в примирительном жесте.

— Ладно, ладно. Я понял.

Слава богу!

— Хорошо!

Он приглаживает ладонью волосы.

— Извини. И, пожалуйста, не злись. — Наконец-то раскаялся. И говорит моими же словами.

— Ведешь себя иногда как мальчишка, — вычитываю я упрямо, но уже беззлобно, и Кристиан это чувствует. Подходит ближе, поднимает осторожно руку, убирает мне за ухо прядку.

— Знаю, — мягко соглашается он. — Мне еще многому предстоит научиться.

На память приходят слова доктора Флинна: «Ана, в эмоциональном плане Кристиан — подросток. Он совершенно пропустил эту фазу своей жизни. Всю энергию он направил на достижение успеха в бизнесе и преуспел в этом выше всех пределов. Но в эмоциональном плане ему бы еще играть в салки».

Я немного оттаиваю.

— Не только тебе, нам обоим, — вздыхаю я и кладу руку ему на грудь. Кристиан держится стойко, даже не вздрагивает, но напрягается. Кладет свою руку поверх моей, смущенно улыбается.

— Я только сейчас узнал, что у вас, миссис Грей, верная рука и хороший глаз. Раньше я этого не замечал, но, с другой стороны, я постоянно недооценивал вас. Вы постоянно меня удивляете.

Я вскидываю бровь.

— Получила хорошую практику с Рэем. И метаю, и стреляю метко, так что вы возьмите это себе на заметку, мистер Грей.

— Постараюсь, миссис Грей. А еще позабочусь о том, чтобы все потенциальные метательные предметы были прибиты и у вас не было доступа к огнестрельному оружию. —

Он глуповато улыбается.

Я хитровато улыбаюсь в ответ.

— Что-нибудь придумаю. Я находчивая.

— Этого у тебя не отнять, — шепчет Кристиан и, отпустив мою руку, обнимает меня за талию. Притягивает к себе, тычется носом в мои волосы. Я тоже обнимаю его и чувствую, как уходит напряжение.

— Прощен?

— А я?

Он улыбается.

— Да.

— И ты тоже.

Мы стоим, держа друг друга в объятьях. Злость прошла, обиды не осталось. Мальчишка или нет, пахнет он хорошо. Ну как тут устоишь?

— Проголодалась? — спрашивает Кристиан чуть погодя. Я закрываю глаза и опускаю голову ему на грудь.

— Да. Умираю от голода. Такая... э-э... бурная ночь, вот аппетит и разыгрался. Вот только одета я для ужина неподходяще. — Штаны и балахон определенно не то, в чем, по мнению моего мужа, следует появляться в столовой.

— На мой взгляд, ты выглядишь вполне прилично. К тому же на этой неделе яхта наша, и мы можем одеваться, как хотим. Считай, что сегодня на Лазурном берегу вольный вторник. А еще я подумал, что мы могли бы поесть на палубе.

— С удовольствием.

Он целует меня, довольный тем, что заслужил прощение, и мы рука за руку идем к носу, где нас уже ожидает гаспачо.

Стюард подает крем-брюле и незаметно ретируется.

— Почему ты всегда заплетаешь мне волосы? — спрашиваю я из любопытства.

Мы сидим рядом, по одну сторону стола, и моя нога лежит на его ноге. Кристиан тянется к десертной ложке, но, услышав вопрос, останавливается, смотрит на меня и хмурится.

— Не хочу, чтобы твои волосы за что-то зацепились, — говорит он негромко и ненадолго задумывается. — Наверно, привычка.

Брови его вдруг сползают к переносице, зрачки расширяются, в глазах вспыхивает тревожный огонек. Ему что-то вспомнилось? Но что? Наверняка что-то неприятное, болезненное. Что-то из детства. Я наклоняюсь, протягиваю руку, касаюсь его губ.

— Неважно. И мне это не нужно. Я только из любопытства спросила. — Подкрепляю слова теплой улыбкой. Он смотрит на меня настороженно, потом заметно расслабляется. Я снова наклоняюсь и целую его в уголок рта.

— Люблю тебя. — Он улыбается своей смущенной страдальческой улыбкой, и я таю. — И всегда буду любить.

— И я тебя, — тихо добавляет он.

— Даже если я буду непослушной? — лукаво спрашиваю я.

— Именно потому, что ты непослушная, — усмехается Кристиан.

Прорубаю ложечкой корку из жженого сахара на десерте и качаю головой. Пойму ли я когда-нибудь этого человека? М-м-м, какое вкусное крем-брюле!

Стюард убрал тарелки, и Кристиан достает бутылку розового и разливает по бокалам. Я оглядываюсь и, убедившись, что рядом никого нет, спрашиваю:

— А что ты имел в виду, когда говорил, что в туалет ходить не надо?

— Ты и вправду хочешь знать? — Кристиан сдержанно усмехается, глаза его похотливо блестят.

— Так что? — Глядя на него из-под ресниц, я подношу к губам бокал.

— Чем полнее мочевого пузыря, тем интенсивнее оргазм.

Я краснею.

— Да? Понятно. — Ну что ж, это многое объясняет.

Он снисходительно, с видом знатока улыбается. Удастся ли мне обойти в чем-то этого Мистера Сексзнайку?

— Да. Ну тогда... — Я отчаянно пытаюсь сменить тему, но не нахожу подходящего предмета.

Видя мое замешательство, Кристиан сам приходит на помощь.

— Чем займемся вечером? Есть предложения? — спрашивает он с кривой усмешкой.

Решай сам, а я готова на все. Может, хочешь проверить на практике эту свою теорию? Пожимаю плечами.

— Я знаю, чего ты хочешь. — Он отставляет свой бокал, поднимается и протягивает мне руку. — Идем.

Я встаю, и Кристиан ведет меня в главный салон.

На журнальном столике, на подставке — его айпод. Кристиан щелкает кнопкой и выбирает мелодию.

— Потанцуй со мной. — Он привлекает меня к себе.

— Если настаиваешь...

— Настаиваю, миссис Грей.

Мелодия плавная, яркая. Что-то латинское? Кристиан начинает двигаться, подхватывает ритм и увлекает меня за собой. Мы кружим по салону.

У исполнителя теплый, тягучий голос, как сладкая карамель. Песню я точно знаю, но вспомнить название не могу. Кристиан вдруг роняет меня, и я испуганно взвизгиваю и тут же смеюсь. Он улыбается, у него веселые, чуть лукавые глаза. Он снова подхватывает меня и кружит.

— Хорошо танцуешь, — говорю я. — Вот мне бы так.

Он загадочно улыбается, но ничего не говорит. Думает о ней, о миссис Робинсон, женщине, учившей его танцевать и... трахаться. Давненько я ее не вспоминала, наверное, со дня рождения Кристиана. Насколько мне известно, деловых отношений они больше не поддерживают. Та еще училка, с неохотой признаю я.

Он снова роняет меня, но подхватывает и целует в губы.

— Мне будет недоставать твоей любви, — повторяю я вслед за сладкоголосым певцом.

— А мне еще больше, — говорит он и снова кружит меня по комнате, а у меня от его слов кружится голова.

Песня кончается, и Кристиан смотрит на меня сверху. Глаза его уже не смеются — они темны и полны желания. Я не могу дышать.

— Пойдем в постель? — шепчет он с такой надеждой и мольбой, что у меня разрывается сердце.

«Ты ведь уже получил мое согласие на все две с половиной недели назад», — хочется сказать мне. Но я знаю: это он так извиняется и хочет еще раз убедиться, что после недавней ссоры у нас все в порядке.

Я просыпаюсь. В иллюминаторы светит солнце, по потолку прыгают, отскакивая от воды, солнечные зайчики. Кристиана не видно. Я с улыбкой потягиваюсь. Я готова терпеть секс-наказание хоть каждый день, если за ним следует секс-макияж. Решить, что из этого мне нравится больше, не так-то просто.

Поднимаюсь и иду в ванную. Открываю дверь — Кристиан стоит перед зеркалом, голый, если не считать полотенца на поясе, и бреется. Он поворачивается и улыбается, ничуть не смущенный моим вмешательством. Я уже знаю, что Кристиан, когда остается один, никогда не запирает двери. Наверняка у этого существует объяснение, но копаться в еще одной тайне у меня нет ни малейшего желания.

— Доброе утро, миссис Грей, — говорит он, излучая благодущие.

— И вам доброе утро.

Мне нравится наблюдать за ним в такие моменты, смотреть, как он поднимает и выдвигает вперед подбородок, как выбривает его расчетливыми, длинными движениями. Я ловлю себя на том, что бессознательно подражаю ему: оттягиваю вниз верхнюю губу, провожу пальцем под носом. Он поворачивается — одна половина лица еще покрыта мыльной пеной — и подмигивает.

— Нравится?

Ох, Кристиан, я могла бы любоваться тобой часами!

— Одно из моих любимых занятий, — признаюсь я, и он, наклоняясь, быстро целует меня, оставляя на щеке пятнышко пены.

— Еще разок, а? — грозно шепчет Кристиан, поднимая бритву.

Я поджимаю губы, нарочно хмурюсь.

— В следующий раз воспользуюсь воском.

Вспоминаю, как он обрадовался в Лондоне, когда узнал, что я из любопытства сбрила волосы на лобке. Разумеется, я сделала это не в полном соответствии с высокими стандартами Мистера Точность...

— Ты что, черт возьми, наделала? — восклицает Кристиан, и на лице его появляется выражение то ли ужаса, то ли любопытства. Он садится на кровати в нашем номере в отеле «Браун», возле Пиккадилли, включает прикроватный свет и, раскрыв рот, таращится на меня. Должно быть, уже около полуночи. Я краснею, становясь одного цвета с простынями в его игровой комнате, и пытаюсь натянуть пониже атласную сорочку. Кристиан хватает меня за руку.

— Ана!

— Я... э... побрилась.

— Вижу. Но зачем? — Он расплывается в широкой, от уха до уха, ухмылке.

Сгорая от стыда, отворачиваюсь, закрываю лицо ладонями. И чего я так смущаюсь?

— Эй, — Кристиан бережно снимает мою руку. — Не прячься. — Он кусает губу, чтобы не рассмеяться. — Расскажи. Зачем? — В его глазах прыгают веселые искорки. Не понимаю, что тут такого забавного?

— Перестань надо мной смеяться.

— Я не над тобой смеюсь. Извини. Мне просто весело.

— А...

— Так зачем?

Я вздыхаю.

— Утром, когда ты уехал на свою встречу, я принимала душ и вспоминала все твои правила.

Кристиан моргает. Ему уже не до веселья, в глазах настороженность.

— Я вспоминала их по одному, раздумывала, а потом вспомнила тот салон красоты и решила, что тебе это должно понравиться. Воспользоваться воском смелости не хватило... — Мой голос падает до шепота.

Кристиан смотрит на меня, и глаза у него блестят, но не от радости — от любви.

— Ох, Ана... — Он наклоняется и нежно целует меня в губы. — С тобой не соскучишься. Полагаю, я просто обязан провести детальную инспекцию ваших творений, миссис Грей.

— Что? Нет. — Он, наверное, шутит! Я укрываюсь, защищая свою прореженную полянку.

— Вот только этого не надо.

Кристиан разводит мои руки, прижимает их к бокам и смотрит мне между ног. Таким взглядом можно разжечь костер, но прежде, чем я успеваю вспыхнуть, он наклоняется и скользит губами по моему голому животу, сверху вниз... и еще ниже. Я ерзаю, пытаюсь увернуться, но в конце концов покоряюсь судьбе.

— Ну, что у нас здесь? — Он оставляет поцелуй там, где еще утром были лобковые волосы, и трется о голую кожу колючим подбородком.

— Ай! — восклицаю я. Да... ощущения те еще.

Кристиан бросает на меня похотливый взгляд.

— По-моему, ты кое-что пропустила. — Он тянет губами оставшиеся волоски.

— О... Черт, — бормочу я, надеясь хотя бы так положить конец этому придирчивому осмотру.

— Есть идея. — Он вскакивает, голый, с постели и устремляется в ванную.

Что еще у него на уме? Кристиан возвращается через несколько секунд со стаканом воды, моей бритвой, своей кисточкой, мылом и полотенцем. Воду, кисточку, мыло и бритву он оставляет на прикроватном столике и, держа полотенце, смотрит на меня.

«О нет!» — Мое подсознание отбрасывает полное собрание сочинений Чарльза Диккенса, вскакивает с кресла и, подбоченясь, принимает решительную позу.

— Нет. Нет. Нет.

— Миссис Грей, каждую работу следует делать хорошо. Раздвиньте бедра. — Его серые глаза напоминают летнее предгрозовое небо.

— Я не позволю, чтобы ты меня брил.

Он склоняет голову набок.

— Почему еще?

Я заливаюсь краской. Ну неужели непонятно?

— Потому что... Это слишком...

— Слишком интимно? — шепчет он. — Но ты же знаешь, именно интимности я и желаю. К тому же после того, что мы с тобой делали, такая щепетильность представляется излишней. И уж эту часть твоего тела я знаю лучше тебя.

Я смотрю на него с изумлением. Какая потрясающая самоуверенность. То есть... да, он прав, но все равно.

— Это... это неправильно! — Получается жалобно и чопорно.

— Ты не права, это круто.

Круто? Вот как?

— Так тебя это заводит? — изумленно спрашиваю я.

Кристиан фыркает.

— А ты разве не видишь? — Он выразительно указывает взглядом на убедительное доказательство своей правоты. — Хочу побрить тебя.

Какого черта?! Я откидываюсь на спину, закрываю глаза ладонью — только бы не смотреть.

— Если тебе будет приятно, валяй. Ты такой чудной. — Я приподнимаю бедра, и Кристиан просовывает под меня полотенце. Потом разводит мне ноги и сам устраивается между ними. Постель проседает под его весом. — Вообще-то, я бы предпочел тебя связать.

— Обещаю не дергаться.

— Хорошо.

Он водит намыленной кисточкой там, внизу, и у меня захватывает дух. Вода горячая, и я невольно поеживаюсь. Щекотно... но и приятно.

— Не шевелись, — укоризненно бормочет Кристиан, обмакивая кисточку. — Или я все-таки тебя свяжу, — добавляет он с угрозой, и по спине у меня разбегается восхитительный холодок.

— Ты раньше это уже делал? — осторожно спрашиваю я, когда он берется за бритвенный станок.

— Нет.

— А-а. Хорошо. — Я улыбаюсь.

— Еще одна новинка, миссис Грей.

— М-м-м. Мне нравятся новинки.

— Мне тоже. Ну, поехали. — С удивительной для меня нежностью Кристиан ведет бритвой по моей чувствительной плоти. — Лежи спокойно, — бормочет он, и я вижу, что он полностью сосредоточился на выполняемой работе.

Несколько минут — и вот он уже берет полотенце и снимает излишки пены.

— Ну вот... как-то так, — говорит он, и я убираю руку и смотрю на него — Кристиан отстранился и с удовлетворением рассматривает результат своих стараний.

— Доволен? — спрашиваю я севшим вдруг голосом.

— Очень. — Он дерзко ухмыляется и медленно вводит палец. — Да, было весело, — с легкой усмешкой говорит Кристиан.

— Тебе — может быть. — Я пытаюсь изобразить недовольство, но получается плохо: Кристиан прав — это было... волнующе.

— Припоминаю, что и последствия были вполне удовлетворительные.

Кристиан снова берется за бритву. Я бросаю взгляд на пальцы. Да, и в этом он тоже прав. Я и подумать не могла, что отсутствие волос на лобке может настолько сильно изменить восприятие.

— Эй, я же просто тебя поддразниваю. Так ведут себя все мужья, безнадежно влюбленные в своих жен, разве нет? — Кристиан берет меня за подбородок, всматривается, стараюсь понять, в каком я настроении, и в его глазах вдруг появляется настороженность.

Вот и настал час расплаты.

— Сядь, — говорю я.

Он будто не понимает. Я подталкиваю его к стоящему в ванной белому табурету. Озадаченный, Кристиан садится, и я забираю у него бритву.

— Ана... — Похоже, догадался-таки, что к чему. Я наклоняюсь и целую его.

— Откинь голову.

Кристиан колеблется.

— Зуб за зуб, мистер Грей. Услуга за услугу.

Он не сводит с меня глаз, но уже не только настороженно, а еще и с недоверием.

— Ты понимаешь, что делаешь? — тихо спрашивает он. Я медленно качаю головой, изо всех сил сохраняя серьезный вид.

Кристиан закрывает глаза и склоняет голову набок.

Офигеть, он все-таки позволит мне побрить его! Я кладу ладонь на еще влажные волосы и осторожно прижимаю, чтобы не шевелился. Кристиан сидит с закрытыми глазами и медленно дышит через рот. Я осторожно провожу бритвой вверх по шее, до щеки, оставляя полоску чистой кожи. Кристиан медленно выдыхает.

— Думаешь, порежу?

— С тобой никогда не угадаешь, Ана, но умышленно ты ничего плохого, конечно, не сделаешь.

Я снова поднимаю бритву и веду вверх по шее. Дорожка в мыльной пене становится шире.

— Я никогда преднамеренно не сделаю тебе ничего плохого.

Он открывает глаза и обнимает меня. Я осторожно веду бритвой по щеке.

— Знаю. — Кристиан поворачивает голову, чтобы мне было удобнее. Еще немного — и я заканчиваю.

— Вот и все. И притом не пролито ни капли крови, — с гордостью говорю я. Он гладит меня по ноге, сдвигает выше и выше сорочку, а потом тянет к себе. Я хлопаюсь ему на колени и, чтобы сохранить равновесие, хватаю его за плечи. Какой он все-таки мускулистый.

— Куда бы мне тебя отвезти сегодня?

— То есть загорать не будем? — Я чуть заметно вскидываю бровь.

Он нервно облизывает губы.

— Нет, сегодня не будем. Я подумал, что ты, может быть, предпочтешь прогуляться.

— Ну, после того, как ты разукрасил меня и ловко ушел в сторону, ничего другого и не останется, так?

Кристиан благоразумно делает вид, что не заметил ноток язвительности.

— Придется немного прокатиться, но вид того стоит. Судя по тому, что я читал, там есть на что посмотреть. Деревушка называется Сен-Поль-де-Ванс. Там есть художественные галереи. Мы могли бы, если, конечно, найдем что-то по вкусу, купить несколько картин или скульптур для нашего нового дома.

Я отстраняюсь и смотрю на него. Картины или скульптуры... Он хочет покупать картины или скульптуры. Но как я буду покупать предметы искусства?

— Что такое? — недоуменно спрашивает Кристиан.

— Я не разбираюсь в искусстве. Ничего в нем не понимаю.

Он пожимает плечами и снисходительно улыбается.

— Мы будем покупать только то, что нам понравится. О вложениях речь не идет.

Вложения? Черт возьми!

— Что? — повторяет Кристиан.

Я качаю головой.

— Послушай, я знаю, что мы только на днях получили чертежи от архитектора, но посмотреть можно и сейчас, вреда не будет. Место древнее, средневековое...

Ах да, архитектор. Напомнил. Ее зовут Джиа Маттео. Подруга Элиота, работавшая с домом Кристиана в Аспене. Когда мы с ней встречались, она перед ним только что не стелилась.

— Ну, что дальше? — нетерпеливо восклицает он. Я снова качаю головой. — Говори, не молчи.

Как я могу сказать, что мне не нравится Джиа? Моя неприязнь к ней иррациональна и объяснению не поддается, а выставить себя ревнивой женой не хочется.

— Ты ведь не злишься на меня за вчерашнее? — Он вздыхает и ныряет лицом в ложбинку между грудей.

— Нет, просто проголодалась, — бормочу я, зная, что это отвлечет его от нежелательных вопросов.

— Так почему раньше не сказала? — Он сталкивает меня с колен и поднимается.

Сен-Поль-де-Ванс — средневековая горная деревушка, одно из самых живописных мест из всех, что я видела. Мы идем рука об руку по узким мощеным улочкам, и моя ладонь лежит в заднем кармане его шортов. За нами, на небольшом удалении, следуют Тейлор и то ли Филипп, то ли Гастон — различать их я так и не научилась. На обсаженной деревьями площади трое пожилых мужчин — все в традиционных беретах, несмотря на жару, — играют в петанк. Туристов здесь много, но рядом с Кристианом я чувствую себя вполне комфортно. Посмотреть есть на что — узкие улочки и переулки, ведущие во дворы с искусными каменными фонтанами, старинные и современные скульптуры, занимательные бутики и лавочки.

В первой галерее Кристиан рассеянно, покусывая дужку своих огромных очков, разглядывает представленные эротические фотографии. Все они — работа некоей Флоранс Делль и представляют застывших в разнообразных позах обнаженных женщин.

— Не совсем то, что я себе представляла, — говорю я неодобрительно, вспоминая коробку с фотографиями, которую нашла в его — то есть нашем — шкафу. Интересно, что он с ними сделал. Уничтожил?

— И я тоже. — Кристиан усмехается, берет меня за руку, и мы идем к следующему художнику. Может быть, раздумываю я, и мне ему попозировать?

У следующего стенда какая-то женщина демонстрирует свои натюрморты — выполненные сочными, яркими красками фрукты и овощи.

— А вот это мне нравится. — Я указываю на три картины с перцами. — Сразу вспоминается, как ты резал овощи в моей квартирке.

Смеюсь. Кристиан пытается остаться серьезным, но тоже не удерживается.

— А по-моему, я справился с заданием вполне компетентно, — бормочет он. — Разве что не очень быстро. И вообще, — он обнимает меня за плечи, — не отвлекай. Куда бы ты их повесила?

— Что?

Он покусывает губами мочку моего уха.

— Картины. Где бы ты их повесила?

— В кухне, — отвечаю я.

— Хмм. Неплохая идея, миссис Грей.

Смотрю на ценник. Пять тысяч евро каждая. Ничего себе!

— Слишком дорого!

— И что? — Кристиан снова тянется к моему уху. — Привыкай, Ана. — Он отпускает меня и идет к столику, из-за которого на него таращится одетая в белое женщина. Мне хочется закатить глаза, но я перевожу взгляд на картины. Пять тысяч евро... вот это да.

После ланча расслабляемся за кофе в отеле «Сен-Поль». Вид отсюда открывается потрясающий. Виноградники и поля подсолнухов словно заплатки на равнине; то тут то там — аккуратные сельские домики. День прекрасный, ясный, так что с того места, где мы сидим, видно даже поблескивающее вдалеке, на горизонте, море.

— Ты спрашивала, почему я заплетаю тебе волосы. — Голос Кристиана нарушает неспешное течение моих мыслей. Меня настораживает его почти виноватый тон.

— Да. — Дело плохо.

— По-моему, она позволяла мне порой играть с ее волосами. Я уже не знаю, приснилось мне это или так оно и было на самом деле.

Ого! Он ведь имеет в виду свою биологическую мать.

Кристиан смотрит на меня с каменным лицом, и сердце екает: что говорить, когда он вспоминает вот такое?

— Мне нравится, когда ты играешь с моими волосами, — неуверенно говорю я.

— Правда?

— Да. — Я беру его за руку. — Думаю, ты любил ее. Свою биологическую мать.

В его лице ничто не меняется. Он смотрит на меня, но ничего не говорит.

Черт. Уж не зашла ли я слишком далеко?

«Скажи что-нибудь, пожалуйста», — мысленно умоляю я. Но Кристиан упрямо молчит и только смотрит на меня непроницаемыми серыми глазами. Молчание растягивается, он кажется совсем уж потерянным.

Бросает взгляд на мою руку в его руке. Хмурится.

— Скажи что-нибудь, — шепчу я, когда тишина становится невыносимой.

Кристиан качает головой, глубоко вздыхает.

— Идем. — Он выпускает мою руку и поднимается с застывшим, настороженным лицом.

Неужели переступила грань? Не знаю. На душе тяжело. Я не знаю, как быть — сказать что-то или оставить все как есть. Выбираю второй вариант и послушно следую за ним из ресторана.

Мы выходим на прелестную узкую улочку, и Кристиан берет меня за руку.

— Куда хочешь пойти?

Разговаривает! И не злится, слава богу. Я облегченно выдыхаю и пожимаю плечами.

— Я так рада, что ты еще разговариваешь со мной.

— Знаешь, не хочу больше об этом. Все, хватит. С этим покончено.

Нет, не покончено. От этой мысли становится грустно, и я спрашиваю себя, закончится ли это вообще когда-нибудь. Он всегда будет таким... моими Пятьюдесятью Оттенками. Хочу ли я, чтобы он изменился? Пожалуй, нет. Лишь бы чувствовал, что его любят. Бросаю взгляд

украдкой: какой же он восхитительно красивый. И при этом — *мой*. Дело не только в том, что у него чудесное, прекрасное лицо и обворожительное тело. Меня влечет и манит то, что кроется за этим совершенством: тонкая, хрупкая, исковерканная душа.

Он смотрит на меня сверху вниз со своим особенным, наполовину удивленным, наполовину настороженным и абсолютно сексуальным выражением, а потом обнимает за плечи, и мы пробираемся через толпу туристов к тому месту, где Гастон (или Филипп) припарковал наш просторный «Мерседес». Я снова сую ладошку в задний карман его шортов, радуясь, что он не злится. Но, честно говоря, какой четырехлетний мальчик не любит свою мать, даже если она и не самая лучшая на свете? Я тяжело вздыхаю и прижимаюсь к нему теснее. Охранники где-то сзади, а вот успели ли они перекусить?

Кристиан останавливается у небольшого ювелирного магазинчика и смотрит сначала на витрину, а потом на меня. Он берет мою свободную руку и проводит пальцем по едва заметной полоске от наручника.

— Уже не больно, — уверяю я. Кристиан поворачивается, берет другую мою руку и поворачивает внутренней стороной запястья вверх. Здесь полоску скрывают платиновые часики «омега», которые он подарил мне за завтраком в наше первое утро в Лондоне. А какая на них надпись — голова кругом!

*«Анастейша,
Ты мое все,
Моя любовь, моя жизнь.*

Кристиан»

Несмотря ни на что, вопреки всей его переменчивости, мой муж может быть таким романтиком. Я смотрю на бледно-розовую полоску на запястье. А может быть и таким дикарем. Он отпускает мою левую руку, берет за подбородок и с беспокойством всматривается в мое лицо.

— Не больно, — повторяю я.

Кристиан подносит мою руку к губам, запечатлевая на запястье нежный поцелуй.

— Идем. — Он ведет меня в магазин.

— Вот. — Кристиан раскрывает только что купленный изящный платиновый браслет, состоящий из небольших абстрактных цветов с крохотными бриллиантами, и защелкивает у меня на запястье. Довольно широкий, выполненный в форме наручника, браслет скрывает все красные отметины. И стоит около пятнадцати тысяч евро, думаю я, не поспевая следить за разговором на французском с продавщицей. Ничего настолько дорогого я никогда еще не носила.

— Вот так-то лучше, — говорит Кристиан.

— Лучше? — шепчу я, глядя в его сияющие серые глаза. Худая как палка, продавщица стоит в сторонке и наблюдает за нами завистливо и с откровенным неодобрением.

— Ну, ты же знаешь почему, — неопределенно говорит Кристиан.

— Мне это не надо.

Я трясую рукой. Браслет сползает и в какой-то момент попадает под струящиеся через витрину солнечные лучи. Отраженные бриллиантами, по стенам прыгают маленькие сияющие радуги.

— Мне надо, — на полном серьезе говорит Кристиан.

Зачем? Зачем ему это надо? Чувствует вину и хочет загладить? Вину за что? За эти отметины от наручников? За свою биологическую мать? За то, что не доверился мне? Ох уж эти Оттенки!

— Нет, Кристиан. Тебе это тоже не надо. Ты и так много чего мне подарил. Волшебный медовый месяц — Лондон, Париж, Лазурный берег... и самого себя, — шепотом добавляю я, и у него влажнеют глаза. — Мне так повезло.

— Нет, Анастейша, это мне повезло.

— Спасибо. — Я приподнимаюсь на цыпочках, обнимаю его шею и целую — не за браслет, а за то, что он — мой.

В машине он снова уходит в себя, смотрит в окно на ярко-желтые подсолнухи, неторопливо покачивающие головами в ласковом послеполуденном солнце. За рулем кто-то из близнецов, по-моему, Гастон, Тейлор сидит рядом с ним. Кристиан о чем-то размышляет. Я наклоняюсь, беру его руку, легонько пожимаю. Он поворачивается, смотрит на меня, потом убирает мою руку и поглаживает меня по колену. На мне короткая бело-голубая юбка и узкая, обтягивающая блузка без рукавов. На мгновение Кристиан останавливается в нерешительности, и я не знаю, куда двинется его рука дальше — вверх, по моему бедру, или вниз, по голени. Я замираю в предвкушении его нежных прикосновений. Что он сделает? Кристиан выбирает второе и вдруг хватает меня за лодыжку и подтягивает мою ногу себе на колено. Я поворачиваюсь к нему.

— Мне нужна и вторая.

Ой! Зачем? Я нервно оглядываюсь на Тейлора и Гастона — их, похоже, интересует только дорога, — кладу ему на колени вторую ногу. Кристиан дотягивается до какой-то кнопки на дверце, нажимает, и из панели перед нами выдвигается тонированный экран. Еще несколько секунд, и мы остаемся наедине. Ух ты! Теперь понятно, почему здесь такой просторный салон.

— Хочу посмотреть на твои лодыжки, — негромко объясняет Кристиан. Во взгляде беспокойство. Что теперь? Что его тревожит? Отметины от наручников? Я-то думала, что с этим мы разобрались. Если какие-то следы и остались, то их закрывают ремешки сандалий. Ничего такого я утром вроде бы не заметила. Он медленно проводит большим пальцем по подъему. Щекотно. Я ерзаю. Он довольно улыбается, ловко развязывает ремешок и тут же мрачнеет, увидев темно-красные полосы.

— Уже не больно, — шепчу я. Кристиан смотрит на меня, и лицо у него печальное, а рот складывается в жесткую линию. Он кивает, словно показывая, что верит мне на слово. Я торопливо трясую ногой, и сандалия падает на пол. Но поздно: Кристиан снова ушел в себя, в какие-то свои невеселые мысли, и смотрит в окно, хотя и продолжает рассеянно поглаживать мою ногу.

— Эй, ты чего ожидал? — негромко спрашиваю я.

Он поворачивается. Пожимает плечами.

— Не думал, что буду чувствовать себя вот так, увидев эти отметины. — Что? То немногословный, скрытный, то вдруг открытый, откровенный. Сколько в нем всего. Пятьдесят! И как мне быть с ним?

— Что же ты чувствуешь?

Хмурый взгляд.

— Мне не по себе.

Что ж такое! Я расстегиваю ремень безопасности, придвигаюсь к нему поближе, но ноги не убираю. Так хочется забраться ему на колени, обнять. Я бы так и сделала, если бы впереди был только Тейлор. Но там еще и Гастон, и от одного лишь его присутствия, пусть нас и разделяет стекло, у меня мурашки бегут по спине. Будь стекло потемнее... Я сжимаю руки Кристиана.

— Мне только синяки не понравились. Все остальное... все, что ты делал, — я понижаю голос до шепота, — с наручниками, понравилось. Это... это было потрясающе. Ты можешь повторить все в любое время, когда только захочешь.

Кристиан мнется.

— Потрясающе?

Моя внутренняя богиня откладывает книжку Джеки Коллинз и поднимает голову.

— Да. — Я улыбаюсь и, просунув ногу поглубже, шевелю пальчиками у него в паху. Реакции ждать не приходится — губы приоткрываются, Кристиан резко втягивает воздух.

— Вам бы лучше пристегнуться, миссис Грей, — тихо, с хрипотцой говорит он, и я снова шевелю пальцами. Глаза его темнеют, предвещая бурю. Он хватает меня за лодыжку. Хочет, чтобы я остановилась? Или продолжила? Кристиан молчит и только хмурится.

Что дальше?

Он достает из кармана «блэкберри», с которым, похоже, никогда не расстанется, принимает входящий, смотрит на часы и хмурится еще больше.

— Барни.

Черт. Нам снова мешает работа. Я пытаюсь убрать ногу, но Кристиан не пускает и только еще сильнее сжимает лодыжку.

— В серверной? — недоверчиво говорит он. — Активирована система пожаротушения?

Пожар! Я убираю ноги, и на этот раз Кристиан не пытается меня удержать. Сажусь на место, пристегиваю ремень, нервно тереблю браслет за пятнадцать тысяч евро. Кристиан снова нажимает кнопку на дверце, и матовый экран опускается.

— Кто-нибудь пострадал? — Теперь к разговору прислушивается и Тейлор. — Какой ущерб? Понятно... Когда? — Кристиан снова смотрит на часы, приглаживает ладонью волосы. — Нет. Ни пожарных, ни полицию. По крайней мере пока.

Господи! Пожар? В офисе? Я растерянно смотрю на него. Тейлор поворачивается, но ничего не говорит.

— Вот как? Хорошо... О'кей. Мне нужен подробный отчет с оценкой причиненного ущерба. И полная информация по всем, кто имел допуск за последние пять дней, включая уборщиков... Найди Андреа, пусть позвонит мне... Да, говорят, аргон так же эффективен, вот только обходится дорого.

Отчет с оценкой ущерба? Аргон? Что за чертовщина? Смутно вспоминается что-то из школьного курса химии. Кажется, какой-то химический элемент.

— Понимаю, что рано... Сообщи по мейлу через два часа... Нет, мне нужно знать. Спасибо, что позвонил. — Кристиан дает отбой и тут же набирает номер.

— Уэлч... Хорошо... Когда? — Он опять бросает взгляд на часы. — Тогда через час... Да... Двадцать-четыре-семь на удаленном хранилище данных... Хорошо.

Кристиан убирает трубку в карман.

— Филипп, через час я должен быть на борту.

— Да, месье.

Черт, значит, это Филипп, а не Гастон. Машина резко прибавляет. Кристиан поворачивается ко мне. Лицо его бесстрастно.

— Кто-то пострадал? — тихо спрашиваю я.

Он качает головой.

— Ущерб незначительный. — Наклоняется, ободряюще похлопывает меня по руке. — Не беспокойся. Мои люди занимаются этим. — Таков мой муж — исполнительный директор, человек, который держит все под контролем и ничуть не выбит из колеи.

— Где случился пожар?

— В серверной.

— В Грей-хаусе?

— Да.

Отвечает коротко, значит, говорить об этом не хочет. Но почему?

— А почему ущерб незначительный?

— Серверная оснащена современной системой пожаротушения.

Конечно.

— Ана, пожалуйста... не беспокойся.

— Я и не беспокоюсь.

— Мы пока еще не уверены, имел ли место поджог, — говорит он, словно отвечая на мой невысказанный вопрос. Я испуганно вскидываю руку к горлу. «Чарли Танго», теперь это... Что дальше?

Не нахожу себе места. Кристиан ушел в кабинет и не выходит целый час. Я пыталась читать, смотреть телевизор, загорать — загорать одетой! — но не могу расслабиться, не могу избавиться от тревоги. Переодеваюсь в шорты и майку, снимаю дорожную побрякушку и отправляюсь на поиски Тейлора.

Нахожу его в салоне перед кабинетом Кристиана.

— Миссис Грей. — Он отрывается от романа Энтони Берджеса.

— Я бы хотела пройтись по магазинам.

— Конечно, мэм. — Тейлор поднимается.

— И я хотела бы взять «джет-скай».

Он открывает рот.

— Э-э-э... — Тейлор озадаченно хмурится, не зная, что сказать.

— Не хотелось бы беспокоить из-за этого Кристиана.

Он вспыхивает.

— Миссис Грей... э... я не думаю, что мистеру Грею это понравится, а мне хотелось бы сохранить за собой работу.

Ой, да ради бога! Мне так и хочется закатить глаза, но вместо этого я поступаю наоборот: тяжело вздыхаю, выражая покорность судьбе и возмущение тем, что меня уже лишили возможности распоряжаться собой. С другой стороны, я совершенно не хочу, чтобы Кристиан злился на Тейлора или, если уж на то пошло, на меня. Решительно подхожу к двери, стучу и вхожу. Кристиан сидит за письменным столом красного дерева. Оторвавшись от «блэкберри», он вопросительно смотрит на меня.

— Андреа, подожди, пожалуйста, — говорит Кристиан в телефон. Лицо у него серьезное, выражение терпеливо-выжидательное. Черт. Почему я постоянно чувствую себя школьницей в кабинете директора? Еще вчера этот человек надевал на меня наручники. Я не должна его бояться, он мой муж, черт возьми. Расправляю плечи, растягиваю в улыбке губы.

— Я собираюсь за покупками. Возьму с собой охранника.

— Конечно. Возьми братьев и Тейлора. — Судя по тому, что никаких дальнейших вопросов не следует, случилось что-то по-настоящему серьезное. Я стою, смотрю на него, но могу ли чем-то помочь?

— Что-то еще? — Хочет, чтобы я ушла. Вот черт.

— Тебе что-нибудь надо? — спрашиваю я.

Он улыбается своей милой, смущенной улыбкой.

— Нет, детка, ничего. Обо мне тут позаботятся.

— Хорошо. — Хочу поцеловать его — он ведь мой муж. Решительно подхожу к столу, целую в губы, чем немало его удивляю.

— Андреа, я перезвоню. — Кристиан откладывает «блэкберри», заключает меня в объятия и целует — страстно, с желанием. Потом отпускает.

Я перевожу дух.

— Ты меня отвлекаешь. Мне нужно поскорее со всем разобраться и вернуться к тебе. — Он проводит пальцем по моей щеке, поглаживает подбородок.

— Ладно. Извини.

— Пожалуйста, не извиняйтесь, миссис Грей. Мне нравится, когда вы меня отвлекаете.

Идите, потратьте немного денег. — Он убирает руки.

— Так и сделаю. — Я притворно улыбаюсь и иду к двери. Мое подсознание качает головой и поджимает губы. «А ведь ты не сказала ему, что хочешь взять «джет-скай», — укоризненно напоминает оно. Я не слушаю... Гарпия.

Тейлор терпеливо ждет в салоне.

— С командованием все согласовано. Можно отправляться? — Я улыбаюсь, маскируя нотку сарказма. А вот Тейлору скрывать нечего, и он улыбается открыто, не скрывая восхищения.

— После вас, миссис Грей.

Потом Тейлор подробно объясняет мне систему управления «джет-скаем». Спокойный, уверенный в себе, хороший учитель. Моторка уже покачивается на тихой воде у борта яхты. Гастон смотрит прямо вперед из-под надвинутого на глаза козырька, у руля застыл один из матросов «Прекрасной леди». Со мной трое — и только лишь потому, что мне вздумалось пройтись по магазинам. Какая нелепость.

Застегивая спасательный жилет, беззаботно улыбаюсь Тейлору. Он подает руку, помогает мне сойти на «джет-скай».

— Ремешок ключа зажигания наденьте на запястье, миссис Грей. Если вы случайно упадете за борт, двигатель автоматически выключится, — инструктирует он.

— О'кей.

— Готовы?

Я киваю.

— Когда отойдете от яхты примерно на четыре фута, нажмите кнопку зажигания. Мы последуем за вами.

— О'кей.

Тейлор отталкивает «джет-скай» от моторки, и гидроцикл плавно уходит в сторону. Он кивает, и я нажимаю кнопку зажигания. Двигатель отзывается рокотом.

— Хорошо, миссис Грей, только полегче! — кричит Тейлор. Я добавляю газу. «Джет-скай» прыгает вперед, но мотор тут же глохнет. Черт! А ведь у Кристиана получается так легко. Повторяю попытку — результат тот же. Да что ж такое!

— Не так резко, миссис Грей! — кричит Тейлор.

— Да, да, да, — бормочу я и мягко давлю на рычаг. Гидроцикл опять прыгает, но на этот раз мотор не глохнет. Да! Получилось! Ха-ха, мы мчимся!

Хочется кричать, пищать и вопить, но я сдерживаюсь. Ухожу от яхты в глубь бухты. За спиной у меня — ровный рокот моторки. Я добавляю газу, и гидроцикл рвется вперед. Теплый ветерок треплет волосы, брызги разлетаются по сторонам — я чувствую себя свободной. Но как качает! Неудивительно, что Кристиан не пускает меня к рулю.

Вместо того чтобы повернуть к берегу, я делаю широкий круг. Вот это здорово! Стараясь не замечать следующих за мной Тейлора и остальных, иду на второй круг и в этот момент замечаю на палубе «Прекрасной леди» Кристиана. Он вроде бы смотрит на меня, но наверняка сказать трудно. Я смело поднимаю руку и приветственно машу ему. Кристиан напоминает каменное изваяние, но на мое приветствие все же отвечает, хотя жест получается немного скованный. Выражение его лица определить трудно, но что-то подсказывает, что присматриваться не стоит, и я поворачиваю к берегу. Средиземное море сверкает и искрится под слепополуденным солнцем. Я сбрасываю газ и жду, чтобы Тейлор

пришел к причалу первым. Лицо у него хмурое, и мне делается не по себе, а вот Гастон как будто посмеивается втихомолку. Уж не случилось ли что-то, охладившее галло-американские отношения? Хотя, скорее всего, проблема все-таки во мне. Гастон выскакивает на причал, и, пока он возится со швартовыми, Тейлор руководит моими маневрами. Я осторожно, без рывков, подвожу гидроцикл к моторке. Тейлор немного смягчается.

— Просто выключите зажигание, миссис Грей, — говорит он и, ухватившись за руль, подтягивает «джет-скай» к причалу и подает мне руку. Я перебираюсь в моторку и сама удивляюсь собственной ловкости — даже не упала.

— Миссис Грей. — Тейлор нервно моргает, и щеки его снова розовеют. — Мистеру Грею не очень нравится, что вы катаетесь на гидроцикле.

Охранник только что не ежится от смущения, и я понимаю, что у него уже состоялся неприятный разговор с Кристианом. Что же мне с тобой делать, мой бедный, патологически мнительный муж!

Я безмятежно улыбаюсь.

— Понимаю. Мистера Грея здесь нет, и если ему не очень что-то нравится, то он сам скажет мне об этом, когда я вернусь.

Тейлор кивает.

— Хорошо, миссис Грей, — говорит он спокойно и подает мне сумочку.

Сходя на пристань, я ловлю его вымученную улыбку, и мне тоже хочется улыбнуться. Мне нравится Тейлор, но слушать его упреки я не намерена. Ни его, ни отца, ни мужа.

Черт, Кристиан просто бешеный, а ведь у него сейчас и без меня забот хватает. И о чем я только думала?

В сумочке начинает вибрировать «блэкберри». Достаяю. Мелодия Шаде «Твоя любовь — Король» — этот рингтон у меня только для Кристиана.

— Привет.

— Привет.

— Вернусь на моторке, так что не злись.

— Э... — Он явно удивлен.

— Но было здорово, — добавляю я шепотом.

Кристиан вздыхает.

— Что ж, миссис Грей, не стану вам мешать. Развлекайтесь как хотите, только, пожалуйста, будьте осторожны.

Вот так! Мне позволено развлекаться!

— Буду. Тебе нужно что-нибудь из города?

— Только одно: чтобы ты вернулась целая и невредимая.

— Постараюсь угодить, мистер Грей.

— Рад это слышать, миссис Грей.

— Наша цель — угодить, — отвечаю я со смехом.

— Мне звонят, — с улыбкой говорит он. — Пока, детка.

— Пока, Кристиан.

Разговор закончен. Кризис с «джет-скаем» предотвращен. Машина уже ждет, и Тейлор открывает дверцу. Я подмигиваю ему, и он, вздыхая, качает головой.

Устроившись на заднем сиденье, отправляю мейл.

Откого: Анастейша Грей

Тема: Спасибо

Дата: 17 августа 2011 г. 16:55

Кому: Кристиан Грей

За то, что не очень ворчал.

Ваша любящая супруга

xxx

От кого: Кристиан Грей

Тема: Стараюсь оставаться спокойным

Дата: 17 августа 2011 г. 16:59

Кому: Анастейша Грей

Не за что.

Возвращайся целая и невредимая.

Это не просьба.

x

Кристиан Грей,

генеральный директор холдинга «Грей энтерпрайзес» и твой заботливый муж

Я невольно улыбаюсь. Мой тиран.

И с какой это стати мне так захотелось пройтись по магазинам? Ненавижу шопинг. Впрочем, в глубине души я знаю почему — и потому решительно шагаю мимо «Шанели», «Гуччи», «Диора» и прочих фирменных бутиков и в конце концов нахожу лекарство от терзающей меня хвори в маленьком тесном магазинчике для туристов. Это серебряный ножной браслетик с крохотными сердечками и колокольчиками. Звенит очень мило, а стоит всего пять евро. Покупаю и тут же его и надеваю. Вот это — мое, то, что мне нравится. И сразу становится легче и покойнее. Я не хочу терять связь с той девчонкой, которой нравилось такое. В глубине души понимаю, что на меня давит не только сам Кристиан, но и его богатство. Привыкну ли когда-нибудь к нему?

Тейлор и Гастон, как и положено, следуют за мной по запруженным прохожими слепополуденным улочкам. В какой-то момент я даже забываю об их присутствии. Хочу купить что-нибудь Кристиану. Что-то, что отвлекло бы его от случившегося в Сиэтле. Но что купить человеку, у которого есть всё? Я останавливаюсь посередине небольшой площади, окруженной магазинчиками, и осматриваюсь. Замечаю магазин электроники и сразу вспоминаю посещение галереи и наш поход в Лувр... Венеру Милосскую... В памяти всплывают слова Кристиана: «Мы все можем оценить женские формы. Мы любимся ими в мраморе и масле, атласе и на пленке».

Идея приходит сама собой. Смелая идея. Вся проблема в том, чтобы не ошибиться с выбором, и в этом мне может помочь только один человек. Достаяю из сумки «блэкберри» и звоню Хосе.

— Кто... — сонно бормочет он.

— Это я, Ана.

— Ана? Ты хотя бы представляешь, который час? — недовольно спрашивает он. Фу ты, я совсем забыла про разницу во времени.

— Извини.

— Ты где? Все в порядке? — Тон меняется на озабоченный.

— Я в Каннах, на юге Франции, и у меня все в порядке.

— На юге Франции, вот как? В каком-нибудь шикарном отеле?

— Э... Вообще-то нет. Мы здесь на лодке.

— На лодке?

— То есть на яхте. Это большая лодка, — поясняю я со вздохом.

— Понятно. — Потянуло холодком. Черт, не стоило ему звонить. Только этого мне и не хватает.

— Послушай, мне нужен твой совет.

— Мой совет? — Он, похоже, поражен. — Конечно. — Уже гораздо дружелюбнее.

Я излагаю свой план.

Через два часа Тейлор помогает мне подняться из моторки на палубу яхты. Гастон с матросами ставит на место гидроцикл. Кристиана нигде не видно, и я торопливо прохожу в нашу каюту — завернуть подарок. На душе по-детски легко и радостно.

— Долго же вас не было. — Я вздрагиваю. Поворачиваюсь — Кристиан стоит в дверях каюты и внимательно на меня смотрит. Вот те на. А если история с «джет-скаем» еще не закончилась? Или ситуация с пожаром в офисе серьезнее, чем казалось?

— У тебя в Сиэтле все под контролем? — осторожно спрашиваю я.

— Более или менее, — немного раздраженно отвечает он и чуть заметно хмурится.

— А я кое-что купила. — Я надеюсь хоть немного поднять ему настроение, вот только бы его раздражение не было направлено на меня. Он тепло улыбается — значит, все в порядке.

— И что же ты купила?

— Вот это. — Я ставлю ногу на кровать и демонстрирую браслет.

Кристиан подходит ближе, трогает, наклонившись, колокольчики у меня на лодыжке, хмурится, заметив красную полоску, и проводит по ней пальцем. Щекотно.

— Симпатично.

— И вот это. — Я протягиваю коробку, надеясь в глубине души, что подарок все же отвлечет его от проблем.

— Это мне? — удивленно спрашивает Кристиан. Я робко киваю. Он берет коробку и осторожно встряхивает. По-мальчишески широко ухмыляется, садится рядом со мной на кровать, наклоняется и целует. — Спасибо.

— Ты же еще не открыл.

— Неважно. Что бы там ни было, оно мне уже нравится. — Он смотрит на меня сияющими глазами. — Я нечасто получаю подарки.

— Тебе трудно что-то купить. У тебя все есть.

— У меня есть ты.

— Да, есть. — Я улыбаюсь ему. — И еще как есть.

Кристиан быстро справляется с бумагой.

— «Никон»? — Он озадаченно смотрит на меня.

— Знаю, у тебя есть компактная цифровая камера, но эта будет для... э... для портретов и всякого такого. К ней два объектива.

До него никак не доходит.

— Сегодня, в галерее, тебе понравились фотографии Флоранс Делль. Я помню, что ты сказал в Лувре. И, конечно, те снимки... — Я сглатываю, изо всех сил стараясь не думать о картинках в шкафу.

Он замирает, начиная понимать, о чем идет речь, и я торопливо, боясь, что вот-вот сорвусь, продолжаю:

— Я подумала, что ты мог бы... что тебе, может быть, захочется... ну, сфотографировать меня.

— Сфотографировать... тебя?

Позабыв о коробке на коленях, Кристиан во все глаза смотрит на меня. Я отчаянно киваю, пытаюсь предугадать его реакцию. Он наконец переводит взгляд на коробку, почтительно проводит пальцами по глянцевым картинкам.

О чем он думает? Реакция совсем не та, которой я ждала, и мое подсознание уже посматривает на меня сердито, как на тупую домашнюю скотинку. Кристиан всегда ведет себя непредсказуемо. Снова смотрит на меня, и в его глазах... что, боль? Черт... теперь-то что?

— Почему ты подумала, что мне этого захочется?

Нет, нет, нет! Ты же сам сказал...

— А тебе не захочется? — спрашиваю я, отказываясь слушать подсознание, которое не верит, что кто-то может пожелать иметь мои эротические фотографии.

Кристиан сглатывает, приглаживает волосы. Такой потерянный, такой смущенный. Вздыхает.

— Для меня такого рода снимки были обычно чем-то вроде страховки. Я знаю, что долго рассматривал женщин только как объект. — Он останавливается, неловко пожимает плечами.

Что? К чему это ведет?

— И ты думаешь, что, фотографируя меня, тоже будешь видеть только объект?

— Ох... — Кристиан как будто сдувается. Кровь отливает от лица. Он жмурится. — Все так сложно, — шепчет он и открывает глаза. В них тревога, настороженность и что-то еще.

Черт. В чем тут проблема? Что так на него подействовало? Я? Я со своими расспросами о его биологической матери? Пожар в офисе?

— Почему ты так говоришь? — шепотом спрашиваю я, чувствуя, как к горлу подступает паника. Я думала, он счастлив. Думала, мы счастливы. Думала, что принесла ему счастье. Я не хочу смущать его, путать. Мысли разбегаются. Откуда эта внезапная перемена? Он не видел Флинна почти три недели. И это причина? Поэтому он такой пришибленный? Может, позвонить Флинну? И тут меня осеняет. Такие моменты необычайной ясности и глубины случаются крайне редко: пожар, «Чарли Танго», «джет-скай»... Он же просто боится. Боится за меня. А полоски от наручников довели его до точки. Кристиан переживал из-за них весь день и совсем запутался, потому что не привык испытывать неудобства, причиняя боль. От этой мысли мне делается нехорошо.

Он пожимает плечами и снова бросает взгляд на мое запястье, где еще недавно болтался купленный им браслет. Есть!

— Послушай, это ровным счетом ничего не значит. — Я поднимаю руку, демонстрируя еле видный рубец. — Ты дал слово. Да что там, вчера было здорово. Интересно. Перестань изводить себя — мне нравится жесткий секс, я тебе и раньше говорила.

Я заливаюсь краской и из последних сил сдерживаю подступающую панику. Он смотрит на меня пристально, но о чем думает? Может, анализирует сказанное мной? Я сбиваюсь с мысли.

— Это из-за пожара? Думаешь, пожар как-то связан с «Чарли Танго»? Ты поэтому беспокоишься? Поговори со мной... пожалуйста.

Кристиан смотрит на меня молча, и между нами снова пролегает молчание. Вот же гадство! Знаю, от него уже ничего не добьешься.

— Не надо выдумывать лишнего, — негромко выговариваю я, и слова отдаются эхом, тревожа память из недавнего прошлого — его собственное высказывание о том дурацком контракте.

Я наклоняюсь, беру у него с колен коробку и открываю. Он наблюдает за мной пассивно, словно я — какое-то забавное существо с другой планеты. Услужливый продавец уже подготовил камеру к работе, и я достаю ее и снимаю с объектива крышку. Навожу на Кристиана, и рамку видоискателя заполняет его прекрасное обеспокоенное лицо. Я нажимаю кнопку и удерживаю, сохраняя для потомства десять цифровых картинок озабоченного Кристиана.

— Ладно, тогда объектом будешь ты. — Снова нажимаю затвор. На последнем кадре его губы едва заметно вздрагивают. Жму еще, и на этот раз он улыбается — блекло, но все же... Я не отпускаю кнопку и вижу, как напряжение уходит, отпускает. Кристиан расслабляется, и я тихонько хихикаю. Слава богу. Мистер Непостоянство вернулся — и я как никогда рада его видеть.

— Э, это же вроде бы *мой* подарок, — шутливо ворчит он.

— Предполагалось, что будет весело, а вышло так, что теперь камера — символ женского доминирования, — отрезаю я, делая еще несколько кадров и видя на крупном плане, как меняется выражение прекрасного лица. В какой-то момент глаза Кристиана темнеют, и в чертах проступает что-то хищное.

— Так ты этого хочешь? Доминирования и подавления? — обманчиво мягким голосом спрашивает он.

— Нет, не хочу. Нет.

— Я ведь могу подавить вас по-крупному, миссис Грей, — зловещим тоном обещает Кристиан.

— Знаю, что можете, мистер Грей. И вы часто это делаете.

Он моргает, лицо вдруг вытягивается. Черт, что еще? Опускаю камеру и вопросительно смотрю на него.

— Что не так? — Мой голос звучит разочарованно. Ну же, скажи!

Молчит. Злится. Я снова поднимаю камеру.

— Так что случилось?

— Ничего, — говорит Кристиан и вдруг исчезает из видоискателя. Одним движением сметает на пол коробку из-под камеры, хватая меня, толкает на кровать и... вот он уже сверху.

— Эй! — Я успеваю сделать еще несколько снимков — Кристиан улыбается, и намерения у него самые недобрые. В следующий момент камера уже у него в руках, и

фотограф оказывается в роли субъекта — Кристиан направляет объектив на меня и щелкает затвором.

— Итак, миссис Грей, хотите, чтобы я вас сфотографировал?

Я не вижу его лица — только всклокоченные волосы и сломанный ухмылкой безупречно вылепленный рот.

— Что ж, для начала, думаю, запечатлеем вас смеющейся.

Он безжалостно щекочет меня под ребрами, и я пишу, хохочу и верчусь под ним, безуспешно пытаюсь схватить за руку и прекратить истязание. Его рот растягивается в ухмылке, а камера продолжает щелкать.

— Не надо! Прекрати! — кричу я.

— Шутишь? — Он откладывает камеру и пускает в ход вторую руку.

— Кристиан! — выдавливаю я, задыхаясь от смеха. Раньше он никогда меня не щекотал. Черт, да прекрати же! Я мотаю головой, пытаюсь вывернуться из-под него, толкаю обеими руками, но он неумолим, и роль беспощадного палача ему явно по вкусу.

— Перестань! — умоляю я, и он вдруг останавливается. Хватает меня за руки, прижимает их к подушке, привстает... Я никак не могу отдышаться. Он тоже. Смотрит на меня... как? Я замираю. Как? Удивленно? Восхищенно? С любовью? Ну и дела. Этот взгляд!

— Ты. Так. Прекрасна, — выдыхает он.

Смотрю на него, на его милое, дорогое, божественное лицо, и он вглядывается в меня так, словно видит впервые в жизни. Наклоняется, закрывает глаза, целует... Его восторг, неумеренная радость, восхищение — это как звонок для моего либидо. Даже не верится, что это все из-за меня. Ох... Он отпускает мои руки, просовывает ладони мне под голову, запускает пальцы в волосы, и я поднимаюсь ему навстречу, наполняюсь его желанием, отвечаю на его поцелуй. А поцелуй вдруг уже другой — не милый, сладкий, восхищенно-почтительный, но греховный, порочный, глубокий, жадный. Язык вторгается в мой рот не дарителем, а завоевателем, жадным и отчаянным, спешащим взять... Желание бежит по жилам, пробуждает мышцы и связки, отдается волнующей дрожью.

Что же не так?

Кристиан резко вздыхает.

— Что ты со мной делаешь, — бормочет он с рвущим душу отчаянием и вдруг опускается на меня, вдавливая в матрас — одной рукой держит за подбородок, другой шарит по телу, мнет груди, гладит по животу, бедрам, тискает снизу. Он снова целует, раздвигает мне ноги коленом, вжимает меня в себя, и его желание рвется через одежду, его и мою. Мой вздох и стон гложут под его губами, я таю в жаре его страсти. Где-то далеко тревожно звенят колокольчики, но я не желаю их слышать, потому что знаю: он хочет меня, нуждается во мне, не может без меня и это — его любимая форма общения со мной, его самовыражения. Забыв обо всем, отбросив осторожность, я целую его, зарываю пальцы в его волосы, сжимаю кулаки и впитываю его вкус и запах.

О, Кристиан, мой Кристиан...

Он вдруг поднимается, стаскивает меня с кровати, и я стою перед ним, растерянная и ошеломленная. Он расстегивает пуговицы у меня на шортах, падает на колени, стаскивает их и заодно трусы... Не успев опомниться, я снова на кровати, под ним, и он уже рвет «молнию» на брюках. Боже, он даже не раздевается, даже не снимает с меня майку. Никакого вступления — он вонзается в меня с ходу, и я вскрикиваю, скорее от удивления, чем от чего-то еще...

Я слышу хрипящее дыхание над ухом.

— Да, да, да... — Он замирает, приподнимается и вгоняет еще глубже, вышибая из меня стон.

— Ты нужна мне, — хрипит Кристиан. Он пробегает зубами по моему подбородку, по скуле, покусывает и посасывает, потом снова целует — без нежностей, требовательно и алчно. Я обхватываю его руками, обвиваю ногами, сжимаю и не отпускаю, словно хочу выдавить все, что тревожит его, не дает покою. Он начинает двигаться, как будто пытается вскарабкаться внутри меня. Снова и снова, выше и выше, отчаянно, безумно, подчиняясь древнему инстинкту. Захваченная заданным им сумасшедшим темпом, я отдаюсь ему полностью, без остатка. Что гонит его? Что тревожит? Вопросы остаются без ответа, потому что мысль не успевает за телом, которое уносится выше и выше на волне безумных ощущений, отвечая выпадом на выпад, ударом на удар. Я слышу натужное, шипящее, резкое дыхание и знаю — он забылся во мне. За стоном — вздох, за хрипом — вскрик. Это так эротично — его неутолимая жажда, его ненасытный голод. Я уступаю, отдаю, а он требует больше и больше. Как же я хочу этого — и для себя, и для него.

— Кончай со мной, — выдыхает он и поднимается, разрывая мои объятия. — Открой глаза. Мне нужно видеть тебя. — Это не просьба, но приказ, требующий беспрекословного подчинения. Мои глаза тут же открываются, и я вижу напряженное, разгоряченное лицо и горящие, голодные глаза. Его страсть, его любовь — как удар потока: плотина рушится, и я кончаю, откинув голову, содрогаясь в конвульсиях.

— О, Ана! — вскрикивает он и, догнав меня последним рывком, замирает, а потом падает, но тут же скатывается, так что сверху оказываюсь я.

Оргазм уходит. Я хочу отпустить какую-нибудь шутку насчет подавления и объекта, но прикусываю язык — кто знает, какое у него настроение? Отрываюсь от его груди, смотрю в лицо. Его глаза закрыты, руки — на мне. Я целую Кристиана через тонкую ткань льняной рубашки.

— Что же все-таки не так? — мягко спрашиваю я и с волнением жду ответа. Может быть, теперь, после секса, он скажет, в чем дело.

Но нет, Кристиан молчит. И тут меня посещает вдохновение.

— Торжественно обещаю быть верным партнером в болезни и в здравии, в час счастливый и горький, делить радость и печаль...

Он застывает и лежит неподвижно. Потом открывает свои бездонные глаза и смотрит на меня. А я продолжаю повторять слова свадебного обета:

— Обещаю любить тебя безоговорочно, поддерживать во всех начинаниях и устремлениях, почитать и уважать, смеяться с тобой и плакать, делить надежды и мечты и нести утешение в пору испытаний. — Я делаю паузу, выжидаю; он смотрит на меня, чуть приоткрыв рот, но ничего не говорит.

— Заботиться о тебе, холить и лелеять, пока мы оба живы. — Я вздыхаю.

— Ох, Ана, — шепчет он и приподнимается, обрывая наш восхитительный контакт. Теперь мы лежим на боку, и он поглаживает меня по щеке.

— Торжественно клянусь оберегать наш союз и дорожить им и тобою, — шепчет он. — Обещаю любить тебя верно и преданно, отвергать всех других, быть с тобой рядом в радости и горе, в болезни и здравии, куда бы жизнь ни увела нас. Обещаю доверять тебе, защищать и уважать тебя. Делить с тобой радости и печали, утешать в тяжелые времена. Обещаю холить тебя и лелеять, поддерживать твои мечты и беречь от всех невзгод. Все, что мое, отныне и

твое. Моя рука, мое сердце, моя любовь — отныне и навек твои.

Слезы наворачиваются на глаза. Кристиан смотрит на меня, и выражение его лица смягчается.

— Не плачь, — тихо говорит он, подхватывая сорвавшуюся с ресницы слезинку.

— Почему ты не хочешь поговорить со мной? Пожалуйста, Кристиан.

Он жмурится, как будто от боли.

— Я клялся нести тебе утешение в тяжелый час. Пожалуйста, не вынуждай меня нарушать обещание.

Кристиан со вздохом открывает глаза. Выражение лица унылое, безрадостное.

— В Сиэтле поджог. — Вот черт. Я смотрю на него — он такой юный, такой незащищенный. — И теперь они могут охотиться за мной. А если за мной, то... — Он замолкает.

— То и за мной, — заканчиваю за него я. Кристиан бледнеет, и я понимаю, что добралась наконец-то до истинной причины его беспокойства. — Спасибо.

Он хмурится.

— За что?

— За то, что рассказал мне.

Он качает головой, и губ его касается бледная тень улыбки.

— Вы умеете убеждать, миссис Грей.

— А ты умеешь изводить себя и, может быть, умрешь от сердечного приступа, не дожив до сорока, а мне нужно, чтобы ты оставался со мной еще долго-долго.

— Если меня кто-то и доведет до могилы, миссис Грей, так это вы. Я и так чуть не умер, когда увидел вас на гидроцикле. — Он откидывается на подушку, прикрывает ладонью глаза и ежится.

— Послушай, я всего лишь прокатилась на «джет-скае». На них сейчас даже дети катаются. Подумай, что будет, когда мы приедем к тебе в Аспен и я впервые в жизни встану на лыжи.

Кристиан поворачивается, и я едва удерживаюсь, чтобы не рассмеяться, — такой ужас на его лице.

— К нам в Аспен, — поправляет он.

Я пропускаю реплику мимо ушей.

— Я уже взрослая и вовсе не такая хрупкая, какой кажусь. Когда ты это поймешь?

Он пожимает плечами и поджимает губы. Пора менять тему.

— Значит, пожар. Полиция знает о поджоге?

— Да.

— Хорошо.

— Я приму дополнительные меры безопасности, — сухо говорит он.

— Понимаю. — Мой взгляд скользит по Кристиану. Он по-прежнему в шортах и рубашке, а я — в майке. Вот так и потрахались по-скорому. Я прыскаю.

— Что? — спрашивает Кристиан.

— Ты.

— Я?

— Да. Ты. Все еще одет.

Он смотрит на себя, потом на меня, и его лицо расплывается в широкой улыбке.

— Ну, вы же знаете, миссис Грей, не могу удержаться. Смотрю на вас, и руки чешутся.

Особенно когда вы вот так хихикаете. Как школьница.

Щекотка... Вот оно что. Я перекидываю ногу, чтобы оседлать его, но он уже просчитал мои коварные планы и хватает меня за обе руки.

— Нет.

Судя по тону, Кристиан не шутит.

Принимаю обиженный вид, но потом решаю, что он не готов.

— Пожалуйста, не надо. Не выдержу. Меня никогда не щекотали в детстве. — Я опускаю руки, показывая, что ему нечего опасаться. — Бывало, смотрел, как Каррик балуется с Миа и Элиотом, но сам...

Я прижимаю палец к его губам.

— Знаю, молчи. — Я нежно целую его в губы, туда, где только что был мой палец, и, свернувшись рядышком, кладу голову ему на грудь. Во мне опять нарастает знакомая боль, и сердце охватывает печаль. Ради этого человека я готова на все — потому что люблю его.

Он обнимает меня, прижимается носом к волосам и нежно поглаживает по спине. Мы лежим так какое-то время, нисколько не тяготясь молчанием, но в конце концов я первой нарушаю тишину:

— Тебе доводилось обходиться без доктора Флинна?

— Да. Однажды мы не виделись две недели. А почему ты спрашиваешь? Испытываешь неодолимую тягу пощекотать меня?

— Нет. Думаю, он тебе помогает.

— Так и должно быть, — фыркает Кристиан. — Я хорошо ему плачу. — Он легонько тянет меня за волосы, заставляя повернуться к нему. Поднимаю голову. — Озабочены состоянием моего здоровья, миссис Грей?

— Любая хорошая жена заботится о здоровье возлюбленного супруга, мистер Грей, — укоризненно напоминаю я.

— Возлюбленного? — шепчет он, и вопрос повисает между нами.

— Очень-очень возлюбленного. — Я приподнимаюсь, чтобы поцеловать его, и он смущенно улыбается.

— Не хотите ли пообедать на берегу, миссис Грей?

— Готова на все, лишь бы вы были довольны, мистер Грей.

— Хорошо, — усмехается он. — На борту я могу обеспечить вашу безопасность. Спасибо за подарок. — Он берет фотоаппарат и, держа его в вытянутой руке, снимает нас — в посткоитальной, постисповедальной, постщекотальной позе.

— Всегда пожалуйста. — Я улыбаюсь, и в его глазах вспыхивают огоньки.

Мы гуляем по Версальскому дворцу — роскошному, пышному, золоченому великолепию восемнадцатого века. Эту некогда скромную охотничью сторожку «короля-солнце» превратил в прекрасную монаршую резиденцию, пережившую в том же столетии последнего самодержца.

Самый потрясающий зал — Зеркальный. В западные окна вливается мягкий послеполуденный свет, и зеркала вдоль восточной стены как будто пылают, освещая позолоченное убранство и громадные хрустальные люстры. Восхитительно.

— Интересно. Вот что случается с деспотичным мегаломаном, добровольно заточающим себя в такой роскоши, — обращаюсь я к Кристиану. Чуть склонив голову, он смотрит на меня в зеркале.

— Вы это к чему, миссис Грей?

— Ни к чему, мистер Грей. Просто делюсь наблюдением.

Я делаю широкий жест рукой. Тихонько посмеиваясь, он выходит следом за мной на середину зала, откуда я, открыв рот, люблюсь открывшимся видом: великолепными садами, отражающимися в зеркалах, и великолепным же Кристианом Греем, моим супругом, наблюдающим за мной из зеркала.

— Я бы построил такой же для тебя, — шепчет он. — Хотя бы ради того, чтобы увидеть, как солнце полирует твои волосы. — Кристиан убирает мне за ухо выбившуюся прядку. — Ты словно ангел. — Он целует меня в шею пониже уха и тихонько шепчет: — Мы, деспоты, делаем это все ради любимых женщин.

Я краснею, застенчиво улыбаюсь, и мы идем дальше по огромному залу.

— О чем думаешь? — спрашивает Кристиан, делая глоток послеобеденного кофе.

— О Версале.

— Претенциозно, согласна? — Он усмехается, а я оглядываю обставленную с не меньшей роскошью столовую «Прекрасной леди» и поджигаю губы.

— Я бы не назвал это претенциозным, — оправдывается Кристиан, заметив мой взгляд.

— Знаю. Здесь просто мило. О таком медовом месяце любая девушка может только мечтать.

— Правда? — удивленно спрашивает он и застенчиво улыбается.

— Конечно.

— Осталось всего лишь два дня. Хочешь еще что-нибудь посмотреть? Что угодно, только скажи.

— Хочу просто быть с тобой.

Он поднимается из-за стола, подходит и целует меня в лоб.

— А обойтись без меня один час сможешь? Надо проверить почту, посмотреть, что происходит дома.

— Конечно, — говорю я, старательно скрывая разочарование. Целый час без него! Ну не странно ли, что мне так хочется постоянно быть с ним? Мое подсознание поджигает губы и изо всех сил кивает.

— Спасибо за фотоаппарат, — говорит он и уходит в кабинет.

Вернувшись в каюту, я решаю тоже заняться почтой и открываю лэптоп. Письма от мамы и Кейт с последними слухами и сплетнями и расспросами о медовом месяце. Что им сказать? Все было прекрасно, пока кто-то не вознамерился поджечь «Грей энтерпрайзес». Я уже отправляю письмо маме, когда в мой почтовый ящик падает сообщение от Кейт.

От кого: Кэтрин Л. Кавана

Дата: 17 августа 2011 г. 11:45 СТВ

Кому: Анастейша Грей

Тема: ОМГ!!!!

Только что услышала о пожаре в офисе Кристиана. Думаешь, поджог?

К хох

Она в сети! Я перескакиваю к своей новой игрушке — скайпу — и вижу, что она

доступна. Быстро пробегаю пальцами по клавиатуре.

Ана: Ты здесь?

Кейт: ДА! Как ты? Как медовый месяц? Ты уже видела мое письмо? Кристиан знает о пожаре?

Ана: У меня все хорошо. Медовый месяц проходит отлично. Твой мейл видела. Про пожар Кристиан знает.

Кейт: Я так и думала. Новости очень скудные. Что случилось, непонятно. А Элиот, конечно, ничего не говорит.

Ана: Ищешь материал для заметки?

Кейт: Ты слишком хорошо меня знаешь.

Ана: Кристиан почти ничего не рассказывает.

Кейт: Элиот узнал от Грейс!

Ну уж нет! Вот чего не надо Кристиану, так это того, чтобы о пожаре узнал весь Сиэтл. Я решаю использовать проверенный на практике прием отвлечения из арсенала Кавана.

Ана: Как Элиот и Итан?

Кейт: Итана приняли на магистерский курс по психологии в Сиэтле. Элиот — лапочка.

Ана: Какой молодец Итан!

Кейт: Как наш любимый экс-дон?

Ана: Кейт!

Кейт: Что?

Ана: Ты знаешь что!

Кейт: Извини.

Ана: Он в порядке. Более чем.

Кейт: Если тебе хорошо, то и я рада.

Ана: Я на седьмом небе от счастья.

Кейт: Мне надо бежать. Поговорим позже?

Ана: Не знаю, получится ли. Ты посмотри, буду ли я в сети. Эти три часовых пояса, жуть!

Кейт: Согласна. Я тебя люблю.

Ана: Я тоже тебя люблю. Пока.

Кейт: Пока.

Теперь уж Кейт эту историю из рук не выпустит. Я закатываю глаза и закрываю скайп, пока Кристиан не увидел нашу переписку. Реплика насчет экс-дона ему бы точно не понравилась. Да и экс ли он? Я в этом не совсем уверена. Вздыхаю. Кейт знает все со времен нашего девичника, когда я уступила ее инквизиторским расспросам. Приятно все-таки поболтать со знакомым человеком. Смотрю на часы. После обеда не прошло и часа, а я уже скучаю по мужу. Возвращаюсь на палубу — может, он уже закончил?

Я в Зеркальном зале. Кристиан стоит рядом, смотрит на меня с любовью и улыбается. Он словно ангел. Я улыбаюсь в ответ, но потом заглядываю в зеркало и вижу себя в своей

серой, унылой комнатухе. Нет! Я торопливо оглядываюсь на Кристиана — он улыбается, грустно, печально. Протягивает руку, убирает мне за ухо выбившуюся прядку. Потом поворачивается и, не сказав ни слова, медленно уходит. Идет по бесконечному залу к богато расписанным дверям, и звук его шагов отскакивает эхом от зеркал — одинокий человек, человек без отражения...

Я просыпаюсь в панике, хватая ртом воздух.

— Эй, — озабоченно шепчет он из темноты.

Здесь, он здесь. Ему ничто не грозит. Облегченно перевожу дух.

— Ох, Кристиан, — шепчу я, пытаюсь усмирить скачущее сердце.

Он обнимает меня, и лишь тогда я понимаю, что по лицу у меня катятся слезы.

— Ана, в чем дело? Что случилось? — Кристиан гладит меня по щеке, утирает слезы. Я слышу его боль.

— Ничего. Просто кошмар...

Он целует меня в лоб, в мокрые от слез губы. Утешает, успокаивает.

— Все хорошо. Это только сон, — шепчет Кристиан. — Ничего не бойся. Со мной тебе ничего не надо бояться.

Я вдыхаю его запах, прижимаюсь к нему, стараясь отогнать то ощущение отчаяния и потери, что пришло во сне, и вдруг понимаю, что больше всего на свете боюсь потерять его.

Я поворачиваюсь, привычно подкатываюсь к Кристиану и обнаруживаю, что его нет. Черт! Сна как не бывало. Я встаю, беспокойно оглядываю каюту. Кристиан наблюдает за мной из небольшого кресла, стоящего у кровати. Он кладет что-то на пол, поднимается, подходит к кровати и растягивается рядом со мной. На нем серая футболка и шорты.

— Не бойся. Не паникуй. Все в порядке. — Голос мягкий, тон увещающий, словно он разговаривает с испуганным, загнанным в угол зверьком. Протягивает руку, убирает у меня с лица волосы — и я мгновенно успокаиваюсь. Вижу, он и сам обеспокоен чем-то и безуспешно пытается это скрыть.

— Ты такая нервная в последние дни.

— Я в порядке. — Безмятежно улыбаюсь — не хочу, чтобы Кристиан знал, как меня тревожит этот случай с поджогом. Я хорошо помню, что чувствовала после случая с «Чарли Танго», когда от Кристиана не было известий: пустоту в душе и невыразимую боль. Теперь те же чувства всплывают вновь, и память скребет сердце. — Ты наблюдал за мной, пока я спала?

— Да, — коротко отвечает Кристиан, изучающе глядя на меня. — Ты разговаривала во сне.

— Неужели? — Черт! Чего я там наговорила?

— Ты чем-то обеспокоена, — добавляет он, продолжая смотреть мне в глаза. Я не выдерживаю, моргаю. Нет, от этого человека ничего скрыть невозможно. Он наклоняется, целует меня между бровей. — Когда ты хмуришься, у тебя между бровями появляется что-то вроде маленького треугольника. Его так приятно целовать. Не тревожься, малышка, я о тебе позабочусь.

— Я не о себе тревожусь, а о тебе. Кто позаботится о тебе?

Он снисходительно улыбается.

— Я уже большой и достаточно страшный, чтобы самому о себе позаботиться. А теперь вставай. Прежде чем отправиться домой, я бы хотел кое-что сделать.

Он широко, как будто напоминая, что ему всего лишь двадцать восемь, улыбается и хлопает меня пониже спины. Я вскрикиваю от неожиданности и вдруг понимаю, что уже сегодня мы отправимся в Сиэтл. От этой мысли становится грустно. Уезжать не хочется. Я была счастлива двадцать четыре часа в сутки и не готова делить мужа ни с его компанией, ни с его семьей. Мы провели чудесный, волшебный медовый месяц. Не без сбоев, надо признать, но ведь это нормально для новобрачных?

А вот Кристиан взволнован как мальчишка, и его возбуждение — даже при том, что в голове у меня бродят разные мрачные мысли — заразительно. Он легко соскальзывает с кровати, и я, заинтригованная, следую за ним. Интересно, что он задумал?

Кристиан вешает мне на запястье ключ.

— Хочешь, чтобы я вела?

— Да, — улыбается он. — Не слишком туго?

— Нет, нормально. — Я поднимаю брови. — Ты поэтому надел спасательный жилет?

— Да.

Я прыскаю со смеху.

— Какая уверенность в моих способностях, мистер Грей.

— Как всегда, миссис Грей.

— Ну так не читайте мне нотаций.

— Да я и не смею.

— Смеее и будете, но только на тротуар в заливе свернуть будет нельзя.

— Сказано справедливо и к месту, миссис Грей. Будем стоять здесь весь день и обсуждать ваши навыки или все-таки отправимся на берег и повеселимся?

— Сказано справедливо и к месту, мистер Грей.

Я становлюсь за руль гидроцикла, Кристиан устраивается сзади и отталкивается от яхты. Тейлор и двое матросов с интересом наблюдают за нами с палубы. Кристиан обхватывает меня руками, ерзает, прижимается теснее. Да, вот чем мне нравится такой транспорт. Я вставляю ключ зажигания, нажимаю кнопку, и мотор отвечает громким урчанием.

— Готов? — кричу я, перекрывая шум двигателя.

— Готов и всегда буду, — отвечает он, прижавшись губами к моему уху.

Я мягко включаю передачу, и «джет-скай» отходит от «Прекрасной леди» — слишком медленно, на мой вкус. Кристиан сжимает объятья. Добавляю газу, и мы прыгаем вперед. Двигатель работает ровно, не глохнет, и я счастлива.

— Полегче! — предостерегает Кристиан, но и в его голосе звучат радостные нотки.

Я проношу мимо «Прекрасной леди» и беру курс в открытое море. Мы бросили якорь напротив Порт-де-Плезанс Сен-Клод-дю-Вар. Вдалеке, словно встроенный в Средиземное море, виднеется аэропорт Ниццы. Уже после прибытия сюда, прошлой ночью, я слышала звук идущего на посадку самолета и теперь решаю взглянуть поближе.

Мы несемся к цели, прыгая над волнами. Я в восторге, а самое главное — Кристиан дал мне полную свободу. Мы мчимся к аэропорту, и все беспокойство, все тревоги последних дней уходят сами собой.

— В следующий раз возьмем два гидроцикла! — кричит Кристиан. Я улыбаюсь — погонять с ним наперегонки было бы здорово.

Мы мчимся через прохладное синее море к концу взлетно-посадочной полосы, когда небо над головой вдруг раскалывает грохот идущего на посадку самолета. Я вздрагиваю и, поддавшись на мгновение панике, выворачиваю руль и одновременно жму на газ вместо тормоза.

— Ана! — кричит Кристиан, но уже поздно. Гидроцикл виляет, и я, раскинув руки и ноги и прихватив с собой Кристиана, лечу в море.

Здесь холодно, не то что у берега. Я погружаюсь, но тут же всплываю — спасибо спасательному жилету, — успев отведать средиземноморской водички. Кашляя и отплевываясь, протираю глаза и оглядываюсь. Кристиан уже плывет ко мне. Гидроцикл с заглушим двигателем беззаботно покачивается неподалеку.

— Ты в порядке?

— Да, — хриплю я и не могу скрыть радости.

Видишь, Кристиан? Это худшее, что может случиться, когда катаешься на гидроцикле! Он заключает меня в объятья, отстраняется и с тревогой шарит глазами по моему лицу.

— Видишь, все не так уж плохо! — улыбаюсь я, шлепая ладонями по воде. Не сразу, но он все же улыбается, сначала недоверчиво, потом с облегчением.

— Да уж. Если не считать, что я весь мокрый, — ворчит он совсем не сердито.

— Я тоже.

— А ты нравишься мне мокрая, — ухмыляется он.

— Кристиан! — укоризненно говорю я тоном праведного негодования. Он улыбается своей роскошной улыбкой, наклоняется, крепко целует и отстраняется. Я перевожу дух. Его глаза темнеют под полуопущенными веками, и мне становится жарко.

— Давай вернемся. Нам все равно надо принять душ. Но поведу я.

Мы прохлаждаемся в зале для пассажиров первого класса лондонского аэропорта Хитроу, ожидая рейса на Сиэтл. Кристиан читает «Файнэншл таймс». Я беру фотоаппарат, хочу сделать парочку снимков. Он такой сексуальный в белой льняной рубашке и джинсах, с засунутыми за пуговицу очками. Вспышка. Кристиан мигает и улыбается мне своей застенчивой улыбкой.

— Как самочувствие, миссис Грей?

— Не хочется возвращаться. Мне так нравится, когда тебя не нужно ни с кем делить.

Он наклоняется, сжимает мою руку. Подносит ее к губам, целует костяшки пальцев...

— Мне тоже.

— Но?.. — спрашиваю я, услышав произнесенное короткое слово в конце его заявления.

Кристиан хмурится.

— Но?.. — Он делает вид, что не понял. Я слегка наклоняю голову и смотрю на него с выражением «ну же, скажи», которое довела до совершенства в последние пару дней. Кристиан вздыхает и откладывает газету. — Я хочу, чтобы этого поджигателя поймали поскорее и чтобы нам не о чем было беспокоиться.

— О... — Я и вправду удивлена его откровенностью.

— Уэлчу не поздоровится, если нечто подобное случится еще раз.

Обещание звучит так зловеще, что у меня по спине бегут мурашки. Кристиан бесстрастно смотрит на меня, и я не знаю, чего он от меня ждет и какой мне нужно быть — дерзкой, легкомысленной, беспечной? Мыслей нет, и, чтобы снять возникшее между нами напряжение, я делаю то единственное, что приходит в голову: поднимаю фотоаппарат и щелкаю затвором.

— Эй, соня, мы уже дома, — говорит Кристиан.

— М-м-м, — сонно ворчу я, пытаюсь удержать сон, в котором мы с Кристианом валяемся на одеяле в Кью-Гарденсе. Я так устала! Поездки ужасно изнуряют, даже если путешествуешь первым классом. Мы провели в самолете часов восемнадцать или даже больше — я уже потеряла счет времени. Дверь открывается, я открываю глаза и вижу склонившегося надо мной Кристиана. Он расстегивает ремень и берет меня на руки.

— Эй, я и сама умею ходить!

Кристиан только фыркает.

— Мне нужно перенести тебя через порог.

Я обнимаю его за шею и вскидываю бровь.

— Понесешь на тридцатый этаж?

— Миссис Грей, рад сообщить, что вы набрали вес.

— Что?

Он улыбается.

— Так что, если не возражаешь, воспользуемся лифтом.

У входа в «Эскалу» нас встречает Тейлор.

— Добро пожаловать домой, мистер Грей, миссис Грей.

— Спасибо, Тейлор.

Я одариваю Тейлора мимолетной улыбкой, и он идет к «Ауди», за рулем которой сидит Сойер.

— Так что, я действительно набрала вес?

— Немного, — успокаивает Кристиан, но лицо его вдруг темнеет. О нет... что еще?

— Ты всего лишь вернула тот вес, что потеряла, когда ушла от меня, — негромко объясняет он, вызывая лифт, и еще больше мрачнеет.

Я вижу, чувствую его боль, и под сердцем как будто повисают гири. Нет!

— Эй. — Глажу его по щеке, запускаю пальцы в волосы, тяну к себе. Он не упирается, охотно уступает. — Если бы я не ушла тогда, стоял бы ты сейчас здесь? — шепчу я, глядя в глаза цвета грозовой тучи. На губах смущенная, моя любимая улыбка.

— Нет, — тихо говорит он и, не выпуская меня из объятий, входит в кабину. — Нет, миссис Грей, я не стоял бы здесь с вами сейчас. Но я бы знал, что могу защитить тебя, если бы ты не бросила мне вызов.

В его голосе слышится нотка сожаления. Черт.

— А мне нравится бросать тебе вызов, — осторожно говорю я.

— Знаю. И мне... мне это тоже нравится, — с улыбкой признается он.

Слава богу.

— Так я тебе даже толстая нравлюсь? — шепчу я. Он смеется.

— Даже толстая. — Мы снова целуемся, уже по-настоящему, с желанием. Я тяну его за волосы, наши языки переплетаются в медленном, чувственном танце, и когда лифт с мелодичным звоном останавливается, добравшись до пентхауса, мы с трудом отрываемся друг от друга.

— Мне очень хорошо с тобой. Очень... — Он смотрит на меня с вожделением, потом качает головой, словно прогоняя непристойные мысли. Мы входим в фойе.

— Добро пожаловать домой, миссис Грей. — Кристиан снова целует меня, теперь уже почти целомудренно, и выдает свою фирменную, на целый гигавайт, улыбку. Его глаза светятся от радости.

— Добро пожаловать домой, мистер Грей. — Я тоже улыбаюсь, чувствуя, как и мое сердце переполняется радостью.

Вопреки ожиданиям, он не опускает меня, а несет через фойе, потом по коридору, входит в большую комнату и усаживает на кухонный стол. Я сижу, болтая ногами, а Кристиан достает из шкафчика высокие бокалы и из холодильника — бутылку шампанского, своего любимого «Боланже». Ловко, не пролив ни капли, открывает, разливает бледно-розовое вино и вручает мне бокал. Потом берет другой, нежно раздвигает мне ноги и становится между ними.

— За нас, миссис Грей.

— За нас, мистер Грей, — шепчу я, невольно улыбаясь. Мы чокаемся и делаем по глотку.

— Знаю, ты устала. — Кристиан третя носом о мой нос. — Но вообще-то спать я еще не хочу. — Он целует меня в уголок рта. — Это наша первая ночь здесь, и теперь ты по-настоящему моя.

Его губы спускаются ниже и ниже. В Сиэтле ранний вечер, и я чертовски устала после

перелета и от смены часовых поясов, но в глубине меня уже распускается желание.

Кристиан мирно посапывает рядом, а я смотрю на розовые и золотистые полосы новой зари в широких окнах. Его рука лежит на моей груди, и я стараюсь дышать в одном с ним ритме, но ничего не получается. Сон не приходит. Мой организм настроен на гринвичское время, и мысли бегают по кругу.

Столько всего случилось за последние три недели — нет, не надо никого обманывать, за последние три месяца, — я как будто витала в облаках. И вот, позвольте представиться: Ана Стил, она же миссис Анастейша Грей, жена самого восхитительного, соблазнительного, сексуального и невероятно богатого магната, какого только может встретить женщина. Как могло случиться, что все произошло так быстро?

Я поворачиваюсь и смотрю на него бесстрастно и оценивающе. Знаю, он частенько наблюдает за мной во сне, но мне такая возможность выпадает редко. Во сне Кристиан выглядит таким юным и беззаботным, длинные ресницы едва заметно подрагивают, словно крылья веера, на подбородке легкой тенью проступает щетина, губы, словно вышедшие из-под резца скульптора, слегка приоткрыты. Мне так хочется поцеловать его, раздвинуть его губы языком, пробежать пальцами по мягкой, но колючей щетине. Я с трудом удерживаюсь, чтобы не прикоснуться к нему, не погладить, не разбудить. Хм... Почему мне нельзя хотя бы поиграть с мочкой уха? Чуть-чуть прикусить, пососать. Подсознание бросает на меня сердитый взгляд поверх очков-половинок, отвлекшись на мгновение от второго тома полного собрания сочинений Чарльза Диккенса, и посылает мысленный упрек: «Ана, оставь беднягу в покое».

В понедельник мне возвращаться на работу. Сегодняшний день отведен на акклиматизацию, а потом — назад, в привычную рутину. В последние три недели мы не расставались ни на минуту, и не видеть Кристиана целый день будет, наверно, непривычно. Я откидываюсь на подушку и смотрю в потолок. Кто-то скажет, что проводить вместе столько времени невозможно, но это не мой случай. Я была счастлива с ним даже тогда, когда мы ссорились. И единственным, что омрачило мое счастье, стала новость о пожаре в Грей-хаусе.

У меня холодеет кровь. Кто мог пожелать зла Кристиану? Загадка не дает мне покоя. Кто-то из партнеров по бизнесу? Бывшая любовница? Обиженный служащий? Я понятия не имею, а Кристиан молчит и, стремясь защитить меня, выдает информацию по капле. Я вздыхаю. Мой рыцарь в сияющих черно-белых доспехах, всегда старающийся защитить меня. Что нужно сделать, чтобы он немного раскрылся?

Кристиан шевелится, и я замираю, не хочу будить его, но эффект получается обратный. Черт! Два горящих глаза смотрят, моргая, на меня.

— Что случилось?

— Ничего. Засыпай. — Я ободряюще улыбаюсь. Он потягивается, трет глаза, улыбается.

— Сбилась с ритма?

— Думаешь, дело в этом? Я не могу уснуть.

— У меня есть универсальное средство от бессонницы, и как раз для тебя, детка. — Он по-мальчишески широко ухмыляется, а я закатываю глаза и прыскаю. Все мои мрачные мысли улетают без следа, а зубы находят мочку его уха.

Мы едем на север по шоссе I-5 в сторону моста 520. Едем на «Ауди R8». Нас ждет ланч у родителей Кристиана, воскресный ланч по случаю возвращения домой. Соберется вся семья

плюс Кейт и Итан. Мы долго были вдвоем, и оказаться теперь в большой компании немного непривычно. Мы даже не успели поговорить толком: он с самого утра ушел в кабинет, а мне пришлось разбирать вещи. Кристиан, правда, сказал, что это необязательно, что вещи разберет миссис Джонс, но к помощи по дому мне еще только предстоит привыкнуть. Мысли разбегаются, и я рассеянно постукиваю пальцами по кожаной обивке дверцы. Настроение паршивое, но из-за чего? Не успела акклиматизироваться? Или из-за поджога?

— Разрешешь мне сесть за руль? — спрашиваю я и сама удивляюсь тому, что произнесла это вслух.

— Конечно, — улыбается Кристиан. — Все, что мое, оно и твое тоже. Но если разобьешь или поцарапаешь, я отведу тебя в Красную комнату боли. — Он бросает в меня быстрый взгляд и зловеще ухмыляется.

Ничего себе! Я смотрю на него непонимающе. Это что, шутка?

— Ты же сказал это не всерьез, да? Ты ведь не станешь наказывать меня за то, что я поцарапаю твою машину? Неужели ты любишь ее больше, чем меня?

— Почти так же, — с улыбкой отвечает он и, опустив руку, тискает мое колено. — Но она не согревает меня по ночам.

— Уверена, это нетрудно устроить, и тогда ты мог бы спать в ней, — бросаю я.

Кристиан смеется.

— Мы и дня не пробыли дома, а ты меня уже выставляешь?

Он, похоже, в восторге и на мой недовольный взгляд отвечает широкой ухмылкой. Когда Кристиан в таком настроении, злиться на него совершенно невозможно. Подумав, прихожу к выводу, что он пребывает в таком настроении с того самого времени, как вышел утром из кабинета. И тут я начинаю понимать, из-за чего злюсь. Нам нужно возвращаться в реальный мир, а я не знаю, что нас ждет: станет ли Кристиан прежним, таким же закрытым, как до медового месяца, и смогу ли я поддерживать существование его новой, улучшенной версии.

— Почему ты такой довольный?

Мне достается еще одна улыбка.

— Потому что этот разговор такой... нормальный.

— Нормальный! — фыркаю я. — Но только не на четвертой неделе брака!

Улыбка соскальзывает и исчезает.

— Я шучу.

У меня нет ни малейшего желания испортить ему настроение. Просто поразительно, каким неуверенным в себе он порой бывает. Подозреваю, таким он был всегда, но скрывал эту неуверенность за суровым экстерьером. Поддевать его, подшучивать над ним легче легкого, наверно, потому, что он совершенно к этому не привык. Как многое, однако, нам еще предстоит узнать друг о друге!

— Не беспокойся, меня и «Сааб» устраивает, — говорю я и отворачиваюсь к окну, чтобы самой не поддасться скверному настроению.

— Эй, в чем дело?

— Ни в чем.

— С тобой бывает так трудно. Давай, говори, что не так.

Я поворачиваюсь.

— Посмотри на себя, Грей.

Он хмурится.

— Но я стараюсь.

— Знаю. Я тоже. — Я улыбаюсь. Настроение чуточку улущается.

Каррик стоит у барбекю в поварском колпаке и фартуке с надписью «К грилью допущен». Вид у него до крайности нелепый, и я невольно улыбаюсь каждый раз, когда смотрю на него. Я и вообще чувствую себя значительно лучше. Мы все сидим за столом на террасе большого фамильного дома Греев, наслаждаясь теплым летним деньком. Грейс и Миа расставляют всевозможные салаты, Элиот и Кристиан дружески пикируются и обсуждают планы строительства нового дома, а Итан и Кейт выпытывают у меня подробности нашего медового месяца. Кристиан почти не выпускает мою руку и то и дело крутит мое обручальное кольцо.

— Что ж, если уладишь дела с Джиа, у меня будет окно с сентября по середину ноября. Смогу бросить всю бригаду, — говорит Элиот, обнимая Кейт за плечи. Она улыбается.

— Джиа должна приехать завтра вечером для окончательного согласования, — говорит Кристиан. — Надеюсь, тогда обо всем и договоримся. — Он поворачивается и выжидающе смотрит на меня.

О, вот так новость.

— Конечно. — Я улыбаюсь, главным образом для всех его родственников, но настроение снова падает. Почему он принимает такие решения, не поставив меня в известность? Или мне просто не дает покоя мысль о Джиа с ее роскошными бедрами и шикарной грудью, о ее дорогих дизайнерских нарядах и духах? Я представляю, как она соблазнительно улыбается моему мужу... Подсознание снова останавливает меня сердитым взглядом. Он не дает тебе повода для ревности. Черт, что-то меня бросает сегодня то туда, то сюда. С чего бы?

— Ана! — окликает меня Кейт. — Ты еще там, на юге Франции?

— Да, — отвечаю я с улыбкой.

— Хорошо выглядишь, — добавляет она и сама же при этом хмурится.

— Вы оба чудесно смотрите, — расцветает улыбкой Грейс.

Итан наполняет бокалы.

— За счастливую пару, — предлагает Каррик, и все за столом поддерживают тост.

— Давайте поздравим Итана с тем, что записался наконец-то на программу в Сиэтле, — с гордостью вставляет Миа и нежно улыбается Итану, который отвечает ей тем же. Интересно, есть ли в их отношениях какой-то прогресс? Пока сказать трудно.

Я прислушиваюсь к разговорам за столом. Кристиан пересказывает всю программу нашего путешествия, время от времени останавливаясь чуть подробнее на том или ином пункте. Держится свободно и раскованно, ни малейших признаков беспокойства из-за поджога или поджигателя. А вот мне, напротив, никак не удается избавиться от нехорошего предчувствия. И аппетита нет. Кристиан сказал вчера, что я потолстела. Он же просто пошутил! Подсознание снова обжигает меня недовольным взглядом. Итан роняет бокал на каменный пол, и все вздрагивают от звука разлетевшегося вдребезги стекла. Размеренное течение ланча прерывается короткой вспышкой активности — все собирают осколки.

— Если не выведешь себя из этого настроения, отведу в лодочный сарай и отшлепаю по первое число, — шепчет мне на ухо Кристиан. Я вздрагиваю от неожиданности, поворачиваюсь и в изумлении смотрю на него.

Это что, шутка?

— Не посмеешь, — вполголоса отвечаю я, чувствуя, как где-то в глубине рождается знакомое, такое долгожданное волнение. Кристиан вопросительно выгибает бровь. Конечно, посмеет. Бросаю взгляд через стол — на Кейт. Она с интересом наблюдает за нами.

Поворачиваюсь к Кристиану и пристально на него смотрю.

— Сначала поймай — я в босоножках, — цежу я сквозь зубы.

— С удовольствием постараюсь, — шепчет он, недвусмысленно усмехаясь. Шутит?

Я краснею от смущения, но чувствую себя уже лучше.

Мы едва успеваем закончить десерт — земляника со сливками, — как разверзаются хляби небесные, и все бросаются убирать со стола и переносить в кухню тарелки и стаканы.

— Хорошо еще, что хорошая погода продержалась почти до конца ланча, — замечает Грейс по пути в комнату. Кристиан садится за сверкающий черный рояль, прижимает ногой педаль и начинает играть знакомую мелодию, название которой выпало у меня из памяти.

Грейс интересуется моими впечатлениями от Сен-Поль-де-Ванс. Они с Карриком ездили туда много лет назад во время их собственного медового месяца, и мне вдруг приходит в голову, что это добрый знак, если учесть, как счастлива эта пара. Кейт и Элиот устраиваются вдвоем на большом мягком диване, а Итан, Миа и Каррик заводят разговор о психологии.

Внезапно все как один Грейс умолкают, оборачиваются и смотрят на Кристиана.

Что?

Кристиан тихонько напевает что-то, подыгрывая себе на рояле. В комнате воцаряется тишина, в которой звучит лишь его мягкий, лиричный голос. Я и раньше слышала, как он поет, а они? Кристиан останавливается, заметив вдруг, что играет в полном безмолвии. Кейт оглядывается и вопросительно смотрит на меня. Я пожимаю плечами, а Кристиан, поняв, что невольно оказался в центре внимания, смущенно хмурится.

— Продолжай, — просит Грейс. — Никогда не слышала, как ты поешь.

Она смотрит на него удивленно, словно видит в первый раз. Кристиан сидит неподвижно, потом пожимает плечами, бросает нервный взгляд на меня и поворачивается к окну. Все вдруг начинают разговаривать, делая вид, что не обращают на него внимания, и только я одна смотрю на моего дорогого мужа.

— О, дорогая! — Грейс, подойдя, берет меня за руки, а потом вдруг заключает в объятия. — Спасибо тебе, спасибо! — шепчет она так тихо, что никто больше ее не слышит.

К горлу подступает комок.

— Э... — Я тоже обнимаю ее, хотя и плохо представляю, за что меня благодарят. Грейс улыбается, глаза ее сияют. Она целует меня в щеку. Ну и ну! Что же я такого сделала?

— Приготовлю чаю, — говорит Грейс хриплым от непролитых слез голосом.

Я иду к Кристиану. Он закончил играть и стоит у застекленной двери на террасу.

— Привет.

— Привет. — Кристиан кладет руку мне на талию, привлекает к себе, и я просовываю ладонь в задний карман его джинсов. За окном шумит дождь. — Ты как? Уже лучше?

Я киваю.

— Да. Ты определенно знаешь, как заставить всех замолчать.

— Только этим и занимаюсь, — говорит он с усмешкой.

— На работе — да, но не здесь.

— Верно, не здесь.

— Неужели никто никогда не слышал, как ты поешь?

— Похоже, что нет, — сухо отвечает он. — Пойдем?

Я смотрю на Кристиана — глаза у него теплые, мягкие — и решаю сменить тему.

— Собираешься меня отшлепать? — В животе у меня как будто просыпаются тысячи

бабочек. Может быть, это как раз то, что нужно... то, чего мне не доставало.

Он смотрит на меня сверху вниз, и зрачки его темнеют.

— Делать больно не хочу, но поиграю с удовольствием.

— А... — Я нервно оглядываюсь, но нас никто не слышит.

— Только если будете плохо себя вести, миссис Грей, — шепчет он мне на ухо.

Несколько слов — и меня только что не колотит от желания. И как только у него это получается?

— Посмотрим, что можно сделать, — уклончиво говорю я.

Мы прощаемся со всеми и идем к машине.

— Держи. Только не разбей. — Кристиан бросает мне ключи от «Ауди» и абсолютно серьезно добавляет: — А то я буду чертовски недоволен.

У меня пересыхает во рту. Он разрешает мне вести свою машину? Моя внутренняя богиня натягивает кожаные шоферские перчатки и туфли без каблуков и вопит от восторга.

— Уверен? — Я едва шевелю губами.

— Да. И поторопись, пока я не передумал.

Наверное, я никогда еще не улыбалась так широко. Кристиан закатывает глаза и открывает передо мной дверцу. Я поворачиваю ключ и завожу мотор еще до того, как он успевает обойти машину спереди.

— Не терпится, миссис Грей? — с усмешкой спрашивает Кристиан.

— Ужасно.

Я тихонько сдаю назад и разворачиваюсь на подъездной дорожке с удивительной для меня самой ловкостью. Мотор работает ровно, чутко откликается на малейшее прикосновение. Осторожно маневрируя на дорожке, смотрю в зеркало заднего вида: Сойер и Райан, наши сегодняшние секьюрити, как раз забираются во внедорожник. Я и не знала, что они сопровождали нас сюда. Прежде чем выехать на шоссе, сбрасываю газ.

— Уверен?

— Да, — коротко отвечает Кристиан, и я понимаю, что он ни в чем не уверен.

Бедненький! Мне хочется смеяться и над ним, и над собой, я нервничаю, и волнуюсь, и думаю, как было бы здорово оторваться от Сойера и Райана. Смотрю влево, вправо и, убедившись, что нам ничто не угрожает, вывожу «Ауди» на шоссе.

Кристиан напрягается, но ничего не говорит. Удержаться невозможно. Дорога чиста. Я прижимаю педаль газа, и машина прыгает вперед.

— Эй, потише! — кричит Кристиан. — Ты нас убьешь!

Я тут же убираю газ. Какой послушный автомобиль, как легко им управлять!

— Извини, — бормочу я тоном кающейся грешницы, но результат получается совершенно неубедительный. Кристиан усмехается, скрывая облегчение.

— Что ж, это уже можно зачесть как плохое поведение, — небрежно замечает он, и я послушно сбавляю.

Смотрю в зеркало — «Ауди» не видно, позади нас только какой-то одинокий темный автомобиль с тонированными стеклами. Представляю, каково сейчас Сойеру и Райану, как они отчаянно пытаются сократить дистанцию. Не знаю почему, меня это только раззадоривает. Но думать надо и о муже, а потому я решаю вести себя прилично и уже без фокусов, обретая постепенно уверенность, еду к мосту 520.

Кристиан вдруг ругается и достает из кармана джинсов «блэкберри».

— Что? — сердито бросает он в трубку. — Нет. — Оглядывается. — Да. Она.

Что там еще? В зеркале вроде бы ничего странного — позади лишь несколько машин. Внедорожник отделен от нас четырьмя автомобилями, и вся эта группа движется на одной скорости.

— Понимаю. — Кристиан вздыхает и трет ладонью лоб. Я ощущаю исходящее от него напряжение. Что-то не так. — Да... Не знаю. — Он смотрит на меня и опускает телефон. — Все хорошо. Едем дальше. — Голос его спокоен, на губах улыбка, но глаза серьезные. Плохо дело! В крови уже бурлит адреналин. Кристиан снова поднимает телефон.

— Да-да, на 520. Как только доедем... Да... Да...

Он кладет аппарат на подставку и переключает в режим громкой связи.

— В чем дело?

— Не отвлекайся, детка, — говорит Кристиан.

Впереди — съезд с моста 520 в направлении Сиэтла. Бросаю взгляд на Кристиана — он смотрит прямо перед собой.

— Ты только не паникуй, но, когда мы окажемся на мосту, добавь газу. Нас ведут.

Нас ведут! Ни фиги себе! Сердце подскакивает, колотится о ребра, по коже пробегают мурашки, и горло сжимается от паники. Но кто? Кто за нами следит? Я снова бросаю взгляд в зеркало заднего вида и убеждаюсь, что темная машина по-прежнему держится за нами. Черт! Так это они? Пытаюсь рассмотреть, кто сидит за рулем, но ничего не вижу.

— Смотри на дорогу, детка, — спокойно, даже мягко говорит Кристиан. Обычно, когда я за рулем, он пользуется другим, куда более жестким тоном.

Соберись, одергиваю я себя, чтобы не поддаться страху. А если наши преследователи вооружены? Вооружены, и их цель — Кристиан. Мне становится не по себе, к горлу подкатывает тошнота.

— Почему ты решил, что за нами следят? — срывающимся шепотом спрашиваю я.

— У «Доджа», что сзади, поддельные регистрационные номера.

Откуда он знает?

Мы приближаемся к мосту по въезду. День близится к вечеру, и хотя дождь перестал, дорога мокрая. Хорошо еще, что машин немного.

В голове эхом звучит голос Рэя, одна из его многочисленных лекций по самообороне. «Ты, Ана, погибнешь или серьезно пострадаешь от паники». Делаю глубокий вдох, пытаюсь взять под контроль дыхание. Тому, кто нас преследует — кем бы он ни был, — нужен Кристиан. Я делаю еще один вдох — в голове начинает проясняться, перестает сжиматься живот. Мне нужно спасти Кристиана. Я сама хотела прокатиться на этой машине, прокатиться с ветерком. Ну что ж, вот он, мой шанс. Вцепляюсь в руль и бросаю последний взгляд в зеркальце заднего вида. «Додж» приближается. Я сбрасываю газ, оставляя без внимания беспокойный жест Кристиана, и рассчитываю подъезд к мосту 520 таким образом, чтобы «Доджу» пришлось остановиться и ждать просвета в плотном потоке движения. И тогда я даю полный газ — и «Ауди» прыгает с места, вдавливая нас обоих в спинки сидений. Стрелка спидометра подлетает к семидесяти пяти милям в час.

— Не гони, детка, — спокойно говорит Кристиан, хотя спокойным я назвала бы его в последнюю очередь.

Мы мчимся между двумя рядами, прыгая то влево, то вправо, как черная дамка по пашечной доске, ускользая от грузовиков и легковушек. Мост так близко подходит к озеру, что мы как будто несемся по воде. Другим водителям мои маневры не по вкусу, но я

стараюсь не замечать неодобренных и откровенно сердитых взглядов. Кристиан сидит неподвижно, держа сцепленные руки на коленях, и я еще успеваю подумать, что он, наверное, делает так, чтобы меня не отвлекать.

— Молодец, хорошая девочка, — говорит он и оглядывается. — Не вижу «Доджа».

— Мы за несубом, мистер Грей, — доносится из «блэкберри» голос Соьера. — Он пытается догнать вас, сэр. Постараемся вклиниться между вами и «Доджем».

Несуб? Это еще что такое?

— Хорошо. Миссис Грей пока справляется. На этой скорости и при условии, что машин не прибавится, мы минуем мост через пару минут.

— Понял, сэр.

Мы проносимся мимо диспетчерской вышки, стоящей на середине пути через озеро Вашингтон. Спидометр показывает, что я держусь на одной и той же скорости — семьдесят пять миль в час.

— У тебя действительно хорошо получается, — говорит, оглядываясь, Кристиан, и его тон почему-то напоминает мне нашу первую встречу в игровой комнате. Я тут же отсекаю воспоминание, чтобы не отвлекаться.

— Куда едем? — почти спокойно спрашиваю я. Управлять машиной — одно удовольствие; даже не верится, что мы едем на приличной скорости.

— Миссис Грей, держите курс на I-5, а потом на юг. Мы хотим проверить, последует ли за вами «Додж», — отвечает по громкой связи Соьер. Впереди — слава богу — загорается зеленый, и я прибавляю.

Бросаю беспокойный взгляд на Кристиана — он подбадривает улыбкой и тут же меняется в лице.

— Черт!

У съезда с моста машины сбавляют, и мне тоже приходится сбросить газ. Смотрю в зеркало и вижу «Додж» (по крайней мере, мне так кажется).

— Сколько, десять или больше?

— Да, вижу, — говорит Кристиан. — Интересно, кто же это?

— Мне тоже. А кто за рулем? Узнать можно? — обращаюсь я к лежащему на подставке «блэкберри».

— Нет, миссис Грей. Тонировка слишком темная, не разглядеть. Может быть как мужчина, так и женщина.

— Женщина? — повторяет Кристиан.

Я пожимаю плечами и предлагаю свой вариант:

— Твоя миссис Робинсон?

Кристиан напрягается и берет с держателя телефон.

— Она не моя миссис Робинсон, — ворчит он. — Я и не разговаривал с ней с самого дня рождения. Да Елена и не стала бы так делать — это не ее стиль.

— Лейла?

— Она в Коннектикуте, с родителями. Я же тебе говорил.

— Уверен?

Кристиан отвечает не сразу.

— Нет. Но если бы она сбежала, родители точно предупредили бы Флинна. Давай обсудим это, когда вернемся домой. А пока тебе лучше не отвлекаться.

— Но ведь это может быть и просто какая-то случайная машина.

— Я не собираюсь рисковать. Тем более в ситуации с твоим участием, — обрывает меня Кристиан и возвращает «блэкберри» на подставку, так что мы снова можем держать связь с Сойером и Райаном.

Ну и ладно. Спорить с ним сейчас смысла нет... может быть, потом. Я придерживаю язык. К счастью, поток машин снова редет. Мне даже удается протиснуться вперед и, достигнув разъезда Маунтлейк, рвануть в сторону I-5.

— А если копы остановят? — спрашиваю я.

— Это было бы неплохо.

— Только не для меня.

— За права не беспокойся, — уверяет он, и мне слышатся в его ответе нотки веселья.

Давлю на газ и снова подбираюсь к семидесяти пяти. Да, эта пташка умеет летать. Она такая легкая в управлении, такая послушная! Выдаю восемьдесят пять. Никогда и не думала, что буду ездить так быстро. Мой «жук» в лучшем случае вытягивал на полсотни в час.

— Набирает скорость, — спокойно и равнодушно докладывает Сойер. — Идет под девяносто.

Черт! Ну же, быстрее! Жму еще сильнее. Мотор урчит, но вытягивает на девяносто пять. Мы летим к пересечению I-5.

— Так и держи, — говорит Кристиан.

Я немного сбрасываю газ, проезжая перекресток. Движение здесь довольно спокойное, и мне в долю секунды удается выскочить на скоростную полосу. Снова газую — и вот мы уже летим по левой полосе, а прочие смертные подают вправо, пропуская нас вперед. Не будь я так напугана, наверно, получала бы удовольствие.

— Он вышел на сотню, сэр, — докладывает Сойер.

— Оставайся с ним, Люк, — бросает Кристиан.

Люк?

На нашу полосу выскакивает грузовик. Черт! Я успеваю ударить по тормозу.

— Чертов идиот! — клянет лихача Кристиан. Нас бросает вперед. Как хорошо, что есть ремни безопасности.

— Обходи его, детка, — цедит сквозь стиснутые зубы Кристиан.

Я проверяю, что там, сзади, и режу по диагонали через три линии. Мы снова вырываемся на скоростную полосу.

— Хороший маневр, миссис Грей, — одобрительно ворчит Кристиан. — И где, интересно, копы? Как надо, так их и нет.

— Мне штрафной талон ни к чему, — говорю я, не глядя на Кристиана. — Тебя разве никогда не штрафовали за превышение скорости?

— Нет. — Я кошу правым глазом и вижу, что он улыбается.

— И не останавливали?

— Останавливали.

— Понятно.

— О...

— Обаяние, миссис Грей. Все дело в обаянии. А теперь сосредоточьтесь. Сойер, где «Додж»?

— Идет на ста десяти, сэр, — сообщает Сойер. Ничего себе! У меня даже сердце подскакивает. Смогу ли я ехать быстрее? Снова придавливаю педаль газа и уношусь вперед.

— Поморгай, — говорит Кристиан, имея в виду маячащий впереди «Форд Мустанг».

— Я только душой себя выставлю.

— Ну так выстави, — резко бросает он.

Ладно, раз тебе так надо.

— Э, а где фары?

— Индикатор. Потяни на себя.

Тяну на себя — и «Мустанг» уходит вправо. Водитель показывает мне палец, но я проношусь мимо.

— Придурок, — бормочет Кристиан и тут же поворачивается ко мне: — Сверни на Стюарт.

— Есть, сэр.

— Мы на Стюарт-стрит, — говорит Кристиан Сойеру.

Сбрасываю газ, смотрю в зеркало, показываю поворот, на удивление легко пересекаю четыре полосы и скатываюсь с магистрали. Едем по Стюарт-стрит на юг. Улица пустынная, машин почти нет. И где же все?

— Нам сегодня везет, никто не мешает. Но и «Доджу» тоже. Давай, Ана, гони. Вези нас домой.

— Не помню дорогу, — бормочу я. «Додж» по-прежнему висит на хвосте, и меня это нервирует.

— Держи на юг, пока я не скажу.

Кристиан тоже волнуется. Мы пролетаем три квартала, но на Йель-авеню светофор встречает нас желтым.

— Жми, Ана, — кричит Кристиан. Я жму на педаль газа, нас бросает назад, и «Ауди» рвется вперед, на красный свет.

— Повернул на Стюарт-стрит, — докладывает Сойер.

— Оставайся с ним, Люк.

— Люк?

— Его так зовут.

Невольно бросаю взгляд вправо — Кристиан смотрит на меня, как на сумасшедшую.

— Следи за дорогой! — рывкает он.

Я не обращаю внимания на тон.

— Люк Сойер.

— Да!

Какие мы раздражительные. Но и я хороша: человек работал со мной последние шесть недель, а я даже имени его не знаю.

— Это я, мэм. — Я вздрагиваю, хотя голос из трубки спокойный и, как всегда у Сойера, монотонный. — Несуб идет по Стюарт-стрит, сэр. Набирает скорость.

— Давай, Ана, не спи. Поменьше болтай, — ворчит Кристиан.

— Стоим на первом перекрестке, — докладывает Сойер.

— Быстрее, сюда, — кричит Кристиан, указывая на парковочную стоянку на южной стороне Борен-авеню.

Я резко выворачиваю руль, и покрышки протестующее взвизгивают.

Площадка забита до отказа.

— Вокруг, быстро, — командует Кристиан. Маневр ясен: скрыться, чтобы нас не заметили с улицы. — Туда! — Он показывает свободное место. Хочет, чтобы я припарковалась? Что за дурь!

— Делай, что говорят. — Я и делаю. Получается идеально. Впервые в жизни удалась образцовая парковка.

— Мы спрятались. Парковка между Стюарт и Борен, — говорит Кристиан, наклонившись к «блэкберри».

— О'кей, сэр. — Сойер, похоже, не в лучшем расположении духа. — Оставайтесь на месте, а мы последим за «Доджем».

Кристиан поворачивается ко мне, всматривается...

— Ты в порядке?

— Конечно, — шепчу я едва слышно.

Он усмехается.

— Знаешь, те, в «Додже», нас не слышат.

И я смеюсь.

— Проезжаем Стюарт и Борен, сэр. Вижу парковку. «Додж» проскочил мимо.

Мы оба облегченно вздыхаем.

— А вы молодец, миссис Грей. Хорошо водите. — Кристиан проводит по моей щеке костяшками пальцев. Я вздрагиваю от прикосновения и перевожу дух.

— Надо ли понимать так, что ты больше не будешь жаловаться на мое плохое вождение? — спрашиваю я.

Он смеется, громко и от души.

— Так далеко я заходить, пожалуй, не стану.

— Спасибо, что разрешил прокатиться. Да еще при таких волнующих обстоятельствах. — Я старательно и безуспешно пытаюсь взять легкий тон.

— Может быть, сейчас за руль лучше сесть мне.

— По правде говоря, я, наверно, даже выбраться отсюда не смогу. Ноги как ватные. — Меня вдруг начинает трясти.

— Это адреналин, детка. Ты, как всегда, была великолепна. У меня нет слов. Ты ни разу меня не подвела. — Кристиан снова гладит меня по лицу, в его глазах любовь, страх, сожаление, столько эмоций сразу — и меня прорывает. Скопившиеся чувства вырываются из груди сдавленным всхлипом, и я рыдаю.

— Не надо, детка, не надо. Пожалуйста, не плачь.

Пространство ограничено, но он все же дотягивается до меня, обнимает, привлекает к себе, убирает с лица волосы, целует глаза, щеки... Я обхватываю его руками, прижимаюсь к его плечу и тихонько всхлипываю. Он тычется носом в мои волосы, поглаживает по спине, и мы сидим так какое-то время, молча, не говоря ни слова, просто держимся друг за друга.

Действительность напоминает о себе голосом Сойера.

— Несуб возле «Эскалы». Объезжает заведение.

— Продолжайте наблюдение, — бросает Кристиан.

Я вытираю ладонью нос, перевожу дух.

— Воспользуйся моей рубашкой. — Он целует меня в висок.

— Извини, — смущенно говорю я.

— За что? Тебе не за что извиняться.

Я снова вытираю нос. Кристиан берет меня за подбородок и нежно целует в губы.

— Моя прекрасная, моя отважная девочка, у тебя такие мягкие губы, когда ты плачешь, — шепчет он.

— Поцелуй еще.

Кристиан замирает.

— Поцелуй меня, — выдыхаю я. Он наклоняется, берет стоящий на подставке «блэкберри» и бросает на водительское сиденье между моими ногами. И вот уже его губы впиваются в мои губы, а его язык врывается в мой рот, против чего у меня нет никаких возражений. Адреналин распаляет страсть, иглами разлетающуюся по телу. Я сжимаю его лицо между ладоней, я упиваюсь им, и он глухо рычит, воспламеняясь от моего огня, и там, внизу живота, свиваются упругие кольца желания. Он шарит жадной рукой по моей груди, талии, спине, спускается ниже. Я приподнимаюсь...

— Уф... — выдыхает Кристиан и отодвигается.

— Что? — шепчу я.

— Ана, мы на парковочной стоянке, в Сиэтле.

— И что?

— Ну, я хочу трахнуть тебя, а ты тут... ерзаешь. Неудобно.

Его слова только раздувают костер моего желания, и оно вырывается из-под контроля, стягивая мышцы внизу живота.

— Хочешь — трахни. — Я целую его в уголок рта. Эта гонка на машине... волнение... страх... напряжение... они подстегнули мое либидо. Кристиан отстраняется, смотрит на меня пристально из-под тяжело нависших век.

— Здесь? — хрипло спрашивает он. Во рту делается сухо. У него это получается, завести меня одним словом.

— Да. Я хочу. Сейчас.

Он смотрит на меня еще несколько секунд, чуть склонив голову набок.

— Какая вы бесстыдная, миссис Грей, — шепчет он после долгой, в целую вечность, паузы. Собирает мои волосы на затылке, оттягивает голову назад, и вот уже его губы захватывают мои, требовательно, жадно. Рука скользит по моей спине, ныряет под бедро...

— Какая радость, что на тебе юбка. — Он сует руку под мою клетчатую, белую с голубым юбку, гладит по бедру, и я зарываюсь пальцами в его волосы, верчусь у него на коленях.

— Не ерзай, — рычит он и сжимает в пригоршню все, что оказалось под рукой. Я мгновенно замираю. Его палец порхает по клитору, и у меня захватывает дух — где-то в глубине меня словно пробивает электрический разряд.

— Не елозь, — шепчет Кристиан и снова целует меня, кружа большим пальцем по тонким кружевам моих дизайнерских трусиков. Два пальца медленно пробираются под шелк и погружаются в меня. Я со стоном подаюсь им навстречу.

— Пожалуйста...

— О! Вы уже готовы, миссис Грей. — Он окунает пальцы глубже, вынимает, снова окунает. Какая томительная пытка. — Тебя так заводят погони?

— Ты меня заводишь.

Кристиан хищно, по-волчьи, ухмыляется и резко выводит пальцы, оставляя меня ни с чем. И тут же, без всякого предупреждения, подхватывает меня под колени, приподнимает и разворачивает лицом к ветровому стеклу.

— Разведи ноги, — командует он.

Я послушно исполняю приказ. Теперь мои ноги свешиваются до пола по обе стороны от него. Он гладит меня по ногам, снизу вверх, задирает юбку.

— Положи руки мне на колени. Наклонись вперед. И подними свою восхитительную

задницу. Смотри головой не стукнись.

Черт! Мы все-таки сделаем это, прямо здесь, на общественной парковке. Я быстро оглядываюсь по сторонам и никого не вижу, но огонек возбуждения уже бежит в крови. Я на автостоянке! Круто! Кристиан возится у меня за спиной, и я слышу, как вжикает «молния». Он обнимает меня за талию одной рукой, стягивает трусики другой и одним быстрым движением нанизывает меня на себя.

— А-а!

Я вжимаюсь в него и слышу, как он шипит мне в шею. Его рука ползет вверх и хватается меня снизу за подбородок. Он тянет мою голову назад и в сторону, подается вперед и целует в горло. Другая рука ложится на бедро. Мы начинаем наш танец.

Я подбираю ноги, и он набирает темп. Ощущения... Я громко стону. Как глубоко у него получается. Хватаюсь левой рукой за рычаг ручного тормоза, опираюсь правым локтем на дверцу. Он терзает зубами мочку моего уха, тянет... мне почти больно. Он таранит меня снова, и снова, и снова. Я качаюсь вверх-вниз, и мы находим наконец общий ритм. Кристиан просовывает руку под юбку и начинает нежно мять клитор через тонкую ткань трусиков.

— А-а!

— Быстрее, — выдыхает Кристиан мне в ухо сквозь стиснутые зубы. — Все надо сделать быстро, Ана. — Он добавляет жару.

— А-а! — Я уже ощущаю знакомый гул приближающейся волны наслаждения, растущей, сгущающейся в глубине меня.

— Ну же, детка, — хрипит мне в ухо. — Я хочу тебя слышать.

Я снова стону, я теряюсь, тону в ощущениях, и глаза мои закрыты. Его голос — у меня в ухе, его дыхание — у меня на шее, и наслаждение изливается, пульсируя, из того места, где его пальцы...

Меня захватывает водоворот, и мое тело требует разрядки.

— Да, — шипит Кристиан, и я на миг открываю глаза и вижу перед собой брезентовую крышу «R8». Я снова жмурюсь и тут же кончаю.

— Ох, Ана, — удивленно шепчет он и, обняв меня, посылает последний удар и замирает на пике внутри. Трется носом о мою шею, целует в горло, в щеку, в висок.

— Ну как, миссис Грей, сбросили напряжение? — Кристиан снова тискает зубами мочку моего уха. Я полностью опустошена, и сил хватается только на что-то напоминающее мяуканье. Чувствую, как он улыбается.

— Мне так точно помогло. — Он снимает меня с себя. — Ты что, голос потеряла?

— Да.

— А теперь скажи, кто у нас распутник. Не думал, что ты такая эксгибиционистка.

Я тут же выпрямляюсь и беспокойно озираюсь по сторонам. Он напрягается.

— За нами ведь никто не наблюдает? — с тревогой спрашиваю я.

— По-твоему, я позволил бы, чтобы кто-то смотрел, как моя жена кончает? — Кристиан поглаживает меня по спине, но от его голоса по ней снова бегут мурашки. Я оглядываюсь и лукаво улыбаюсь.

— Секс в машине!

Кристиан усмехается и убирает у меня с лица прядку волос.

— Давай поменяемся. Я поведу.

Он открывает дверцу, чтобы я выбралась на площадку, и быстро застегивает «молнию». Потом выходит сам, открывает другую дверцу, быстро возвращается за руль, подбирает

«блэкберри» и набирает номер.

— Где Соьер? И «Додж»? Как получилось, что Соьер не с тобой?

Он внимательно слушает ответ, наверное, Райана.

— Она? — Пауза. — Оставайся с ней. — Кристиан дает отбой и смотрит на меня.

Она? Райан говорил о водителе «Доджа»? Но кто? Елена? Лейла?

— В «Додже» была женщина?

— Похоже, что так, — тихо отвечает Кристиан. Его губы сжимаются в тонкую, сердитую линию. — Едем домой. — Он поворачивает ключ и осторожно сдает назад. «Ауди» плавно выкатывается со стоянки.

— А где... этот... несуб? И вообще, что это все значит? Звучит почти как БДСМ.

Кристиан едва заметно усмехается и сворачивает на Стюарт-стрит.

— Несуб — это неизвестный субъект. Райан — бывший фэбээровец.

— Бывший фэбээровец?

— Не спрашивай. — Кристиан качает головой, похоже, что-то обдумывает.

— И где же сейчас этот несуб?

— На шоссе I-5, движется на юг. — Он бросает на меня короткий взгляд. Глаза холодные, жестокие. Ух ты, такой переход от страсти к спокойствию! Несколько секунд — и передо мной другой человек. Тянусь, поглаживаю по бедру, пробегаю пальцами по внутреннему шву джинсов — надеюсь поднять настроение. Он отпускает руль, кладет свою руку на мою — дальше путь закрыт.

— Нет. Мы и так далеко зашли. Ты же не хочешь, чтобы я попал в аварию в трех кварталах от дома. — Подносит мою руку к губам — смягчить упрек бесстрастным поцелуем. Расчетливый, холодный, властный... Мой Пятидесятигранный. Впервые за долгое время я чувствую себя расшалившейся девчонкой. Убираю руку, отодвигаюсь и секунду-другую сижу тихо.

— Значит, женщина?

— Очевидно, да. — Кристиан вздыхает, поворачивает к подземному гаражу и набирает код на пульте. Двери распахиваются, он въезжает и аккуратно паркуется.

— Мне нравится эта машина, — мурлычу я.

— Мне тоже. И нравится, как ты с ней справились. Даже не сломала.

— Можешь купить мне такую же на день рождения. — Я мило улыбаюсь и выхожу из машины — Кристиан сидит с открытым ртом. — Белую, — добавляю я.

Он ухмыляется и качает головой:

— Анастейша Грей, вы не перестаете изумлять меня.

Я захлопываю дверцу и жду Кристиана. Он выходит, смотрит на меня, и этот взгляд как будто обращается к чему-то, что живет глубоко во мне. Теперь я уже хорошо знаю этот взгляд. Кристиан подходит ближе, наклоняется и шепчет:

— Тебе нравится машина. Мне нравится машина. Я трахал тебя в ней... может быть, стоит трахнуть на ней.

Ответить я не успеваю — в гараж въезжает сверкающий серебристый «Мерседес». Кристиан смотрит на него сначала с беспокойством, потом с раздражением.

— Похоже, мы уже не одни. Идем. — Он берет меня за руку, ведет к гаражному лифту, нажимает кнопку вызова, и, пока мы ждем, к нам присоединяется водитель «Мерседеса». Молодой, одет с элегантно небрежностью, волосы длинные, темные. Обычно так выглядят телевизионщики или газетчики.

— Привет. — Он добродушно улыбается нам.

Кристиан обнимает меня за талию и вежливо кивает.

— Я здесь недавно. Мне шестнадцатый.

— Привет, — улыбаюсь я в ответ. У него добрые карие глаза. Приходит лифт. Мы входим.

Кристиан смотрит на меня с непроницаемым выражением.

— Вы — Кристиан Грей, — говорит молодой человек.

Кристиан натянуто улыбается.

— Пол Харрисон. — Он протягивает руку. Кристиан неохотно ее пожимает. — Вам на какой этаж?

— Мне нужно ввести код.

— А-а...

— Пентхаус.

— О... — Пол снова улыбается. — Конечно. — Он нажимает кнопку восьмого этажа, и двери закрываются. — Миссис Грей, полагаю.

— Да. — Я вежливо улыбаюсь, мы обмениваемся рукопожатиями. Пол задерживает на мне взгляд и чуточку краснеет. Вот еще. Я тоже краснею и чувствую, как напрягается лежащая у меня на талии рука. — Когда вы въехали?

— В прошлый уикенд. Мне здесь нравится.

Неловкая пауза... звонок... кабина останавливается на этаже Пола.

— Рад познакомиться с вами обоими, — говорит он с облегчением и выходит. Двери бесшумно закрываются. Кристиан вводит код, и лифт снова идет вверх.

— Мне он показался милым. А других соседей я еще не встречала.

Кристиан хмурится.

— Предпочитаю, чтобы так и было.

— Это потому, что ты затворник. А мне он понравился.

— Затворник?

— Затворник. Прячущийся в башне из слоновой кости, — сухо констатирую я.

— Башня из слоновой кости. — Он усмехается. — Я так полагаю, теперь вы можете добавить еще одно имя в список своих поклонников, миссис Грей.

Я закатываю глаза.

— Ты каждого записываешь в мои поклонники.

— Ты сейчас закатила глаза?

Пульс учащается.

— Да, закатила. — Дышать становится труднее.

Он смотрит на меня, чуть наклонив голову, со своим фирменным, самодовольно-насмешливым выражением.

— И что мы будем с этим делать?

— Что-нибудь грубое.

Моргает. Не ожидал.

— Пожалуйста.

— Хочешь еще?

Я медленно киваю. Дверь открывается — мы дома.

— Насколько грубо? — Глаза его темнеют.

Я молча смотрю на него. Он закрывает на мгновение глаза, потом хватает меня за руку и вытаскивает в фойе.

Мы врываемся через двойные двери в холл и натываемся на Сойера. Он выжидательно смотрит на нас.

— Сойер, доложишь обо всем через час, — говорит Кристиан.

— Да, сэр. — Сойер поворачивается и идет в офис Тейлора.

У нас целый час!

Кристиан смотрит на меня.

— Значит, грубо?

Я киваю.

— Что ж, миссис Грей, вам повезло. Сегодня у меня день исполнения желаний.

— Какие есть идеи? — спрашивает Кристиан и смотрит мне в глаза, откровенно и бесстыдно.

Я пожимаю плечами, но дыхание вдруг стесняется от непонятого волнения. Я не знаю, в чем тут дело — в погоне, адреналине, моем прежнем плохом настроении, — но я хочу этого, хочу отчаянно. На лице мужа медленно проступает озадаченность. — Что-нибудь особенное? — Его слова — как нежная ласка. Я киваю, чувствуя, как вспыхивает лицо. Почему это так меня смущает? Я ведь чего только не делала с этим мужчиной. Он мой муж, в конце-то концов! А может, проблема в том, что я сама хочу этого и стесняюсь признаться? Мое подсознание бросает сердитый взгляд: «Хватит уже выдумывать лишнее».

— Карт-бланш? — Кристиан смотрит на меня задумчиво, словно пытается влезть мне в голову.

Карт-бланш? Ну и дела! А что же за этим может последовать?

— Да, — нервно говорю я, и возбуждение расцветает во мне пышным цветом. Кристиан улыбается своей ленивой сексуальной улыбкой.

— Идем. — Он берет меня за руку и ведет к лестнице. Теперь ясно. Игровая комната! Моя внутренняя богиня стряхивает дрему и торопится следом.

У подножия лестницы Кристиан отпускает мою руку и отпирает дверь. Ключ висит на цепочке, которую я недавно ему подарила.

— После вас, миссис Грей, — говорит он, отступая в сторону.

В игровой — знакомый запах дерева, кожи и полировки. Я краснею при мысли, что миссис Джонс заходила сюда прибраться, пока мы уезжали на медовый месяц. Кристиан сразу включает свет, и темно-красные стены заливают мягкий рассеянный свет. Я останавливаюсь и смотрю на него, и предвкушение разгоняет по венам густую, тяжелую кровь. Что у него в голове? Что он собирается сделать со мной? Кристиан запирает дверь, поворачивается и, задумчиво наклонив голову набок, смотрит на меня.

— Чего ты хочешь, Анастейша?

— Тебя.

Усмехается.

— Я у тебя есть. С того самого дня, как ты заявила в мой офис.

— Ну так удивите меня, мистер Грей.

В кривой усмешке кроется веселье и обещание чего-то непристойного.

— Как пожелаете, миссис Грей.

Сложив руки на груди, он поглаживает длинным указательным пальцем нижнюю губу и окидывает меня оценивающим взглядом. Потом распахивает мою короткую джинсовую курточку и стаскивает с плеч, так что она падает на пол. Дергает за подол моей рубашки.

— Подними руки.

Я поднимаю, и Кристиан стаскивает рубашку через голову. Наклонившись, целует меня в губы. В глазах — любовь и желание. Рубашка тоже летит на пол.

— Вот. — Я снимаю с запястья и протягиваю ему резинку для волос. Он останавливается, но только на мгновение, лицо остается бесстрастным и ничего не выдает. Повязку все-таки берет и тут же командует:

— Повернись.

Я довольно улыбаюсь и поворачиваюсь. Похоже, это препятствие мы все же преодолели. Он быстро и ловко собирает мои волосы и перетягивает их резинкой.

— Хорошая мысль, миссис Грей, — шепчет он мне на ухо и тут же прикусывает мочку. — Не оборачивайся и сними юбку. Брось на пол.

Я поворачиваюсь, и Кристиан делает шаг назад. Глядя на него, расстегиваю пуговицы на поясе, потом — «молнию». Юбка, словно птица, взмахивает крыльями, плавно опускается и расстилается под ногами.

— Отойди.

Я делаю шаг в сторону, и он быстро опускается на колени и берет меня за правую лодыжку. Пока он возится с ремешками, я стою, держась за стену, под рядом крючков, на которых когда-то висели плетки, хлысты, паддлы и прочий инструмент. Теперь здесь остались только цеп и флоггер, все остальное убрали. Я с любопытством рассматриваю их. Интересно, пользуется ли он ими?

Сняв с меня босоножки — я остаюсь в кружевных трусиках и лифчике, — Кристиан смотрит снизу.

— Симпатичный вид, миссис Грей. — Он вдруг поднимается на колени, хватая меня за бедра, притягивает и утыкается носом мне между ног. — И пахнет от тебя тобой, мной и сексом. — Он шумно тянет носом и целует меня через трусики. — Такой пьянящий запах!

Какой же он... проказник.

Кристиан собирает одежду и обувь и без малейших усилий, легко и плавно, как спортсмен, выпрямляется.

— Иди к столу. — Он указывает подбородком. — Лицом к стене. Чтобы не знала, что я планирую. Наша цель, миссис Грей, — угодить клиенту, а вы пожелали сюрприз.

Я отворачиваюсь, но прислушиваюсь, ловлю каждый звук. У него это хорошо получается — создать атмосферу, поднять напряжение, разжечь желание. Я слышу, как он убирает мою обувь, потом кладет что-то в комод, сбрасывает свои туфли... Хм. Любовь босиком. Выдвигается ящик. Игрушки! Что же, черт возьми, он станет делать? Да, мне нравится это ожидание, это предвкушение. Ящик закрывается, и в спину мне как будто впивается миллион иголок. Странно, как один только, самый обыденный звук может производить такой эффект. Ерунда какая-то. Из динамиков доносится слабое шипение. Значит, будет музыкальная прелюдия. Мелодию начинает фортепиано, мягко, негромко. Печальные аккорды заполняют комнату. Что-то незнакомое. Затем присоединяется электрогитара. Что это? Потом вступает мужской голос. Странные слова о том, что не надо бояться смерти. Так что же это?

Кристиан идет через комнату, шлепая по деревянному полу босыми ногами. Он уже близко, когда к мужскому голосу присоединяется женский, жалобный, молящий.

— Так вы говорите, хотите поглубже, миссис Грей?

— М-м-м.

— Не забудь меня остановить, если будет слишком. Понятно?

— Да.

— Мне нужно обещание.

Черт, да что же такое он придумал?

— Обещаю, — говорю я.

— Вот и молодец. Хорошая девочка. — Кристиан целует меня в голое плечо и, подцепив пальцем бретельку, проводит по спине продольную полоску. Я сдерживаю стон. Как простое прикосновение может быть настолько эротичным?

— Сними это.

Я поспешно и с готовностью сбрасываю лифчик.

Он проделывает то же с трусами, и они сползают на пол.

— Выйди. — Я выступаю из трусиков.

Он целует меня пониже талии и выпрямляется.

— Я завяжу тебе глаза, чтобы ощущения были острее.

Он натягивает мне на глаза узкую маску, и мир погружается в темноту. Женщина продолжает петь. Слов не разобрать... что-то донельзя печальное, цепляющее, рвущее душу.

— А теперь наклонись и ляг на стол.

— Да. — Я без колебаний опускаюсь на полированное дерево, прижимаясь разгоряченным лицом к прохладной поверхности и вдыхая слабый запах воска с тонкой цитрусовой ноткой.

— Протяни руки и ухватись за край.

Ладно. Вытягиваюсь, нащупываю пальцами край. Стол довольно широкий, так что приходится тянуться.

— Отпустишь — отшлепаю. Понятно?

— Да.

— Хочешь, чтобы я тебя отшлепал, Анастейша?

Книзу от талии все напряжено. Я хотела этого с самого ланча, когда он пригрозил наказанием, и ни гонка на шоссе, ни перепих на авгостоянке это желание не отбили.

— Да. — Мой голос падает до хриплого шепота.

— Почему?

Ох... неужели еще и объяснять надо? Вот дела. Я пожимаю плечами.

— Скажи.

— Ну...

Этого я никак не ожидала — звонкий шлепок, вылетевший неведомо откуда.

— Ай!

— Тише.

Кристиан нежно растирает то место, по которому шлепнул. Он наклоняется, и его бедро касается моего. Целует меня между лопатками и спускается вдоль позвоночника. Свою рубашку Кристиан тоже снял, так что волоски у него на груди щекочут спину, а член упирается мне в ягодицы через грубую ткань джинсов.

— Раздвинь ноги.

Раздвигаю.

— Шире.

Раздвигаю шире.

— Хорошая девочка. — Он ведет пальцем по спине, ниже, просовывает его в щель между ягодиц, потом еще глубже, в анус, который рефлекторно сжимается от прикосновения.

— Вот с этим мы и поиграем.

Что? Вот так дела!

Палец продолжает путешествие по промежности, понемногу проникая глубже.

— Вижу, ты уже мокренькая. Когда успела, раньше или сейчас?

Я стону, а Кристиан обрабатывает меня сзади пальцем, туда-сюда, туда-сюда. Подаюсь назад, подстраиваюсь, чтобы ему было удобнее.

— По-моему, тебе нравится бывать здесь, а?

Нравится? Да... о-о, да, да.

Он вынимает палец и снова меня шлепает.

— Отвечай. — Голос хриплый, напряженный.

— Да, нравится, — выдавливаю я.

Еще шлепок, посильнее. Я вскрикиваю, а он просовывает уже два пальца и, тут же вынув, обводит мой анус влажным кружком.

— Что ты собираешься делать? — спрашиваю я. Ну и ну, он же трахнет меня в попу?

— Не то, что ты думаешь, — уверяет Кристиан. — Я же говорил, детка, в этом деле спешить не надо. По шажочку, по чуть-чуть.

Я слышу, как льется какая-то жидкость, предположительно из пузырька, а потом он вдруг начинает массировать... там. Он меня смазывает... там! Страх перед неведомым смешивается с возбуждением, и я начинаю ерзать, но тут же получаю шлепок. Пониже. В самом чувствительном месте. Издаю стон. Странно, но ощущение... приятное.

— Стой смирно. Это масло, не пролей. — Наносит еще. Я стараюсь не дергаться, но сердце колотится, пульс зашкаливает, и желание в паре с тревогой шумят в крови.

— Я уже давно хотел это сделать.

Отвечаю стоном. По спине бежит что-то прохладное... как прохладный металл...

— Это тебе маленький презент, — шепчет Кристиан. Что еще за презент? В памяти всплывает... Чтоб его! Анальная пробка. Кристиан вставляет ее между ягодиц.

Уфф!

— Введу очень медленно.

Я вздрагиваю.

— Это больно?

— Нет, детка. Она маленькая. А когда вставлю, оттрахаю тебя по-настоящему жестко.

Меня уже трясет. Кристиан наклоняется и целует меня между лопаток.

— Готова?

Готова? А готова ли я к такому?

— Да, — шепчу чуть слышно, едва ворочая сухим языком. Он сует что-то в меня. Черт, это же большой палец. Другие пальцы ласкают клитор. Я стону... от наслаждения. И пока одни пальцы творят это маленькое чудо, другие вводят в анус холодную пробку.

— А-а! — Ощущение непривычное и необычное, и мышцы протестующе сжимаются, но Кристиан нажимает сильнее, и эта штука проскальзывает в меня. Может быть, потому, что я так завелась, а может, что Кристиан ловко отвлек мое внимание, но мое тело приняло чужака.

Я ощущаю в себе что-то тяжелое и... странное.

Палец вертится во мне, и пробка давит... о-о-о... а-а-а... Очередной поворот исторгает из меня протяжный стон.

— Кристиан, — бормочу я, словно повторяя позабытую мантру и стараясь приспособиться к новым ощущениям.

— Молодец, хорошая девочка, — снова шепчет он, и я слышу знакомый звук — расстегнул ширинку. Кладет руку мне на бедро, еще шире раздвигает ноги и предупреждает: — Не отпускай стол, Ана.

— Не отпущу.

— Тебе ничто не мешает? Если не понравится, скажи. Понятно?

— Да, — шепчу я, и он входит в меня, тянет на себя и проталкивает пробку глубже...

еще глубже...

— Черт!

Кристиан замирает. Я слышу его хриплое, резкое дыхание и пытаюсь принять все ощущения: восхитительной полноты, тревожно-волнующей опасности, чисто эротическое наслаждение. Все они смешиваются, скручиваются в спирали, растекаются во мне. Кристиан осторожно нажимает на пробку. У-у-уф... Я стону и слышу, как он шипит, резко втягивая воздух, словно плотнул чистого, неразбавленного наслаждения. Кровь клокочет. Никогда еще я не чувствовала себя такой распущенной, похотливой...

— Еще? — спрашивает Кристиан.

— Да.

— Не поднимайся. — Он выходит и снова входит. О-о-о... Вот чего я хотела.

— Да...

Он добавляет, поддает, дыхание все тяжелее, под стать моему.

— Ана... — Кристиан убирает руку с бедра и снова поворачивает пробку, медленно тянет ее назад, потом снова толкает вперед. Ощущения неопишуемые, и в какой-то момент я едва не вырубаясь. Кристиан не останавливается ни на секунду, и ритм его сильный и жесткий; внутри у меня все дрожит и сжимается.

— Черт... — Еще немного, и он просто разорвет меня.

— Да, детка, да...

— Пожалуйста, — молю я, но чего прошу, не знаю сама: остановиться или не останавливаться? Внутри все сжалось вокруг него и пробки.

— Вот так, — выдыхает Кристиан и хлопает меня по правой ягодице, и я кончаю — снова и снова, падая, падая, кружась, вертясь... Он мягко вынимает пробку.

— Черт! — кричу я, и Кристиан сжимает мои бедра и взлетает вслед за мной.

Женщина все еще поет. В этой комнате Кристиан всегда закольцовывает записи. Странно. Я свернулась в его объятьях, положив голову ему на грудь. Мы на полу, возле стола.

— С возвращением. — Кристиан снимает повязку. Я моргаю, жмурюсь, привыкаю к приглушенному свету. Он целует меня в губы, всматривается, словно ищет что-то. Я поднимаю руку, глажу его по лицу. Он улыбается.

— Ну что, указания выполнены?

— Указания?

— Ты же хотела чего-то... такого...

Губы сами растягиваются в улыбке.

— Да, выполнены.

Кристиан вскидывает бровь и тоже улыбается.

— Рад слышать, миссис Грей. В данный момент вы выглядите вполне удовлетворенной, и вам это к лицу.

— Именно так я себя и чувствую.

Он наклоняется, нежно целует меня. Губы у него мягкие и теплые.

— Ты не разочаруешься. — Откидывается на спину. — Как самочувствие? — заботливо спрашивает он.

— Хорошее. — Меня бросает в краску. — Оттрахана по полной. — Я смущенно улыбаюсь.

— Миссис Грей, что вы такое говорите. — Кристиан принимает оскорбленный вид, но в

глазах прыгают веселые искорки. — Как можно...

— Каков муж, такова и жена, мистер Грей.

Он глуповато, но счастливо улыбается.

— А я рад, что вы за него вышли.

Выбирает прядку волос, подносит к губам, целует кончики. Глаза его сияют любовью.

Ну разве я могла устоять перед таким мужчиной?

Тянусь за его левой рукой, целую кольцо на безымянном пальце. Простое, без надписей, платиновое. Как и мое.

— Мой...

— Твой... — Он обнимает меня, трется носом о мою макушку. — Приготовить ванну?

— Ну-у-у... Если только составишь компанию.

— О'кей. — Встает. Джинсы все еще на нем. Помогает подняться мне.

— А другие не хочешь надеть?

Он хмурится.

— Другие?

— Те, что обычно надеваешь здесь.

— Те? — Он удивленно моргает.

— Ты в них круто смотришься.

— Правда?

— Да. Я серьезно.

Кристиан смущенно улыбается.

— Ради вас, миссис Грей, может быть, и надену. — Он снова меня целует и, потянувшись, берет со столика небольшую вазу с анальной пробкой, смазкой, повязкой и моими трусиками.

— И кто же моет эти игрушки? — спрашиваю я. Кристиан смотрит на меня так, словно не понимает вопроса.

— Я. Миссис Джонс.

— Что?

Он кивает, по-моему, немного смущенный. Выключает музыку.

— Ну...

— Твои сабы, да? — заканчиваю я за него.

Он неуверенно пожимает плечами.

— Держи. — Протягивает мне свою рубашку.

Я надеваю, запахиваюсь. Ткань хранит его запах, в котором растворяется моя досада из-за пробки. Вещи остаются на комод. Он берет меня за руку, отпирает дверь. Мы выходим из комнаты, спускаемся по лестнице.

Беспокойство, плохое настроение, возбуждение, страх, волнение — все ушло. Я спокойна и расслаблена. Мы входим в ванную. Я зеваю и потягиваюсь. Давно не чувствовала такого согласия с собой.

— Что такое? — спрашивает Кристиан, поворачивая кран.

Я качаю головой.

— Расскажи, — просит он, наливая в воду жасминовое масло. Ванную наполняет сладковатый чувственный аромат.

— Просто чувствую себя лучше.

Он улыбается.

— Да, сегодня, миссис Грей, у вас было довольно странное настроение. — Привлекает меня в объятия. — Знаю, ты беспокоилась из-за всех этих недавних событий. Мне жаль, что ты оказалась в них замешана. Я не знаю, в чем там дело — вендетта, обиды уволенного служащего, происки конкурентов. Если бы с тобой случилось что-то из-за меня... — Он не может закончить и умолкает. Я обнимаю его.

— А если что-то случится с тобой? — В этом вопросе — весь мой страх.

— Разберемся. А теперь вылезай из этой рубашки — и в ванну.

— Ты поговоришь с Сойером?

— Это подождет. — Я вижу, как суровеет его лицо, и проникаюсь сочувствием к Сойеру.

Чем он так расстроил Кристиана?

Он помогает мне снять рубашку, но хмурится, когда я поворачиваюсь к нему. На груди еще видны следы засосов и укусов, но напоминать ему о той ночи на яхте не хочется.

— Интересно, догнал ли Райан «Додж»?

— Вот примем ванну, а потом узнаем. Залезай. — Он подает мне руку. Я забираюсь в ванну и осторожно сажусь в горячую воду.

— У... — Моргаю от боли. Не стоило, наверно, так спешить.

— Полегче, детка, — предупреждает Кристиан, но неприятное ощущение уже проходит.

Кристиан раздевается и тоже залезает в ванну и садится за моей спиной. Я пристраиваюсь у него между ног, откидываюсь ему на грудь, и мы лежим в горячей воде, пресыщенные и довольные. Я поглаживаю его по ноге и собираю в пучок волосы, он осторожно наматывает их на палец.

— Надо посмотреть планы нового дома. Может, сегодня? Попозже?

— Конечно. — Та женщина снова поет — и мое подсознание отрывается от третьего тома полного собрания сочинений Чарльза Диккенса и сердито хмурится. Сегодня мы заодно. Я вздыхаю. К сожалению, планы Джиа Маттео превосходны.

— Мне надо приготовить. Завтра на работу.

Кристиан замирает.

— Знаешь, тебе ведь вовсе не обязательно возвращаться в издательство, — говорит он.

Ну вот, снова то же самое.

— Послушай, мы уже обсуждали это все. Давай не будем начинать заново.

Кристиан тянет за «хвостик», а когда я поднимаю голову, целует в губы.

— Просто предложил...

Я натягиваю спортивные штаны и кофту. Надо забрать одежду из игровой комнаты. Иду через холл.

— Ты где, черт возьми? — доносится вдруг из кабинета Кристиана.

Я замираю. Вот черт. Это он на Сойера кричит. Пригнувшись, бегу к лестнице и быстренько поднимаюсь в игровую комнату. Слушать их разговор нет ни малейшего желания — орущий Кристиан меня пугает. Бедный Сойер. Я-то хотя бы могу повысить голос, а вот он себе такого позволить не может.

Собираю свою одежду, беру обувь Кристиана и замечаю небольшую фарфоровую вазу с анальной пробкой на крышке музейного комода. Наверно, предполагается, что я должна ее помыть. Прихватываю еще и вазу и спускаюсь по лестнице. Осторожно заглядываю в зал — там все тихо. И слава богу.

Тейлор вернется завтра вечером. Когда он под рукой, Кристиан обычно спокойнее.

У Тейлора есть дочь, и эти два дня, сегодня и завтра, он проводит с ней. Познакомлюсь ли я когда-нибудь с ней?

Из хозяйственной комнаты выходит миссис Джонс. Мы едва не сталкиваемся.

— Миссис Грей... а я вас и не видела.

О, теперь я миссис Грей.

— Здравствуйте, миссис Джонс.

— Добро пожаловать домой. Примите мои поздравления. — Она радушно улыбается.

— Пожалуйста, зовите меня Ана.

— Мне будет неудобно, миссис Грей.

Ну вот, стоило только надеть кольцо на палец, и все изменилось — почему так?

— Не желаете ли посмотреть меню на неделю? — Она смотрит на меня вопросительно, ожидая ответа.

Меню?

— Э... — Вопрос из серии неожиданных. Миссис Джонс улыбается. — Когда я только начинала работать на мистера Грея, мы каждое воскресенье просматривали меню на следующую неделю и отмечали, что может понадобится и что еще нужно купить.

— Понятно.

— Позвольте я все это заберу? — Она протягивает руки к моей одежде.

— О... э... Вообще-то я еще не закончила.

А еще у меня тут спрятана ваза с анальной пробкой! Я краснею от смущения, но — вот уж чудо! — нахожу силы смотреть миссис Джонс в лицо. Она, конечно, знает, чем мы там занимаемся, потому что убирает в комнате. Чертовски неудобно сознавать, что прислуга живет вместе с тобой и от нее ничего не скроешь.

— Когда освободитесь, миссис Грей, я буду счастлива обсудить с вами дела.

— Спасибо.

Дальнейший обмен любезностями прерывает Соьер. Бледный как смерть, он выходит из кабинета, торопливо пересекает зал, коротко кивает нам обеим и, не глядя по сторонам, исчезает в комнате Тейлора. Его появление спасает меня от продолжения неудобного разговора с миссис Джонс — обсуждать с ней меню или фаллоимитаторы мне совсем не хочется. Отделавшись улыбочкой, спешу в спальню. Привыкну ли я к тому, что прислуга всегда рядом и готова отозваться на любой зов? Я качаю головой: может быть, когда-нибудь.

В спальне я бросаю туфли Кристиана на пол, свою одежду — на кровать, беру вазу с пробкой и иду в ванную. Придирчиво рассматриваю смущающий меня предмет. Выглядит он вполне безобидным и на удивление чистым. Ладно. Быстренько мою его мыльной водой. Достаточно? Надо будет спросить Мистера Сексэксперта, что с ней делать — стерилизовать или как? От этой мысли становится не по себе.

Хорошо, что Кристиан выделил мне библиотеку. Теперь здесь стоит симпатичный белый стол, за которым можно работать. Я открываю ноутбук и пересматриваю заметки по пяти рукописям, которые читала во время медового месяца. Отлично, все, что нужно, есть. Возвращаться к работе и хочется, и не хочется, но с Кристианом своими опасениями я делиться не стану — он сразу же воспользуется ими как предлогом, чтобы заставить меня уйти. Я хорошо помню реакцию Роуча, как он заискивал, когда узнал, за кого я вышла замуж. Помню и то, как вскоре после этого укрепилось мое положение в редакции. Теперь-то понятно: все дело было в том, что моим мужем стал босс. Думать об этом неприятно. Я

больше не исполняющая обязанности редактора, я — Анастейша Стил, редактор. Я пока еще не набралась смелости сообщить Кристиану о своем решении не менять имя на работе. Причины такого решения достаточно весомы — между нами должна сохраняться некоторая дистанция, — но когда он все же узнает об этом, спора не избежать. Может, обсудить все заранее, например сегодня вечером? Устроившись в кресле, берусь за последнюю из намеченных на день работ. Часы в углу монитора показывают семь вечера.

Кристиан по-прежнему в кабинете, так что время у меня есть. Я вынимаю из «Никона» карту памяти и подключаю ее к ноутбуку — собираюсь перебросить фотографии. Пока снимки загружаются, размышляю обо всем, что случилось за день. Интересно, Райан вернулся или еще только едет в Портленд? Удалось ли ему догнать ту загадочную женщину на «Додже»? Получил ли Кристиан от него какую-то информацию? Мне нужны ответы. И пусть он занят — плевать, я хочу знать, что происходит. И вообще, с какой это стати Кристиан держит меня в неведении! Я поднимаюсь с твердым намерением пойти в кабинет и потребовать объяснений, но тут на экране ноутбука появляются фотографии, сделанные в последние дни медового месяца. Ничего себе!

Я, я и снова я. Вот я сплю — таких фотографий особенно много, — волосы упали на лицо или разметались по подушке, губы приоткрыты. А здесь... фу ты, сосу большой палец. Я же не сосала палец черт знает сколько лет! Как много фотографий... я и не знала, что он столько нащелкал. Несколько общих планов. На одном я стою у поручня яхты и угрюмо смотрю вдаль. Но почему я ничего не замечала? Смотрю и улыбаюсь — вот я под ним, волосы разметались, свернулась и хохочу, отчаянно сопротивляюсь, отбиваюсь от щекочущих пальцев. А здесь мы вместе на кровати — Кристиан сделал снимок, держа камеру в вытянутой руке. Моя голова — у него на груди, а он смотрит в объектив, молодой, красивый... В другой руке Кристиан держит чашку над моей головой, и я улыбаюсь, как влюбленная идиотка, но не могу отвести от него глаз. Он прекрасен, мой любимый мужчина, — взъерошенные, влажные после страстного секса волосы, серые глаза сияют, губы приоткрыты. Мой любимый, который не переносит щекотку, который еще совсем недавно не терпел, когда к нему прикасались. Надо будет спросить, нравятся ли ему мои прикосновения или он просто терпит их ради моего удовольствия. Я смотрю на него, но уже без улыбки — меня переполняют другие чувства. Кто-то там желает ему зла — сначала «Чарли Танго», потом пожар в серверной, теперь вот эта чертова погоня. Я скидываю руку ко рту, останавливаю произвольный всхлип и, забыв про компьютер, бегу к Кристиану — не требовать объяснений, но убедиться, что ему ничто не угрожает.

Не удосужившись постучать, врываюсь в кабинет. Кристиан сидит за столом и разговаривает по телефону. Поворачивается к двери, и недовольное выражение на лице тотчас исчезает.

— Значит, больше увеличить не можешь? — говорит он в трубку, продолжая разговор и глядя на меня. Я обхожу стол. Кристиан поворачивается в кресле. Хмурится, наверное, спрашивает себя, что ей тут надо. Я забираюсь ему на колени — брови удивленно прыгают вверх. Обнимаю за шею, прижимаюсь. Он неуверенно кладет руку мне на талию.

— Э... да, Барни. Подожди секунду. — Кристиан закрывает трубку ладонью.

— Ана, что случилось?

Качаю головой. Кристиан берет меня за подбородок, смотрит в глаза. Я опускаю голову, сворачиваюсь у него на коленях. Он целует меня в макушку.

— Барни? Ты что-то говорил?

Разговаривая, Кристиан держит телефон между плечом и ухом и одновременно стучит пальцем по клавишам. На экране возникает зернистое черно-белое изображение — темноволосый мужчина в светлом комбинезоне. Кристиан трогает еще одну клавишу, и мужчина оживает, движется на камеру. Лица не видно, он идет, опустив голову. Кристиан останавливает картинку — незнакомец стоит в ярко освещенной, выкрашенной белым комнате с черными высокими ящиками вдоль левой стены. Должно быть, это и есть серверная.

— О'кей, Барни, еще разок.

Экран оживает. Голова человека на записи увеличивается в появившейся рамке. Я приподнимаюсь, подаюсь к монитору.

— Это Барни делает? — спрашиваю тихонько.

— Да, — отвечает Кристиан. — Можешь добавить резкости? — обращается он к Барни.

Картинка расплывается, фокус меняется, камера как будто наплывает на человека, который опускает голову. Я смотрю на него, и по спине пробегает холодок. В линии подбородка что-то знакомое. Короткие черные волосы как-то странно растрепаны... Изображение становится резче, и я вижу маленькое колечко в мочке уха.

Ни фиги себе! А ведь я его знаю.

— Кристиан. Это Джек Хайд.

— Думаешь, он? — удивленно спрашивает Кристиан.

— Линия подбородка. — Я указываю на экран. — Серьги. Линия плеч. Фигура. И у него, должно быть, парик... или волосы подстриг и покрасил.

— Слышишь, Барни? — Кристиан кладет телефон на стол и включает громкую связь. — Похоже, миссис Грей, вы очень хорошо изучили своего бывшего босса, — недовольно ворчит он. Я отвечаю сердитым взглядом, но положение спасает Барни.

— Да, сэр. Я слышал миссис Грей. Сейчас провожу весь имеющийся материал через программу распознавания лиц. Посмотрим, где еще этот му... прошу прощения, мэм, — этот человек успел побывать.

Я поднимаю глаза — Кристиан уже не слушает объяснения Барни, все его внимание занимает изображение на экране.

— Но зачем ему это? — спрашиваю я.

Кристиан пожимает плечами.

— Может быть, из мести. Не знаю. Понять, почему люди ведут себя так, а не этак, бывает порой невозможно. Меня только злит, что ты близко работала с этим человеком. — Он еще крепче, словно защищая от какой-то беды, обнимает меня.

— У нас также есть содержимое его жесткого диска, — добавляет Барни.

Что?

— Да, помню. А есть ли у вас адрес мистера Хайда?

— Есть, сэр.

— Сообщите Уэлчу.

— Обязательно, сэр. Я просканирую весь городской видеоархив, может быть, смогу отследить его передвижения.

— Проверьте, какая у него машина.

— Понял, сэр.

— А Барни сможет все это сделать? — шепотом спрашиваю я.

Кристиан кивает и довольно усмехается.

— А что было на жестком диске?

Лицо тут же суровеет, улыбки как не бывало.

— Ничего особенного, — роняет он сквозь зубы.

— Расскажи.

— Нет.

Кристиан снова качает головой и прикладывает к моим губам указательный палец. Я насупливаю брови, но он смотрит на меня с прищуром, ясно давая понять, что сейчас лучше помолчать.

— У него «Камаро» 2006 года, — докладывает взволнованно Барни. — Я отправлю Уэлчу номера.

— Хорошо. Дайте мне знать, где еще успел побывать этот мерзавец. И сопоставьте это изображение с тем, что есть в его личном деле. — Кристиан скептически смотрит на меня. — Мне нужна полная уверенность.

— Уже сделано, сэр. Миссис Грей права. Это Джек Хайд.

Победно улыбаюсь. Ну что, и я пригодились? Кристиан гладит меня по спине.

— Отлично, миссис Грей. Похоже, вы можете не только исполнять декоративную функцию, но и полезны в практическом смысле. — Он смотрит на меня, и в глазах прыгают веселые огоньки. Поддразнивает.

— Декоративную? — в тон ему говорю я.

— Очень. — Кристиан мягко целует меня в губы.

Он усмехается, целует еще раз, уже настойчивее, сжимает в объятьях...

— Проголодалась? — спрашивает Кристиан, слегка запыхавшись.

— Нет.

— А я — да.

— И чего хочешь?

Он растерянно мигает.

— Ну... э... вообще-то я хотел бы поесть, миссис Грей.

— Сейчас что-нибудь приготовлю.

— Мне это уже нравится.

— Нравится, что я предлагаю приготовить? — смеюсь я.

— Нравится, что ты смеешься. — Он целует меня в макушку, и я поднимаюсь.

— Так чего бы вы хотели, сэр? — заботливо спрашиваю я.

Он шурится.

— Хитрите, миссис Грей?

— Как всегда, мистер Грей. Ну, сэр?

На его губах — улыбка сфинкса.

— Знаешь, я еще могу положить тебя на колени... — Какое соблазнительное обещание.

— Знаю. — Я наклоняюсь и целую его. — И мне это нравится. Но сейчас поберегите ладонь — вы ведь голодны.

Он смущенно улыбается, и мое сердце сжимается от нежности.

— Ох, миссис Грей, что же мне с вами делать?

— Для начала ответить на заданный вопрос. Что бы вы хотели съесть?

— Что-нибудь легкое. Подумай. Удиви меня, — говорит он, повторяя мои слова из игровой комнаты.

— Хорошо, подумаю. — Покачивая бедрами, я выхожу из комнаты и иду в кухню. Настроение, однако, падает, когда я вижу там миссис Джонс.

— Здравствуйте, миссис Джонс.

— Миссис Грей. Желаете поесть?

— Э...

Она помешивает что-то в кастрюльке на плите. Аромат восхитительный.

— Вообще-то, я собиралась приготовить по сэндвичу для нас с мистером Греем.

Рука замирает над кастрюлькой, но только на мгновение.

— Конечно. Мистеру Грею нравится французский хлеб. В холодильнике есть как раз то, что надо. Я вам сделаю, мэм. С удовольствием.

— Да, конечно. Но я хотела бы сама.

— Понимаю. Пожалуйста, я подвинусь.

— А что вы такое готовите?

— Соус болоньезе. Есть можно в любое время. Я поставлю его в холодильник. — Она радушно улыбается и выключает плиту.

— А что... какие Кристиан любит сабы?^[8] — Я умолкаю, поймав себя на

двузначности. Поняла ли это миссис Джонс?

— Миссис Грей, в сэндвич, если это французская булка, можно класть что угодно. Не сомневайтесь, он съест.

Мы улыбаемся друг дружке.

— Ладно. Спасибо. — Подхожу к холодильнику. В морозильном отделении обнаруживаю уже порезанную французскую булку в закрытом пакете. Беру две порции, кладу на тарелку, ставлю в микроволновку и включаю режим размораживания.

Миссис Джонс ушла. Я возвращаюсь к холодильнику — поискать ингредиенты для сэндвича. Похоже, нам с миссис Джонс нужно установить какие-то правила для совместной работы. Я могла бы готовить для Кристиана по уикендам, а в остальные дни пусть это делает миссис Джонс — чем уж мне точно не хочется заниматься после работы, так это готовкой. Нда... смахивает на то, что было у Кристиана с его сабами. Качаю головой. Ладно, надо поменьше об этом думать. Нахожу в холодильнике ветчину, а в контейнере — вполне созревшее авокадо. Делаю из авокадо пюре, добавляю щепотку соли, сбрызгиваю лимоном. Из кабинета выходит Кристиан с планами нового дома. Кладет бумаги на бар, подкрадывается ко мне, обнимает сзади и целует в шею.

— Босая и в кухне, — мурлычет он.

— Предпочитаешь босую и беременную в кухне? — усмехаюсь я. Он замирает, напрягается.

— Пока что нет. — В голосе слышны настороженные нотки.

— Конечно, нет. Пока что нет.

Он облегченно выдыхает.

— В этом у нас полное согласие, миссис Грей.

— Но ты ведь хочешь детей, да?

— Конечно, да. Потом. Но пока я еще не готов делить тебя с кем-либо. — Он снова целует меня в шею.

Ого... делить?

— Что ты такое готовишь? Выглядит вкусно. — Он целует меня за ухом — отвлекает. По спине пробегает приятный холодок.

— Сабы, — с лукавой улыбкой говорю я.

Чувствую, он тоже улыбается. Покусывает мочку уха.

— Мои любимые.

Я тычу его локтем в бок.

— Миссис Грей, вы меня стукнули. — Он хватается за бок, притворно морщась от боли.

— Нытик, — неодобрительно ворчу я.

— Нытик? — возмущенно повторяет он и хлопает меня ладонью пониже спины. Я вскрикиваю от неожиданности. — Поживей, красотка, мне хочется есть. А потом узнаешь, какой я нытик. — Он шлепает меня еще раз и отходит к холодильнику.

— Стакан вина?

— С удовольствием.

Кристиан разворачивает на баре подготовленные Джиа планы. Идеи у нее и впрямь есть, это видно с первого взгляда.

— Мне нравится ее предложение сделать всю заднюю нижнюю стену стеклянной, но...

— Но?..

Я вздыхаю.

— У этого дома уже есть свой характер, и мне не хотелось бы так уж сильно его ломать.

— Характер?

— Да. Предложения Джиа весьма радикальны, но... как бы это сказать... я уже люблю дом таким, какой он есть... со всеми его изъяснами и недостатками.

Кристиан грозно сводит брови, словно я только что предала его анафеме.

— Дом нравится мне нынешним, — добавляю я шепотом. Что дальше?

Он смотрит на меня в упор.

— Я хочу, чтобы дом был таким, каким его хочешь видеть ты. Каким бы ты его ни видела. Он твой.

— А я хочу, чтобы он и тебе нравился. Чтобы ты тоже был в нем счастлив.

— Я буду счастлив где угодно, лишь бы там была ты. Все просто, Ана. — Вцепился в меня взглядом и не отпускает. Вот сейчас он искренен. Абсолютно искренен. Мое сердце переполняется теплом и нежностью. Ну и дела, а ведь он и впрямь меня любит.

— Ну... — Я сглатываю — в горле застрял комок эмоций. — Вообще-то мне даже нравится стеклянная стена. Может быть, мы попросим Джиа вписать ее в дом как-то симпатичнее?

Он усмехается.

— Конечно. Как пожелаешь. А что с остальным? С верхом? С подвалом?

— Я согласна.

— Хорошо.

Ладно. Я собираюсь с силами, чтобы задать вопрос на миллион долларов.

— Хочешь сделать игровую комнату? — По шее и лицу разливается знакомая теплая волна. Кристиан вскидывает брови.

— А ты хочешь? — немножко удивленно спрашивает он.

Я пожимаю плечами.

— Ну... если ты хочешь...

Он снова смотрит на меня задумчиво, потом кивает.

— Давай не будем пока принимать какое-то решение. В конце концов, это ведь будет семейный дом.

Не знаю почему, но я испытываю разочарование. Наверно, он прав, хотя... А когда у нас будет семья? Через много-много лет?

— Кроме того, нам ведь никто не запрещает импровизировать.

— Люблю импровизировать.

Он улыбается.

— Хочу еще кое-что обсудить. — Кристиан показывает на главную спальню, и мы начинаем говорить о ваннах и отдельных гардеробных.

Когда мы заканчиваем, на часах уже половина десятого вечера.

Кристиан сворачивает бумаги.

— Собираешься еще поработать? — спрашиваю я.

— Нет, если ты не хочешь. — Он улыбается. — А чем бы тебе хотелось заняться?

— Можно посмотреть телевизор. — Читать желания нет и ложиться тоже не хочется... пока.

— Ладно, — охотно соглашается Кристиан, и я иду за ним в телевизионную.

Мы сидели там раза три или, может, четыре. Кристиан — обычно с книжкой. Телевизор его не интересует совершенно. Я устраиваюсь рядом на диване, поджимаю ноги и кладу голову ему на плечо. Он щелкает пультом и начинает бесцельно переключаться с канала на канал.

— Хочешь посмотреть что-то конкретное? У тебя есть какие-то любимые «сопли»?

— Тебе ведь не нравится телевидение, да? — говорю я. Он качает головой.

— Пустая трата времени. Но посмотрю что-нибудь с тобой за компанию.

— Я думала, мы могли бы заняться сексом.

Кристиан поворачивается ко мне.

— Заняться сексом? — Он смотрит на меня так, словно я какой-то уродец с двумя головами. Даже перестает щелкать пультом. На экране — какая-то испанская «мыльная опера».

— Да. — Что его так напугало?

— Сексом мы можем заняться и в постели.

— Да мы же только это и делаем. Когда ты в последний раз занимался сексом перед телевизором? — спрашиваю я робко и в то же время лукаво.

Он снова берет пульт, пробегает по каналам и останавливается на «Секретных материалах».

— Кристиан?

— Никогда, — тихо говорит он.

О!

— Никогда-никогда?

— Нет.

— И даже с миссис Робинсон?

Фыркает.

— Детка, я много чего делал с миссис Робинсон. Но сексом с ней не занимался. — Он усмехается и смотрит на меня с внезапно проснувшимся любопытством. — А ты?

Я вспыхиваю.

— Конечно. Вроде того...

— Что? И с кем же?

Ну нет. Ввязываться в эту дискуссию нет ни малейшего желания.

— Расскажи, — не отстает Кристиан.

Я смотрю на сплетенные, с побелевшими от напряжения костяшками пальцы. Он мягко накрывает их ладонью. Я поднимаю голову, и наши взгляды встречаются.

— Мне нужно знать. Я его так отделаю...

Тихонько хихикаю.

— Ну, в первый раз...

— В первый раз? Так были и другие? — рычит Кристиан. Меня пробирает смех.

— А чему вы так удивляетесь, мистер Грей?

Он хмурится, приглаживает ладонью волосы и смотрит на меня так, словно видит в другом свете. Пожимает плечами.

— Просто... Ну, принимая во внимание твою неопытность...

Я краснею.

— Этот свой пробел я устранила после знакомства с тобой.

— Верно. — Он усмехается. — И все-таки расскажи. Я хочу знать.

Смотрю в серые глаза. Пытаюсь понять, в каком он настроении и что будет дальше. Узнает и успокоится или взбесится? Я вовсе не хочу, чтобы он дулся. Кристиан невыносим, когда дуется.

— Ты и вправду хочешь, чтобы я все рассказала?

Он сдержанно кивает. На дрожащих губах — самоуверенная усмешка.

— Когда я была в десятом классе, мы ездили в Лас-Вегас. С мамой и ее мужем номер три. Его звали Брэдли, и мы вместе сидели на лабораторных по физике.

— Сколько тебе было тогда?

— Пятнадцать.

— И чем он сейчас занимается?

— Не знаю.

— И до какой же базы он дошел?

— Кристиан! — укоризненно говорю я, и он вдруг хватает меня за колени, потом за лодыжки и опрокидывает спиной на диван. Ложится сверху, просовывает ногу между моими. Все так неожиданно, что я вскрикиваю. Он сжимает мои руки, заводит их мне за голову.

— Итак... Этот Брэдли, он дошел до первой базы? — Кристиан третя носом о мой нос. Целует в уголок рта. Еще. И еще.

— Да, — бормочу я, едва шевеля губами. Он отпускает одну руку, чтобы взять меня за подбородок. Его язык грубо вторгается в мой рот, и мне ничего не остается, как только уступить страстному натиску.

— Вот так? — спрашивает Кристиан, отрываясь на передышку.

— Нет, не так, — выдавливаю я. Вся моя кровь как будто уходит вниз.

— А это он делал? Трогал тебя вот так? — Он отпускает подбородок и проводит рукой по телу, сверху вниз. Ладонь замирает на груди, большой палец кружит по соску, и тот напрягается в ответ на прикосновение.

— Нет. — Я извиваюсь под ним.

— И что, он дошел до второй базы? — шепчет мне на ухо Кристиан, и ладонь ползет по ребрам, минует талию и спускается на бедро. Он сжимает губами мочку моего уха и осторожно тянет.

— Нет, — выдыхаю я.

С экрана телевизора Малдер обличает ФБР.

Кристиан приподнимается, тянется за пультом, убирает звук. Смотрит на меня сверху.

— А как же придурок номер два? Он прошел вторую базу?

Его глаза дышат жаром. Сердится? Завелся? Не понять. Кристиан ложится рядом и просовывает руку мне под брюки.

— Нет... — шепчу я, глядя на него снизу. Я в плену его глаз, я бьюсь в силках его похотливого взгляда. Он издевательски усмехается.

— Хорошо. — Кристиан накрывает ладонью мой укромный уголок. — Не носите белья, мисс Грей? Одобряю. — Он снова целует меня, а его пальцы будто исполняют магический ритуал: большой дразняще порхает над клитором, указательный медленно продвигается вглубь.

— Мы же собирались заняться сексом, — жалобно выдавливаю я.

Он замирает.

— А это что?

— Это не секс.

— Что?

— Это не секс...

— Вот как? Значит, не секс? — Кристиан вытаскивает руку из моих штанов. — А так? — Он проводит по моим губам указательным пальцем, и я ощущаю собственный солоноватый вкус. Палец проникает глубже, копируя свои же недавние движения. Кристиан снова сверху, снова между моих ног, и я чувствую его эрекцию. Толчок... другой...

— Ты этого хочешь? — тихо спрашивает он, ритмично двигая бедрами.

— Да...

Его пальцы опять на моей груди, танцуют вокруг соска. Губы движутся вниз по скуле.

— Ты такая горячая, Ана... Знаешь, какая ты горячая?

Голос хриплый... ритм нарастает... Я раздвигаю губы, чтобы ответить, но вместо внятных слов с них срывается стон. Кристиан захватывает мою нижнюю губу зубами, оттягивает вниз, просовывает в рот язык. Освобождает другую мою руку, и я тут же хватаю его за плечи, запускаю пальцы в волосы, тяну... Он со стоном обрывает поцелуй и смотрит на меня.

— А...

— Нравится, когда я тебя трогаю? — шепотом спрашиваю я.

Он хмурится, словно не понимает вопрос. Останавливается.

— Конечно, нравится. Я как голодный на пиру, мне хочется больше и больше. — В голосе — страсть и искренность.

Кристиан опускается на колени у меня между ног, стаскивает кофту. Под ней — ничего. Он торопливо стягивает через голову рубашку, швыряет на пол, подхватывает меня снизу и усаживает себе на колени.

— Трогай меня. Ласкай...

— Уф... — Я осторожно касаюсь кончиками пальцев волос на его груди, провожу по шрамам от ожогов. Он замирает на вздохе, зрачки расширяются, но причиной тому не страх. Это сексуальная реакция на мое прикосновение. Он пристально наблюдает за моей рукой. Мои пальцы парят над кожей, касаются одного соска, потом другого. Те моментально встают. Подавшись вперед, целую его в грудь, глажу его плечи, щупаю твердые, как камень, мышцы... Здорово! Он в прекрасной форме.

— Я хочу тебя, — шепчет он. Для моего либидо это зеленый свет. Я отвожу назад его голову и получаю доступ ко рту. Огонь разгорается, в животе становится жарко.

Кристиан стонет и толкает меня на диван. Садится, срывает с меня штаны и одновременно расстегивает «молнию».

— Вот так... то, что надо... — Одно движение — и он уже во мне.

С моих губ срывается стон, и Кристиан замирает, сжимает ладонями мое лицо, смотрит в глаза.

— Я люблю вас, миссис Грей. — Медленно, нежно, бережно — он делает это так. Снова и снова, пока его любовь не переполняет меня и я не могу больше терпеть — выкрикиваю его имя, прижимаюсь, обхватываю его руками и ногами — не хочу отпускать, не хочу, чтобы это кончалось.

Как убитая, лежу на его груди. На полу в телевизионной.

— Знаешь, по-моему, мы обошли третью базу. — Я провожу пальцами по его груди.

Кристиан смеется.

— Оставим до следующего раза, миссис Грей. — Он целует меня в макушку, а я поворачиваюсь к телевизору — по экрану ползут финальные титры «Секретных материалов». Кристиан дотягивается до пульта и включает звук.

— Нравился сериал? — спрашиваю я.

— Да, когда был мальчишкой.

Да-а... Представляю: кикбоксинг, «Секретные материалы» и никаких ласк.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Моей маме — с любовью и благодарностью (*исп.*).

Мадемуазель? Пожалуйста, перье для меня, кока-колу лайт для моей жены. И что-нибудь поесть... Позвольте меню (*фр.*).

Международный аэропорт Сиэтла — Такомы.

Mile High Club (*англ.*) — сленговое наименование людей, занимавшихся сексом в самолете, условно говоря, на высоте одной мили. — *Примеч. пер.*

Счет! (*фр.*)

Popsicle (*англ.*) — мороженое на палочке с фруктовыми наполнителями. — *Примеч. пер.*

Вдвоем (*φρ.*).

В данном случае — уменьшительное от «субмарина», как называют в США сэндвич. —
Примеч. пер.